

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

АЛИБЕК СЕЙДЕХАН НУРМАХАНОВИЧ

КОСАНБАЕВ САКЕН КУРБАНБЕКОВИЧ

БЕГАЛИЕВА АЙША КАРЫПЖАНОВНА

ЭТНОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МОНОГРАФИЯ

Алматы - 2018

**УДК
ББК**

Ответственный редактор: д.и.н., профессор,
почетный профессор Болонского
университета (Италия), академик НАН РК
Исмагулов О.И.

Рецензенты: д.и.н., профессор М.Кожаев
д.и.н., профессор Турсын Х.М.

Алибек С.Н., Косанбаев С.К., Бегалиева А.К. Этнология Казахстана:
история и современность Монография. Алматы, 2018 год – 155 страниц

ISBN

В монографии представлены теоретические аспекты истории становления и развития этнологии в Казахстане, рассмотрены исторические истоки развития этнографической науки в Казахстане, уделено внимание новому этапу развития этнографической науки, подготовке ученых – этнологов, рассмотрены достижения и проблемы развития этнологии в Казахстане на современном этапе.

В издании сочетаются новизна и результаты научных исследований с доступностью и полнотой учебного материала.

**УДК
ББК**

**Алибек С.Н., Косанбаев С.К., Бегалиева А.К., 2018
КазНУ имени аль-Фараби. 2018**

ISBN

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ЖС – Живая старина

ЦГАРУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан

СЭ – Советская этнография

ЭО – Этнографическое обозрение

НП – Наука и просвещение

ИАН КазССР - Известие АН КазССР – Известие Академии Казахской Советской Социалистической Республики

ТС - Тюркологический сборник

ВАН КазССР - Вестник Академии наук Казахской Советской социалистической Республики

ВИ – Вопросы истории

ТИИАЭАН КазССР – Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской Советской социалистической Республики

ВЭ - Вестник Евразии

КЦ - Казахская цивилизация

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ		5- 9
1	ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В КАЗАХСТАНЕ	
1.1	Устное народнопоэтическое творчество - важный источник по изучению этнографии	9-28
1.2	Проблемы этнографии в трудах ученых-энциклопедистов средневекового Востока	29-44
2	НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ УЧЕНЫХ - ЭТНОЛОГОВ КАЗАХСТАНА	
2.1	Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР в подготовке кадров этнографов Казахстана	45-60
2.2	Роль и значение Института этнографии АН СССР в подготовке этнографических кадров для Казахстана	61-81
3	ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ НЕЗАВИСИМОГО КАЗАХСТАНА	
3.1	Основные итоги этнических исследований казахского этноса	82-95
3.2	Проблемы изучения традиционной материальной и духовной культуры казахов	96-128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		129-131
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ		132-154.

ВВЕДЕНИЕ

Этнология – важная часть исторической науки, изучающая этническую историю, быт и культуру, семейно-бытовые отношения, взаимосвязи различных народов в прошлом и настоящем. Она является сравнительно молодой отраслью истории, зародилась в 60-70-х гг. XIX в. Ряд ученых разделяют науку на две части: этнографию и этнологию. По их понятию, этнография ограничивается сбором фактологических материалов по исследуемой теме, а функция этнологии носит аналитический характер, то есть осуществляется в обобщении собранных этнографических материалов. Современный российский этнолог, В.А. Тишков считает, что «этнография СССР в 1920 – начале 1930-х годов превратилась в этнологию («логос»-«знание»), подчеркивая аналитические, народоведческие начала науки в отличие от «графос» - «описание»)» [1].

Однако в последующее советское время вся исследовательская работа проводилась под девизом этнографии.

На самом деле речь идет о двух сторонах одной науки. Об этом четко сказал С.А. Токарев: «В истории любой науки можно различать две стороны: накопление фактических знаний и их осмысление и обобщение. Обе стороны неотделимы одна от другой. Ошибочно рассматривать их как два этапа в развитии науки; сначала лишь накапливался фактический материал, позже его стали обобщать и строить разные теории. Нет, с самого начала этнографические факты... замечались, собирались, записывались не просто так, ни с того, ни с сего. А либо по практическим побуждениям, либо для удовлетворения естественной любознательности. Но и в том, и в другом случае этнографические факты не оставались сырым и мертвым грузом в сознании людей, а укладывались в какую-то, пусть простую и наивную систему, они как-то осмыслялись». [2]

Этнология в 60-70-х гг. XIX в. начала формироваться и развиваться в странах Западной Европы и Америки. Расширение территории Российской империи вело к увеличению этнического разнообразия населения, ставило задачу изучения народов. Подчиненные народы подвергались всестороннему изучению. Объектами становились их территории, этнический состав, природные богатства, материальная и духовная культура. Российские исследователи собрали богатейшие новые материалы по этническому составу, быту, культуре, семейно-родственным и общественным отношениям. Собранные сведения обобщались и появлялись этнологические труды А.И. Левшина, П.И. Рычкова, А.Н. Татищева и др. В этих трудах имеются многочисленные этнографические сведения о казахах, их этнической истории, быте, материальной и духовной культуре, семейных отношениях. Но надо отметить, что в некоторых трудах эти сведения были отрывочны, а иногда носили чисто описательный характер.

Ряд недостатков в изучении проблем этнологии казахов удалось преодолеть в советский период благодаря деятельности таких ученых как С.П.

Толстов, Т.А. Жданко, А.Х. Маргулан, Э.А. Масанов, Г.Н. Валиханов, У.Х. Шалекенов, Х.А. Аргынбаев, О.И. Исмагулов, М.С. Муканов и др. Обретение Республикой Казахстан независимости придало импульс росту и возрождению национального самосознания казахского народа, открыло возможности для национально-культурного развития, позволило исследователям провести объективную и беспристрастную оценку историко-культурного наследия.

Восстановление исторической памяти, возрождение национальной духовности, протекающие во взаимосвязи с подъемом национального самосознания, выдвинули проблему бережного сохранения этнонациональных особенностей казахского народа. Её высокая общественная значимость определяется потребностями современного исторического прогресса, укрепления межнационального согласия, поиска эффективных путей национального развития разрешения комплекса вопросов, вызванных так называемым «этническим парадоксом современности». После распада Союза во всех республиках остались этноменьшинства, которые имеют новые тенденции для этнокультурного развития, полноту прав и свобод. Казахстану удалось выдержать сбалансированную этническую и межконфессиональную политику, не допустить серьезных конфликтов и противоречий. Определенный вклад в это вносят и этнологи Казахстана.

Важным элементом разрешения межэтнических проблем является функционирование такого общественного органа как «Ассамблея народа Казахстана» (АНК). Данная «Ассамблея» представляет собой уникальный общественно-политический институт, позволяющий реагировать на запросы в области этнополитики. Благодаря деятельности АНК и взвешенной этнической политике государству Республике удалось в целом сохранить межэтнический баланс, гармонизировать интересы различных этнических групп населения.

Важным аспектом актуализации проблематики этнологической науки является усиление процессов глобализации, в рамках которой происходит унификация этнических культур, что вызвало такое явление, как «этнический парадокс современности». Суть парадокса заключается в том, что чем больше усиливается глобализация и этническая унификация, тем больше этносы стремятся сохранить свою этнокультурную идентичность. И в этой связи возрастает роль и значение научных исследований в сфере этнологии.

Анализ информации и фактологических данных по исследуемой теме позволяет сделать вывод о том, что в целом уровень изученности развития научной этнографии (этнологии) Казахстана не вполне отвечает её насущным потребностям. Зарождение системы этнографических знаний о казахах (а до формирования казахского этноса - о тюрках вообще) связано с периодом средневековья. Устное народно-поэтическое творчество казахов, уходящее корнями в глубокую древность, этническую историю, представлено героическими сказаниями, лирико-эпическими поэмами, преданиями, легендами, созданными преимущественно на основе пережитых народом исторических событий. Первоисточниками их могли быть краткие

повествования о подвиге людей, отличившихся воинской доблестью, рассказы о несчастной трагической любви молодых, бросивших вызов несправедливости, здоровая стихия народной фантазии, проявлявшаяся в борьбе с силами природы. Наряду с устным народным творчеством на территории Казахстана бытовала письменная литература в виде поэзии. В этом отношении сохранившиеся памятники пиктографического картинно-синкретического письма, идеограмм, древнетюркской рунической письменности требуют досконального изучения. Большой вклад в развитие основ национальной этнографической науки внесли А.Н. Фараби, Ю. Баласагуни, М.Х. Дулати и др. Исследованиями казахского устного народного творчества в разные годы занимались такие крупные ученые как Ч.Ч. Валиханов [3], Г.Н. Потанин [4], А.А. Диваев [5] Данные вопросы изучали также такие казахские ученые как К.А. Акишев. [6], У. Джаныбеков [7], Е.Д. Турсунов [8].

Работы, посвященные историографии казахстанской этнографической науки, как правило, носят обзорный и фрагментарный характер. Тем не менее определенный опыт осмысления этнографических исследований в республике накоплен. Прежде всего, следует указать на работы теоретического и общеметодологического характера, которые, как известно, являются базовым компонентом любых научных этнографических исследований [9]. Одним из первых историографических трудов, посвященных этнографической проблематике, стал опубликованный в 1925 г. в Ленинграде очерк В.В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России». Автор в целом попытался показать, как именно, какими путями, в каких направлениях осуществлялось изучение истории, жизни, быта, культуры, языков восточных народов, в том числе населяющих Центрально-азиатский регион [10].

Отдельной группой стоят историографические труды общего характера, посвященные обзору состояния исторической науки, в которых в той или иной степени оцениваются процессы накопления в Казахстане научных этнографических знаний. Среди них выделяется работа М.К. Козыбаева «Казахстан на рубеже веков. Размышления и поиски», в которой была предпринята успешная, на наш взгляд, попытка с новых методологических позиций целостно исследовать проблемы историографии, источниковедения и методологии истории Казахстана [11].

Среди работ советского периода важное значение имеют такие работы А.Х. Маргулана [12], У.Х. Шалекенова [13], М.С. Муканова, [14] О. Исмагулова [15].

Советский период развития этнологической науки Казахстана характеризовался некоторыми противоречивыми тенденциями. С одной стороны, произошло окончательное формирование национальной школы профессиональной этнологии. С другой стороны, научные труды данного периода не избежали некоторого влияния господствующей идеологии и ее влияния на теоретико-методологическую базу исследований. Тем не менее, значительному числу казахских ученых удалось в данный период создать

широкую научную базу для развития национальной научной школы. Особое место в данном процессе принадлежит таким ученым как А.Х. Маргулан, М.С. Муқанов, Х. Аргынбаев, У.Х. Шалекенов, О. Исмагулов, Ж.О. Артыкбаев и т.д.

В период независимости были изданы такие работы как: Шалекенов У.Х. Элем халықтарының этнографиясы; Муқанов М.С., Аргынбаев Х., Козыбаев М.К. Казахи. Историко-этнологическое исследование.; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов; Абиль Е.А. Этногенез казахов. Опыт системного подхода. и т.д. В данных работах с новых теоретико-методологических позиций, обусловленных процессом деидеологизации этнологической науки, освещаются актуальные проблемы этнической истории и этнологии казахов [16].

Несмотря на то, что эти научные работы могут быть отнесены к числу сугубо этнографических исследований, они все же содержат во многом ценную информацию для историографии проблемы. Для этнографии Казахстана немаловажное значение имеют и многочисленные хроникальные заметки, персоналии, библиографические указатели, публиковавшиеся в разное время периодическими и отдельными изданиями. В них характеризуется динамика развития этнографической мысли посредством сообщений о проводимых форумах, конференциях, совещаниях, научных экспедициях, о кадровом составе этнографов, достижениях и заслугах отдельных исследователей.

Из публикаций специального историографического характера, раскрывающих общую динамику развития этнографической науки следует особо выделить монографию Э.А. Масанова «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР»[17].

В данной монографии делается первая попытка дать в хронологическом порядке обобщающий анализ тех эмпирических данных, которые накопились в казахской, российской и мировой науке относительно этнической истории и этнографии казахов. К сожалению, данная работа рано ушедшего из жизни Э.А. Масанова не была завершена, но ее вклад в развитие национальной этнологической школы бесспорен.

То есть, историографический анализ убеждает, что в изучении проблем истории отечественной этнографии проделана определенная работа. Однако национальная историография практически не имеет специальных трудов, посвященных истории развития этнографических знаний в Казахстане начиная со средневекового периода. В основной своей массе исследования, связанные с изучением истории казахской этнографии, содержали либо фрагментарные, либо сугубо статистические данные. Кроме того, в условиях тоталитарного прошлого, советская историография была ограничена идеологическими рамками, что оказывало свое негативное воздействие на содержание и характер этнографических исследований в Казахстане.

С обретением государственной независимости ситуация серьезно изменилась. Ученые получили полную свободу творчества. Однако процессы утверждения нового исторического мышления протекают противоречиво, многие вопросы пока не стали еще объектами конструктивного научного

анализа. К ним относится и научно-исследовательская проблема историографии отечественной этнографии. Это обстоятельство диктует необходимость построения схемы изучения процессов развития этнографической науки в Казахстане с истоков её зарождения по сегодняшний день, что позволит воссоздать целостную картину пополнения этнографических знаний со всеми ее как позитивными, так и негативными (на определенных этапах) явлениями и процессами.

1. Исторические истоки этнографической науки в Казахстане

1.1. Устное народнопоэтическое творчество – важный источник по изучению этнографии

Древнейшие виды устного народнопоэтического творчества возникли в процессе формирования человеческой речи еще в эпоху верхнего палеолита. Устное творчество в древности было тесно связано со сферой трудовой деятельностью человека и отражало религиозные, мифические, исторические представления, зачатки научных знаний. Обрядовые действия, посредством которых первобытный человек стремился повлиять на силы природы, на судьбу, сопровождались словами: произносились заклинания, заговоры, к силам природы обращались с различными просьбами или угрозами. Искусство слова было тесно связано с другими видами первобытного искусства – музыкой, танцами, декоративным искусством, что называется «первобытным синкретизмом». Следы его и сейчас заметны в фольклоре. По мере того, как у человечества накапливался все более значительный жизненный опыт, который необходимо было передать следующим поколениям, увеличивалась роль вербальной информации. Выделение устного поэтического творчества в самостоятельный вид искусства – важнейший шаг в предыстории фольклора.

Устное народнопоэтическое творчество казахов, уходящее корнями в глубокую древность, этническую историю, представлено героическими сказаниями, лирико-эпическими поэмами, преданиями, легендами, созданными на основе пережитых народом исторических событий. Исходными сведениями в этнографической науке являются данные о народах, их быте и культуре. Они собирались и откладывались в письменных источниках и отражались в устном поэтическом творчестве народов, в том числе казахов.

В «Очерках общей этнографии Азиатской части СССР» сказано об этом: «Содержательно и богато народное творчество казахов - фольклор, музыка, прикладное искусство. В фольклоре еще до недавнего времени большое место занимали обрядовые песни, сопровождавшие свадьбы, рождение детей, поминки»[18].

Фольклор был словесным искусством, органически присущим народному быту. Различное назначение произведений породило жанры, с их разнообразными темами, образами, стилем. В древнейший период у большинства народов бытовали родовые предания, трудовые и обрядовые песни, мифологические рассказы, заговоры. Решающим событием, проложившим рубеж между мифологией и собственно фольклором, стало появление сказки, сюжеты которой осознавались как вымысел. Сказки, имевшие воспитательное значение, были особенно популярны среди казахского народа. Среди них можно выделить: «Ер төстік», «Хан Шентей», «Еркем Айдар», «Аяз би» и многие другие. В них нашли отражение многие

мифологические представления и религиозные верования более древних обществ, а также элементы деятельности сравнительно поздних эпох.

Говоря о роли фольклора как источника исторической и этнографической информации, Е.Д. Турсунов отмечает: «Фольклор является весьма чутким индикатором процессов, происходящих в обществе и получающих отражение в мирозерцании людей. Достаточно напомнить хотя бы тот общеизвестный факт, что различным эпохам в жизни общества соответствует своя, отличная от предшествующих и последующих система жанров, средств образной выразительности, идейно-тематического содержания, отражающих различные уровни народного миропонимания и мироощущения» [19].

Иными словами, устное народное поэтическое творчество есть ни что иное, как яркий и своеобразный выразитель тех специфических социальных и культурных процессов, которые происходят в обществе. Изменения в социуме неизбежно в той или иной форме отражаются в фольклоре.

В прошлом многие исследователи неоднократно писали, что казахское устное поэтическое творчество богато и разнообразно. В частности, Н.И. Ильминский, давая характеристику казахского устного народного творчества писал: «Красноречие и поэзия, всегда процветавшие в кочевых племенах, значительно развиты и у киргизов (*казахов – авторы.*). Первый род их словесности – пословица (мақал), он выражает мысль опытную в форме кратких, созвучных и иногда параллельных предложений. За пословицами идут древние изречения (үлгілі сөз). Обширные прозаические произведения суть рассказы о древних героях (ертегі), они по местам украшены стихами, которые рассказчик поет под аккомпанемент балалайки (домбыра – авторы). Существуют рассказы о некоторых исторических лицах: Мамае, Едиге, Тохтамыше. Стихотворения различны по содержанию: есть песня (жыр), похвальные стихи (мақтау, толғау), плач по умершим (жылау). Приятно слушать киргизских говорунов (шешен), они говорят хорошо – связно, стройно, отчетливо, созвучно» [20].

В целом, автор достаточно позитивно оценивает значение устного поэтического творчества во всех его разновидностях, подчеркивает социальную роль его носителей. Именно из устного народнопоэтического творчества мы можем получить ту этнографическую информацию, которую невозможно получить иным путем. Именно народнопоэтическое творчество сохраняет (можно сказать «консервирует») многие обычаи, обряды, традиции, элементы образа жизни и т.д., которые уже исчезают в повседневной жизни этноса. Только из сказаний зачастую можно сделать исторические реконструкции элементов материальной и духовной жизни этноса.

Востоковед П.А. Фалев в труде «Введение в изучение тюркских литератур и наречий» подчеркивал значение фольклорных мотивов в обрядовой жизни казахов: «Мы находим обрядовые песни, поющиеся при свадебном ритуале. Невесту провожают песнями из родного аула в аул жениха. В ауле жениха невесту встречают песнями. Размер песен, сопровождаемый припевом джар,

джар, протяжный, гармонирующий с содержанием. Их содержание шутовское и размер скорый и веселый. Поют антифонно, то есть на два хора, пение сопровождается действием. Помимо обрядовых песен, также исполняются песенные состязания парней и девушек и состязания отдельных певцов. Последние особенно интересны. Состязания певцов носят хвалебный и сатирический характер одновременно: певец хвалит свой род и срамит род противника» [21].

Кроме того, П.А. Фалев обращал внимание на то, что казахи склонны к рассмотрению своей истории через фольклорные произведения: «У киргиз есть исторические предания об Алаше и Аблай-хане. Предание об Алаше-хане мифическом предке казахов построено по принципам народной этимологии. Если Алаша-хан лицо мифическое, то Аблай-хан историческая личность. До сих пор память о нем жива в народе. К его имени прикрепляются предания, имеющийся у выдающихся людей аруака. Часто аруак принимает образ какого-нибудь зверя или птицы. У Аблая аруак принимал вид беркута» [22].

Это важный элемент, поскольку свидетельствует о том, что, несмотря на принятие ислама, в народных верованиях сохранились элементы доисламских культов в форме фетишизма, анимизма, магии и т.д.

Как утверждал М.С. Муқанов: «Героический эпос казахского народа разнообразен и многочислен. Он отражает многие эпохи своего исторического прошлого, особенно борьбу против агрессии персидских шахов и джунгарских ханов. На страницах эпоса можно узнать многое из обычаев казахов, образа жизни, бытовой культуры и многое другое. Малые формы фольклора сказки, обрядовые песни, ритуалы, исторические предания и т.д.) также могут многое рассказать о прошлой жизни казахов [23].

Мы абсолютно согласны с М.С. Муқановым в его оценках роли и значения устно-поэтического творчества, так как только оно позволяет исследовать архаические формы народной культуры.

Как отмечает А.С. Балапанова: «Эпос казахского народа - это, прежде всего, сказания в форме героических поэм о богатырях, которые зачастую составляют поэтическую параллель к подлинным историческим событиям, имевшим место в далеком прошлом. Появление героического эпоса связано с переломными моментами в истории народов: образованием государственности, формированием новой геополитической ситуации в связи с борьбой за независимость и др. Имена эпических героев - батыров Едыге, Кобланды, Шора, Камбара, Таргына, Алпамыса, Ер Саина и других - связаны с конкретными историческими событиями» [24].

То есть, народнопоэтическое творчество выступает ценным историческим источником.

Основной частью духовной культуры казахов было устное народно-поэтическое творчество. Оно имеет древние и глубокие корни. Многие фольклорные сюжеты возникли еще в эпоху родового общества. Широко бытовали в народе мифы и сказки, легенды и предания, часть которых

подвергалась обновлению и переделывалась, другая ее часть входила в состав иных жанров, либо функционировала в законсервированном виде. Наряду со старыми слагались новые эпические произведения о событиях, происходивших на обширной территории Казахстана.

Следует подчеркнуть, что в устном творчестве отражались «все уровни народного миропонимания - от ритуально-мифологического до художественно-образного, и эту особенность фольклор в значительной мере продолжает сохранять в эпоху средневековья, особенно на ранних этапах формирования письменно-литературного творчества и тех форм народной философии, основывающихся на симбиозе позитивно-прикладных и религиозно-мистических представлений о мире, которые сохраняли свою активность до новейшего времени» [25].

Казахский фольклор богат и многообразен. Среди жанров фольклора наиболее распространены были обрядовые песни, сказки, героические сказания, пословицы и поговорки. Эти жанры охватывают все стороны жизни казахского народа. Как отметил Е.Д. Турсунов: «Фольклор кочевников вовсе не выбивается из общего контекста общечеловеческой культуры», а составляет ее важную, органическую часть. В древнем и средневековом обществе складывался героический эпос (Алпамыс, Короглы, Манас и пр.). Возникали также легенды и песни, отражающие религиозные верования. Позднее появились исторические песни, изображающие реальные исторические события и героев, такими, какими они остались в народной памяти. Если обрядовая лирика (обряды, сопровождающие календарный и сельскохозяйственный циклы, семейные обряды, связанные с рождением, свадьбой, смертью) зародилась в глубокой древности, то лирика необрядовая, с ее интересом к обычному человеку, появилась значительно позже. Однако со временем граница между поэзией обрядовой и необрядовой стирается [26].

Большое внимание изучению устно-поэтического творчества уделял Ч.Ч. Валиханов. Об этом А.Х. Маргулан в своей работе «Очерки жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова» пишет: «В ауле Чокан находился в постоянном окружении народных поэтов, сказителей, музыкантов, певцов, которые своими песнями, игрой, представлениями не только развлекали его, но и давали ему богатый научный материал. Такие представления (ойын – саук) иногда продолжались до поздней ночи. И.И. Ибрагимов вспоминает, что «Чокан по вечерам просиживался долго, слушая пение и рассказы киргиз (казахов – авторы.)» [27].

То есть, мы видим что для Ч.Ч. Валиханова фольклор его родного народа представлял большой познавательный интерес.

Из цитат становится очевидным, что Ч.Ч. Валиханов хорошо знал и ценил богатый фольклор народа, который является одним из неиссякаемых источников, отображающим всю многогранную жизнь казахсв. И именно из этой кладези народной мудрости он черпал сведения для своих научных исследований.

Анализируя социальный характер казахского народного эпоса А.Х. Маргулан отмечал: «В казахском эпосе меньше беспочвенной фантастики и витиеватых мифологических украшений... В степном казахском эпосе в большинстве случаев воспеваются, главным образом, исторические события, семейно-бытовые картины, племенно-родовые отношения, имевшие иногда место в далеком прошлом. В этом отношении казахский эпос является до некоторой степени поэтическим рассказом подлинных исторических событий или повествований бытового уклада, которые, крепко запечатлеваясь в памяти народа и облекшись в поэтическую ткань, передавались из поколения в поколение. По воспроизводству исторических фактов и бытовых подробностей древних времен казахский эпос иногда не уступает летописной записи, зачастую как бы служа ей заменой, когда народ не имел письма. И эти события он передает до такой степени точно, что находит подтверждение в исторической литературе. Эта точность соблюдается особенно в том случае, когда эпические предания передаются из уст наследственных акынов, т.е. от певца-отца к певцу-сыну и далее» [28].

В данной статье А.Х. Маргулан очень объективно оценил характер и социальную роль казахского устного народного творчества. Однако нашлись «недоброжелатели», которые поставили ему в вину следующее: «автор не дал партийного освещения тех задач, какие должны быть решены» [29].

Необходимо отметить, что роль и вклад А.Х. Маргулана в отечественное эпосоведение еще не до конца оценен. «Говоря о научном творчестве А. Х. Маргулана, следует отметить написанную в 1946 г. но не опубликованную статью «Сырым-батыр». Этот труд в виде рукописи сохранился в Центральной научной библиотеке АН РК» [30].

Кроме того, А. Маргулан первым сделал перевод «Ер Таргына» с казахского на русский язык [31], написал работу «Ежелгі жыр аңыздары» [32].

Так что нам еще предстоит оценить ту роль, которую сыграло изучение фольклора в становлении А.Х. Маргулана как ученого.

Богатство и специфику казахского народно-поэтического творчества отмечали многие исследователи. Как отмечал А.А. Диваев: «Присматриваясь к их быту, кочевой и привольной жизни, я вскоре убедился, что этот народ (казахский – авторы) обладает интереснейшим, ценным в научном отношении обильным родным эпосом и может смело гордиться солидным количеством высокоталантливых импровизаторов, певцов, рассказчиков, заучивающих наизусть целые поэмы, былины, легенды» [33].

Оценки А.А. Диваева как всегда корректны, убедительны и объективны с точки зрения современных данных.

Следует отметить, что важным элементом казахского национального устного творчества являются народные сказки. «Разнообразны казахские сказки о животных, бытовые, сатирические. Герои сказок – бедный, но никогда не унывающий Тазша (плешивый), насмешник Алдар-косо, острослов Жиренше-

шешен, который всегда находит способ взять верх над богатым, но глупым человеком» [34].

Отмечая роль и социальное значение сказок исследователь С.А. Каскабасов писал: «Казахская волшебная сказка имеет ряд специфических особенностей. Одни из этих особенностей сложились, по всей вероятности, в течение веков, и многие из них связаны с патриархальными нормами поведения, с отношениями людей в патриархальной семье и роде, а также со сложившейся в условиях патриархально-феодалного строя казахского общества сказочной традицией. Другие порождены тем крутым поворотом казахского общества к новым формам жизни, которые наметились с присоединением Казахстана к России и, прежде всего, с начавшимся распадом родовых отношений. Третьи вызваны исламизацией казахских сказок, т.е. проникновением идей ислама в казахские широкие массы в XIX в. и распространением мусульманской клерикальной книжности».[35]

Упоминает также С.А. Каскабасов и такую специфическую особенность казахских сказок, что в них, как правило, фигурирует мудрый старец, дающий главному герою советы: «Вообще у казахов очень много сказок, где главным советчиком, а иногда даже чудесным помощником героя выступает мудрый старик. Во всех этих случаях мы видим уважение к старшему. Почетная роль всегда отводится патриарху-мудрецу, главе большой семьи или всего рода. И кто послушен и почитателен к ним, тот всегда достигает цели».[36]

То есть, в сказках отражается такой важный элемент социальной жизни тюркских народов как уважение, почтение к старшим.

С.А. Каскабасов отметил также и этнокультурные связи казахских сказок со сказками других тюркских народов: турок, узбеков, туркмен, башкир [37], что подчеркивает этнокультурное единство этих этносов, их общее происхождение. По этому поводу следует вспомнить замечание А. Веселовского о том, что заимствование сюжетов и форм устного поэтического творчества возможно лишь в том случае, если у этносов есть схожие элементы в культуре [38], а также, если этносы близки по своему происхождению. Например, из того факта, что в фольклоре всех тюркских этносов есть сказания об Огуз-хане, Короглы (Гороглы), Деде Коркуте и т.д. можно сделать вывод о том, что «огузские племена, как один из компонентов, участвовали в формировании казахов, кыргызов, татар, башкир, туркмен, узбеков, каракалпаков».[39]

Именем легендарного древнетюркского правителя Алаша-хана называют себя представители племени алаша группы байулы Младшего жуза, одна из групп туркмен-сарыков также называется «алаша» и т.д. [40], что также говорит об этногенетическом родстве тюркских народов. Данную особенность тюркского фольклора отмечали и другие исследователи. Так, С. Мадуанов и М.У. Шалекенов пишут: «Сходство культурных традиций, языков, обычаев и т.д. является сближающей основой многих сторон устного поэтического творчества народов Туркестана, в частности казахов и кыргызов. Например,

произведение кыргызского героического эпоса «Ер-Тоштюк», имея несколько вариантов, бытует в устном народном творчестве казахов как богатырская сказка. Казахский «Ер-Тостик» не отличается от кыргызского ни по идейной направленности, ни по тематике, ни по характеристикам образов основных героев. Под названием «Ир-Тушлук» эта сказка бытует у тюменских татар. Имена многих героев их схожи. Во всех одноименных произведениях, несмотря на различие их жанров, встречаются одни и те же эпизоды, сходные характеристики персонажей» [41].

Тот же мотив – этнокультурные связи тюркских этносов раскрывается и в статье И.Б. Молдобаева «Изучение истории духовной культуры кыргызского народа». Раскрывая роль Ч.Ч. Валиханова в изучении этнографии различных тюркских народов, И.Б. Молдобаев отмечает: «При изложении этнических аспектов Валиханов невольно замечает, что кыргызский и казахский народы находятся в тесных этнокультурных контактах. Особенно его удивляет сведение о казахах в эпосе «Манас», где кыргызы и казахи представлены «в виде двух соседственных и дружественных с ногаями, но отдельных народов». По этнонимии кыргызов и казахов, а также по полным вариантам эпоса нами установлено, что у этих народов совпадали по названию около 40 этнонимов и генонимов. Значительный интерес вызывают кыргызско-казахские фольклорные связи. В кыргызском фольклоре очень много произведений об Асан-Кайгы. Ч.Ч. Валиханов верно назвал Асан-Кайгы «кочевым философом» и писал о нем: «Знаменитый в народных воспоминаниях кочевой философ «Асан Горемычный», по преданиям кыргыз, кочевал на Джиргалане». Вероятно, Асан-Кайгы относится в одинаковой мере к казахскому, кыргызскому и некоторым другим, в прошлом кочевым, народам Средней Азии. В кыргызских преданиях и других фольклорных жанрах Асан-Кайгы всегда упоминается вместе с Джаныбек-ханом, что соответствует действительности. К тому же эти предания очень схожи по своему содержанию с казахскими. О казахско-кыргызских фольклорных связях можно судить и по собранию Г.Н. Потанина, где имена героев казахских фольклорных произведений (Эр Косай, Эр Гокше, Алеуке-батыр и др.) находят параллели в именах персонажей эпоса «Манас»[42].

Следует отметить, что казахское устное народное творчество имеет давние исторические связи с аналогичным творчеством других народов: «Казахский фольклор, древняя поэзия и дореволюционная письменная литература богаты фактами, материалами, явлениями, свидетельствующими об их глубокой связи с культурой Востока» [43].

Например, ряд фольклорных сюжетов казахского устного творчества явно пересекается с сюжетами знаменитых сказок 1001 ночи [44].

Раскрывая закономерности этнокультурных связей казахского устного поэтического творчества с аналогичным творчеством других этносов, Е.Д. Турсунов отмечает: «прежде чем говорить о заимствовании, о влиянии одного фольклора на другой, надо проследить, имеется ли в данной среде благодатная почва для заимствования: ведь если такая основа не развилась на собственной

почве, то не может быть и заимствования, ибо не выработалась потребность в необходимости заимствования»[45].

Говоря о казахском сказочном фольклоре, «следует особо выделить рассказы о ловком обманщике, Косе или Алдар-Косе. «Косе» значит безбородый и безусый человек; в народном представлении эта примета почему-то связывается с особенной хитростью, лукавством и изворотливостью»[46]. Стоит напомнить, что Алдар-Косе обычно обманывает баев, мулл, купцов и т.д., но никогда – простой народ. Напротив, он, как и другой легендарный восточный герой – Ходжа Насреддин – всегда выступает на стороне слабых и обиженных.

Особенностью казахского сказочного творчества являлось то, что отсутствовал имевшийся у оседлых народов институт профессиональных сказочников: «скотоводческий уклад жизни способствовал тому, что почти каждый пастух, условиями своего труда вынуждаемый обходиться без повседневного общения с соплеменниками, должен был знать сказки, чтобы коротать свободные ночные часы при охране отары. Поэтому в казахских аулах не было профессиональных сказочников, которые бы поэтически обработали повествование в целом. Отсутствию у казахов профессиональных сказочников способствовало также и акынство, считавшееся вершиной художественного слова, поэтического искусства»[47].

То есть, подчеркивается, что отсутствие профессиональных сказочников – одна из характерных черт казахского устного народно-поэтического творчества.

Кроме того, как отметил М.У. Шалекенов: «Устное поэтическое творчество всегда занимало важное место в жизни казахского народа. Это определялось социально-экономическим и общественным устройством казахского общества.... Устное народное творчество было средоточием духовной жизни казахского народа, отражая практические знания охотников, пастухов, земледельцев, народную астрономию, медицину, ветеринарию, быль, поэзию, народные праздники. В нем содержались и законы адата – обычного права казахов и моральный кодекс и история народа. Помимо акынов-певцов, жырау или жырышы – сказителей эпоса и легенд, энші - певцов, ертекші - сказочников, қу - юмористов, любимы народом были также күйші – инструменталисты или композиторы. Южный Казахстан был родиной известных композиторов-самоучек Бейсерке и Ихласа, в многообразии жанров, стилей, школ и традиций бесписьменной и письменной литературы казахского народа отразились судьбы многих поколений, сокровенные думы и чаяния народа, его борьба против социального и национального гнёта» [48].

Устный народный фольклор различных народов Центральной Азии имеет много общего. Как отмечали С. Мадуанов и М.У. Шалекенов: «Глубокая взаимосвязь с другими соседними народами Туркестана на протяжении всей многовековой истории их развития нашла отражение в духовной культуре этих народов и, прежде всего, в фольклоре» [49].

Это совершенно ясно видно при анализе фольклора различных тюркских народов (казахов, узбеков, каракалпаков, туркмен, башкир и т.д.), где мы обнаруживаем удивительное сходство сюжетных линий, героев и т.д.

Близость сюжетов и героев различных жанров народного фольклора всегда была предметом исследования со стороны ученых – фольклористов, этнографов и т.д. Как писал академик В.М. Жирмунский еще в середине 50-х гг. XX в.: «Тюркоязычные народы Средней Азии – узбеки, казахи, киргизы, каракалпаки, туркмены – издавна были связаны между собой древней языковой общностью и длительными соприкосновениями, этническим и культурным взаимодействием в условиях совместной исторической жизни»[50].

То есть, межкультурные взаимодействия тюркских этносов служат основой для изучения истории развития этнокультурных особенностей региона. Многие элементы фольклора переросли национальные рамки, стали достоянием всех народов.

Далее В.М. Жирмунский пишет: «Народы Средней Азии... на протяжении своей многовековой истории находились в постоянном взаимодействии, в тесном культурном общении между собой и с другими народами, результатом которого должен был явиться творческий обмен культурных ценностей, в частности – в области литературы и фольклора»[51].

То есть, мы с уверенностью можем сказать, что единство многих компонентов устного поэтического творчества различных тюркских народов есть наглядное свидетельство их исторически сложившейся этнокультурной близости.

Еще одним важным элементом фольклора всегда были сказки и подобные им формы. Как отметил М.У. Шалекенов: «Значительное место в устном народном творчестве казахов занимали сказки: фантастические, о животных, бытовые, детские, легенды. В них заметно влияние арабского и персидского Востока. Так, «Тысяча и одна ночь» послужили источником таких сказок как «Человек, знающий язык животных», «Красивый хан», «Гуль и Саванар», «Умный ястреб» и пр... Для казахских волшебных сказок характерны такие персонажи как семиглавый жалмауз (людоед), жалмауз-кемпир (русская Баба-яга), джины-волшебники. Злым силам противостоят самрук-кус (птица-великан), царь змей, ковер-самолет, волшебное кольцо, шапка-невидимка. Во всех фантастических сказках мир реальный и мир воображаемый взаимосвязаны. В них отражены настойчивые попытки людей разгадать тайны природы, проникнуть за пределы видимого. В сказках о животных чаще всего предстают волк-оборотень, золоторогая антилопа, орлы, куланы и особенно конь и собака – верные спутники скотоводов. Бытовые сказки показывают трудную повседневную жизнь скотоводов-кочевников и их мечты о богатых пастбищах, горах, покрытых сочной травой, о благодатных долинах с прекрасным климатом, исключая такие бедствия, как джут»[52].

Разнообразны формы народного стихосочинительства. Это связано с тем, что ни одно событие, ни один праздник в казахской семье не обходился без

песни. Как отмечал Н.Г. Маллицкий в своей работе «Казахи (Этнографический очерк)»: «Замечательно развитие среди казахов народной словесности, в виде бесчисленного количества песен, плачей по умершим, пословиц, загадок, скороговорок, сказок, - в т.ч.и про животных и т.д. Поэзия развита почти исключительно лирическая. Любимая лирическая поэма казахов о трагической любви Баян-Сулу и Козы-Корпеша: в качестве памятника над могилами героя и героини указывают развалины буддийской ступы в долине р. Аягуза. Казахский фольклор носит на себе следы заимствований не только из мусульманских, но и из монгольских источников; встречается много так называемых ходячих сказаний, широко распространенных между всеми народами мира (например, магическое бегство от чудовища, во время которого бегущий бросает позади себя мелкие вещи, превращающиеся в гору, лес или озеро и т.о. задерживающие чудовище; далее сказка об удачливом отгадчике и т.д.)» [53].

То есть, исследователь подчеркнул, что казахский фольклор имеет глубокие историко-культурные корни, связан с творчеством многих соседних этносов.

Говоря об особенностях народной музыкальной культуры, Н.Г. Маллицкий отмечал: «Выдающуюся особенность казахской поэзии составляет антифонное пение. В некоторых случаях, - например, во время свадьбы, девушки и молодые люди разделяются на два хора и поют песни попеременно.... Существуют особые певцы и рапсоды (оленгчи, кюйчи и акыны), которые сохраняют народные песни и былины, а также (акыны) составляют новые.

«Оленгчи» (певцы) и особенно акыны (рапсоды) – желанные гости на торжествах, во время которых они поют песни эпического и лирического содержания, импровизируют похвалы хозяину или, наоборот, едко высмеивают недостаточно щедрых»[54].

На свадьбах, например, исполнялся «жар-жар» - проводы невесты в форме хорового пения с ведущими как со стороны девушек, так и со стороны парней - сверстников новобрачных. Это «песни, которые поются в доме невесты, попеременно хорами из девиц и парней. В этих песнях невеста восхваляет привольное житье свое в доме родителей и горюет по поводу предстоящей разлуки с родными и будущей горькой доли в доме свекрови, а окружающие утешают ее» [55]. Другая ритуальная песня «Сынсу» - прощание с родным очагом - исполнялась невестой перед выездом свадебной процессии из аула.

В ауле жениха певцом-песенником исполнялась третья ритуальная песня «Беташар» для ознакомления невесты с его родственниками. Характеризуя в стихах каждого из почтенных родственников, он призывал невесту отдать поклон в его честь, относиться к нему уважительно, как подобает достойной невестке. «В доме жениха, по прибытии невесты, во время пира, закрытая невеста вводится в дом родителей жениха и обрядом бет-ашар (песнопением) знакомят собравшихся с молодницей, а ее с собравшимися. Песни эти содержат, главным образом, правила приличия для невестки и характеристику свекра,

свекрови и других родственников жениха (иногда с прибавлением комических черт для смеха)»[56].

Все это результат усилий безымянных творцов казахского фольклора, шлифовавших исконно народные произведения на протяжении веков. В силу того обстоятельства, что они передавались из уста в уста, из поколения в поколение, эти произведения изменялись и дополнялись.

По мнению Л.Ю. Тугушевой, рассматривавшей содержательные и формальные особенности традиционного фольклора тюркских народов: «Рутинность содержания в какой-то мере компенсируется техничной, отработанной формой, которая, по всей видимости, впитала в себя традиции устного поэтического творчества народа, так как создатели их обращались к фольклорному поэтическому наследию не только с целью заимствования специфических приемов стихосложения, но в значительной мере переняли также систему образов»[57].

Как отмечают исследователи: «Очень интересны казахский исторический эпос («Кобланды», «Камбар-батыр» и др.) и эпические поэмы («Козы-Корпеш и Баян-Сулу», «Кыз-Жибек» и др.)»[58].

Роль эпоса и поэм заключается в том, что «в них воспеваются подвиги богатырей, проявляющих необыкновенную отвагу и мужество в защите родной земли от нашествия захватчиков. Сами образы богатырей раскрываются в эпосе в сказочном стиле. Герой обладает невероятными, сверхъестественными качествами, ему на помощь всякого рода чудесные силы. Эпос, всячески идеализирует, возвеличивает богатырей; народ утверждает через них свои идеалы и устремления. Камбар-батыр – народный заступник, кормилец целого рода. Он промышляет охотой, народному герою чуждо ограбление мирных аулов» [59].

Единение народа - главная цель всех героических сказаний, главными персонажами которых выступают батыры. Именно благодаря этим героическим предкам тюрки смогли отстоять свои национальные ценности. Их жены оказываются в роли умных помощниц, советчиц, как, например, Кортка в «Кобланды», Акжунус в «Ер-Таргыне», наравне с мужьями разделяют все невзгоды жизни, ведут борьбу. Герои терпят невероятные трудности, лишения, но, в конце концов, выходят победителями [60].

Еще в раннем детстве потомки батыров усваивали патриотизм, любовь к родной земле, к своему народу.

Важной особенностью фольклора народов региона является его широкое распространение среди всех этносов. «Взаимовлияние народов Туркестана особенно ярко проявилось в народных эпосах. Особо следует отметить сходство у различных народов версий эпоса «Алпамыс». У всех трех соседей – казахов, узбеков и каракалпаков – описываемые события связываются с племенем конград. В основе этих версий лежит конградская редакция «Алпамыса». Каждый из народов в своих полных версиях сохранил древний

сюжет, но дополнил его в соответствии со своей устной поэтической традицией»[61].

Кроме того, взаимодействия и взаимовлияния различных народов проявляли себя в других формах народного творчества.

С. Мадуанов, подчеркивая, исторические корни близости культур народов писал: «Духовное родство казахов и узбеков проявилось в их фольклоре и письменной литературе, изобразительном искусстве, религии ... Взаимодействию и взаимообогащению фольклора способствовало переплетение исторических судеб, сходство материальной культуры, бытовая общность, языковая близость» [62].

Лирико-эпические поэмы «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» сходны между собой по содержанию, по теме и разворачиванию событий, для их жанра характерны социально-бытовая направленность, любовная лирика.

«Козы-Корпеш и Баян-Сулу» - поэма о трагической любви беспредельно преданных друг другу двух молодых сердец. Произведение утверждает любовь как благородное человеческое чувство. Трагедия в жизни возлюбленных возникает из-за патриархально-феодальных установлений и обычаев, согласно которым судьбу Баян, решает не она сама, а ее отец, исходя из своих корыстных интересов: он продает ее Кодару за его услуги. Но поэма в целом оправдывает старинные обычаи, связанные со сватовством. Козы-Корпеш и Баян-Сулу засватаны еще до их рождения. Их взаимная любовь как бы предопределена обычаем сватовства, волею их отцов»[63].

А в поэме «Айман-Шолпан» все явления жизни и быта тогдашнего казахского общества изображаются реально, без особой гиперболичности. «В поэме «Кыз-Жибек» высоко ставится человеческое достоинство женщины, ее право на любовь. Вместе с тем в этом произведении идеализируется старый обычай левирата, согласно которому после смерти старшего брата его невеста или жена переходит к младшему» [64].

Так, фольклорное произведение становится источником этнографической информации.

Как отмечал российский исследователь В.И. Массальский, подчеркивая этнопсихологические и этнокультурные особенности казахского народа: «киргизы одарены хорошими умственными способностями, и учение дается им нетрудно... Способность к восприятию внешних впечатлений, в особенности к запоминанию событий, людей и природы, у киргизов весьма значительна, усвоение же отвлеченных понятий дается им гораздо труднее. Киргиз отличается живым, общительным и веселым характером; он находчив, сообразителен и сравнительно честен... Добродушие, гостеприимство и уважение к старшим принадлежат к числу коренных качеств киргиза. Отличительной чертой киргиза является любовь к поэзии и умение излагать свои мысли не только ясно и изящно, но и красноречиво. Отсюда высокое развитие устной народной литературы, отличающейся богатством и разнообразием»[65].

То есть, устное поэтическое творчество всегда выступало в качестве яркого выразителя лучших этнических черт казахского народа.

Как отмечает Ш.Ж. Тохтабаева: «Значимым историческим источником является устно-поэтическое творчество. В народных казахских сказках, пословицах и поговорках содержится много ценного относительно производственной деятельности мастеров, названий, качества металлов и камней, знакового осмысления конского снаряжения, поясов, ювелирных украшений, металлической домашней утвари. Описания металлических изделий присутствуют и в казахском эпосе. В таких эпических произведениях, как «Алпамыс-батыр», «Кобланды-батыр», «Камбар-батыр», «Ер-таргын», «Кыз Жибек», «Козы-Корпеш - Баян-Сулу», «Айман-Шолпан», упоминаемые металлические предметы выступают не только в роли эстетически осмысливаемых ценностей, но и в качестве эпитетов, символических знаков»[66].

В этой связи важным аспектом является тесная взаимосвязь элементов материальной (утвари, снаряжения, украшений и т.д.) и духовной (сказки, пословицы, поговорки и т.д.) культуры.

Далее Ш.Ж. Тохтабаева пишет: «в казахском эпосе образ коня и его снаряжение характеризуются равнозначно, как единое целое. При описании коня и его амуниции употребляются те же изобразительно-выразительные средства. Грива, шерсть, дыхание коня сравниваются с драгоценными металлами, сбруя, как правило, украшена золотой насечкой, седло золотое или серебряное, попона златотканая, возок, хомут и дуга золотые, поводья из шелка. В эпосе «Айман-Шолпан» даже подковы у коня золотые: «Сұр жорға алтын тұмармен жайлаған» (серый конь с золотой подковой)»[67].

Одной из специфических особенностей казахского (и в целом – тюркского авторы) фольклора является большая роль коня. Как отмечает А.У. Токтабай: «В казахском эпосе, в исторических песнях, на скачках XIX-XX вв. чаще всех побеждали лошади вороной масти, среди них не встречается лошадей белой масти. Сказав это, Ер Бегис начал готовить своего темно-серого тулпара - говорится в героическом эпосе «Ер-Бегис» [68].

То есть, даже цвет лошади имеет то или иное символическое значение.

Как утверждал К. Джаленов: «киргизы (*казахи – авторы*) среди других тюркских народностей, отличаются красноречием, способностью ясно, кратко излагать свою мысль, притом ритмически. Не удивительно поэтому, что киргизская народная поэзия, очень богатая, из поколения в поколение передавалась специальными певцами, которые являлись всюду желанными гостями, песни которых слушались с большим вниманием»[69].

Эти же особенности казахского этноса выделяли не только казахские, но также российские и зарубежные исследователи. Как отмечал В. Радлов: «киргизы (*казахи - авторы.*) выделяются среди всех своих соседей даром речи. Речь каждого киргиза течет плавно и свободно. Киргиз так владеет словом, что он не только может произносить длинные импровизации в стихах, но и обычная

его речь отличается определенным ритмом в построении фраз и периодов, так что и она нередко подобна стихам. Она образна, выражения ясны и точны, нет ничего удивительного в том, что именно у такого народа возникла особенно богатая народная литература»[70].

Будучи выдающимся востоковедом-тюркологом, владея тюркскими языками, В. Радлов смог уловить музыку казахской речи, ее роль и значение в системе культуры этноса. Более того, именно устное поэтическое творчество явилось одним из важных источников формирования восточной поэзии: «древнетюркская поэзия органично выросла из устнопоэтической традиции», а это в свою очередь « прямо свидетельствует о сложении в устнопоэтической традиции развитых поэтических форм»[71].

Разнообразна тематика казахской сказки, особенно волшебной, представляющей во многом синкретическую форму. Здесь можно обнаружить наряду с волшебными повествованиями космогонические, генеалогические, топонимические сказания, предания, легенды. Популярными героями казахских сказок являются Алдар - Косе и Жиренше - острословы и шутники, которые ловко проводят своих противников. Как подчеркивал исследователь Т. Какишев: «Богатая устная литература казахского народа дает интереснейший материал критического характера, который позволяет определить эстетический идеал народа, критерии прекрасного, безобразного, добра и зла, трагического и комического, то есть утверждает каноны народной эстетики. Рисуя словесные портреты красавиц или изображая грациозный, динамичный бег Тайбурыла Кобланды (лиро-эпос «Кыз-Жибек»), фольклор утверждает народные представления о прекрасном» [72].

То есть, устное творчество явилось основой для многих жанров профессиональной литературы, в том числе – для жанра критики. Пословицы, поговорки, загадки, афоризмы у казахов несут в себе большую воспитательную нагрузку [73].

Значительную роль в изучении богатого устного наследия казахского народа сыграл Ч.Ч. Валиханов. Как отмечает Н. Алимбаев: «Фольклорная культура казахов в понимании ученого, прежде всего, есть социальная память народа, поскольку именно в ней как в фокусе отражаются основные социокультурные параметры жизнедеятельности кочевого общества. В многочисленных трудах Ч.Ч. Валиханова конкретно-исторически продемонстрировано то важное обстоятельство, что памятники устного творчества, соотносимые с письменными и археологическими данными, послужат едва ли не единственно уникальным источником изучения социальной и этнической истории народа, в особенности его традиционного миропонимания. Вместе с тем ученым подчеркивается огромное познавательное значение элементов традиционной фольклорной культуры в изучении социокультурных норм и принципов общественного поведения» [74].

Ч.Ч. Валиханов всегда подчеркивал большую значимость устного творчества, в этнографических исследованиях: «только народные легенды,

поэмы оставались до сих пор незатронутыми» [75]. Он был одним из первых, кто привлек материалы устного народного творчества в этнографическую науку [76].

Как отмечают многие ученые: «По сути дела казахский ученый стоит у истоков манасоведения, киргизской фольклористики» [77]. Ч.Ч. Валиханов писал: «Произведения, вылившиеся из уст всего народа как от лица одного существа, не лишены исторического, филологического и психологического интереса».[78] Например, в эпической поэме «Кыз-Жибек» дается описание обычая левирата.[79]

Выдающимся памятником устного народного творчества является «Қырық өтірік» («Сорок небылиц»), не поддающийся до сих пор точному переводу на русский и другие языки. Жесток нрав ханов - властелинов. Один из них то ли из-за безделья, то ли из честолюбия извещает своих подданных, что тот, кто составит неправдоподобный рассказ и споет сорок куплетов стихов-небылиц собственного сочинения, будет достоин руки его единственной дочери и сана великого везира. Многие сложили головы из-за правдоподобия сказанного. И лишь мальчик-пастушок выходит победителем из этого испытания и вознаграждается за ум, находчивость, за сорок своих небылиц. Этот сюжет относится к типичному жанру сказки-притчи, широко распространенному как у казахов, так и на всем Востоке. Как писал этнограф Н. Семенов еще в 90-е гг. XIX в.: «Ознакомившись с характером творчества монгольских (в данном случае казахско-ногайских) певцов, мы утвердились во мнении, что певцы эти решительно не склонны ни к чему сверхъестественному, чудесному, и вместе с тем, в своих песнях совершенно чужды тонкостей в выражении чувства и мыслей. Исторические факты они воспроизводят с точностью летописца».[80]

То есть, на протяжении веков устное народное творчество выполняло много социальных функций, в том числе – функцию передачи культурной информации от одного поколения к другому. Как отмечает М.У. Шалекенов: «Самостоятельным жанром устного творчества являются легенды. В их основе обычно лежит быль, событие, происшедшее в истории народа, или биография действительно жившего человека».[81]

То есть, народные легенды выступают в качестве важного и ценного источника разнообразной социальной информации, в том числе – и этнографического характера. Распространителями и популяризаторами народного творчества в прошлом были:

- **жыршы** - сказители, которые могли спеть целую поэму на память, пользуясь при этом традиционными приемами народного исполнительства, импровизации, демонстрируя одновременно виртуозную игру на народных инструментах. Таким был Мурын-жырау (1860-1954), владевший феноменальной памятью, талантом актера «театра одного исполнителя», пел на память и эмоционально рассказывал содержание целой серии эпических поэм «О сорока ногайлинских батырах» - ценного памятника устного народного

поэтического творчества XIV-XVII вв., записи которых хранятся ныне в редком фонде Национальной Академии наук Казахстана;

- **әңгіші**- певцы, достигшие высоты исполнительского мастерства на народной основе. Такими были Биржан сал, Ахан-сери, Балуан-шолак, Мади, Ибрай и др. А вот Амре Кашаубаеву - выдающемуся казахскому певцу, суждено было спеть на домбре такие сложные, требующие сценического воплощения и высокого профессионального мастерства песни как «Ағаш аяқ» («Деревянная нога»), «Жалғыз арша» («Одинокая ель»), «Смет», «үш дос» («Три друга») на Всемирных выставках в Париже (1925), и Франкфурте-на-Майне (1927);

- **ақыны**- певцы, обладающие искусством импровизации.

Четкое разграничение между акынами и жырау дал Е.Д. Турсунов.[82] По его мнению, разница в следующем:

1. Акынами могут быть как мужчины, так и женщины. Известны имена таких женщин-акынов как Тогжан, Аксулу, Сару, Рысжан, Айкумис, Большк, Айкын, Шокей, Табию, Шарипжамал, Даме, Улбике, Хадишу, Ажар, Жекей, Манат, Кюзен, Кюйкентай и т.д. Жырау же представлены исключительно мужчинами.

2. Акын – представитель рода. Во время айтыса он выступает от имени рода. В качестве примера можно привести любой из айтысов – все они являются состязаниями акынов разных родов, и каждый из противников восхваляет свой род, лучших людей своего рода, обычаи своего рода и т.д., высмеивая по всем этим пунктам род противника. Жырау же – представители всего народа, всего союза племен (жуза, ханства).

3. Акын живет в ауле, среди сородичей, разъезжает по аулам, вступая в айтыс с другими акынами, которые также являются представителями своих родов. Место же жырау всегда - в ставке хана.

4. Акын – более древний тип, чем жырау. Глубокую древность типа акына доказывает то, что основным жанром акынского творчества является айтыс. Жырау в айтыс не вступают.

Большой популярностью у казахского этноса всегда пользовались **айтысы акынов** - поэтические состязания певцов-импровизаторов, на которые собирались большое количество любителей народной поэзии. Как отмечают этнографы: «Одной из форм народно-поэтического творчества казахов являются айтысы - публичные поэтические состязания, на которых певцы и поэты соревнуются в искусстве импровизации. Создатели и распространители произведений народного творчества... акыны популярны в народе». [83]

На айтысе с представителем противоположной стороны акын восхвалял свой род, его людей, мгновенно слагая свои импровизации. Другой тоже приводил в пример достоинство и доблести своих сородичей, их щедрость и сердечность. Приз доставался тому, кто выходил победителем из этого состязания в стихах. По мнению Е.Д. Турсунова, айтысы первоначально носили ритуальный характер, а затем превратились в специфический жанр

художественного фольклора.[84] Одним из популярных жанров казахского фольклора является также толгау. Как отметил А. Дербисалин: «Толгау – одна из древнейших форм казахского стиха. Его первоначальные корни восходят к героическому эпосу. Близость этих жанров, как по форме, так и по содержанию, сохранилась до наших дней».[85] Е.Д. Турсунов называет толгау жанром «поэтико-назидательных раздумий-импровизаций». [86]

Еще одним интересным жанром устного народного творчества являются «қара өлен». Если «қара өлен» сравнить с поэзией жырау, являющейся классической формой казахской поэзии, выяснится, что последняя функционирует на совершенно иных основах. В плане структуры, ее основной жанр *толгау*, 7-8-сложник со свободной рифмовкой, а порой и элементами риторики. Толгау обычно посвящен какому-либо значительному событию, т.е. это повествовательный, эпический жанр, а не философский. Самое интересное в поэзии жырау, что это авторская поэзия в эпической традиции. Имена казахских жырау широко известны. Так, традиция сохранила нам имена Асана Кайгы, Казтугана, Доспамбета, Шалкииза.[87] Что касается «қара өлен» - это безымянный, анонимный жанр.[88]

Подробный анализ различных жанров казахского народного творчества дал Халел Досмухамедов – известный ученый, председатель Киргизской научной комиссии. В частности, им дана классификация жанров казахской народной литературы: эпос (жыр) – героический, исторический, животный; сказки (ертек), пословицы и поговорки (мақал және мәтел), загадки (жұмбақ), приметы (ырым сөз), скороговорки (жанылтпаш), поверия, легенды и т.д.[89]

Роль устного творчества как этнографического источника подчеркнул также С. Каскабасов: «Фольклор казахов, как фольклор любого народа, своими корнями уходит в первобытнообщинный строй, в доисторический быт. Он стал художественным жанром уже в классовом патриархально-феодальном обществе. А казахское патриархально-феодальное общество сохранило в виде пережитков немало институтов и обычаев родового строя. Так, у казахов вплоть до второй половины XIX века жили полнокровной жизнью (правда, в трансформированном виде) такие древние обычаи как экзогамия, авункулат, левират, усыновление и др.».[90]

Многие существовавшие ранее реалии общественного быта исчезают в жизни, но еще длительное время сохраняются в устном фольклоре. Именно это обуславливает его важную роль и значение как ценного этнографического источника.

Существенную роль в изучении казахского устного народного творчества сыграл также выдающийся писатель и общественный деятель Мухтар Ауэзов. Как утверждал Р. Бердыбаев: «М. Ауэзов в казахской фольклористике одним из первых исследовал генезис, жанровые, тематические, идейно-художественные особенности сказок. Исследования М. Ауэзова по казахскому героическому и романтическому эпосу отличаются конкретностью анализа, пониманием специфики его жанровой природы. Один из интересных жанров казахского

фольклора – айтысы акынов – впервые был исследован М. Ауэзовым.... Заслуживают внимания также интересные наблюдения и мысли М. Ауэзова об искусстве сказителей – акынов, жырау, жырши, термеши и др.... В золотой фонд казахской драматургии вошли его пьесы: «Кара кипчак Кобланды», «Айман-Шолпан», «Енлик-Кебек», написанные по мотивам одноименных эпических сказаний».[91]

Мы разделяем точку зрения Р. Бердибаева на вклад Мухтара Ауэзова в развитие изучения казахского народного творчества, служившего также основой творчества профессиональных литераторов.

Как верно отмечает С. Ильясова: «Под руководством академика АН Казахской ССР М.О. Ауэзова была проделана большая работа по собиранию, систематизации и изданию образцов богатого устного народного творчества казахского народа. В устном творчестве казахского народа ученый выделяет сказки, героический эпос, обрядовая поэзия объединены им в один вид - народные поэмы. Автор первым среди казахских фольклористов устанавливает в составе казахского фольклора прозаические произведения, которые по содержанию не совсем похожи на обычные сказки. Их он именует легендарными сказками и легендарными рассказами».[92]

В учебном пособии «Әдебиет туралы» М.О. Ауэзов подробно анализирует различные жанры казахского народного творчества. В частности, им дана классификация жанров казахской народной литературы: героический эпос («Кобыланды», «Ер Таргын», «Ер Сайын»), исторический, животный, сказки (ертек), легенды (аныз), пословицы (мақал) и поговорки (мәтел), загадки (жұмбақ) и т.д.». [93]

То есть, следует отметить, что М.О. Ауэзов проделал огромную работу по сбору и систематизации устного народного творчества своего народа. Данное творчество являлось неисчерпаемым источником творческого вдохновения для М.О. Ауэзова и других казахских литераторов.

В целом, следует отметить, что устное народно-поэтическое творчество казахского народа являлось и является важным источником этнографических сведений, особенно о тех исторических периодах, о которых сохранилось недостаточное количество письменных источников. Исполнители народных эпосов на протяжении длительного времени выполняли функции устных летописцев, благодаря которым сохранилось много ценной исторической и этнографической информации. Следует помнить, что на протяжении многих веков устное творчество казахского народа выполняло значительное число социальных функций, в том числе важнейшую функцию передачи духовно-культурной информации от одного поколения к другому. Также устное поэтическое творчество всегда выступало в качестве яркого выразителя лучших черт этнической идентичности казахского народа.

Роль устного творчества определяется тем немаловажным обстоятельством, что значительная часть имевших место ранее этнографических реалий (материальной и духовной культуры, семейного и

общественного быта), перестают существовать как факт объективной живой реальности, но еще достаточно длительное время отражаются в устном народном фольклоре. Именно это обуславливает его важную роль и значение как ценного этнографического источника. То есть, мы должны подчеркнуть, устное фольклорно- мифологическое творчество казахского народа не только является специфическим выражением всей глубины и богатства духовной культуры этноса, но выступает также как ценный и незаменимый историко-этнографический источник.

В частности, именно в устном народном творчестве сохранялись многие сведения о легендарных героях и правителях, об образе жизни, обрядах, обычаях и традициях народа на ранних этапах его историко-этнического развития. Устное народное творчество в условиях достаточно длительной бесписьменной традиции явилось ценным источником и бережным хранителем фундаментальных основ казахской народной культуры. Необходимо отметить, что большая роль в сохранении и передаче следующим поколениям народа национального достояния принадлежит как профессионалам (акынам, жырау), так и широким массам народа в целом.

1.2 Проблемы этнографии в трудах ученых-энциклопедистов средневекового Востока

В данном параграфе раскрываются вопросы изложения различных данных по этнографии тюркских этносов, содержащиеся в сочинениях авторов средневекового Востока. Необходимо отметить, что истории не известно чисто этнографических трудов, написанных в данный период. Однако отдельные элементы этнографического знания довольно щедро рассыпаны по различным письменным источникам художественного, географического, исторического и иного характера. Наряду с устным народным творчеством на территории Казахстана бытовала письменная литература в виде поэзии. К великому сожалению, волны завоеваний уничтожали культурные ценности, обрекая людей на историческое беспомыслие. Уцелевшие рукописи были в основном утеряны временем, и теперь о бытовавшей в прошлом письменности можно судить большей частью только по «каменным книгам». [94]

Сохранившиеся памятники пиктографического картинно-синкретического письма, идеограмм, древнетюркской рунической письменности требуют досконального изучения. Китайский путешественник Чжан Цянь, проживший в общей сложности 13 лет (140-127 гг. до н.э.) среди усуней, кангюй-кангаров и других племен, сообщает, что у них была своя письменность. [95] Наименование теле (телэ), применявшемся для обозначения союза 44 древнетюркских племен, впервые упоминается в китайском источнике «Бейши» («История Северной династии»), написанный историком Ли Яньшоу в середине VII века, а затем повторяется в книге «Суйшу» («Истории династии Суй») в тот же исторический период. [96]

В VII-VIII веках усунями была создана эпическая поэма об Окуз-кагане, подлинник которой, по-видимому, был уничтожен в 812-814 годах, о чем свидетельствует факт сожжения древнетюркских книг по приказу предводителя арабских завоевателей Кутейбы ибн Муслима. Последняя редакция рукописи была составлена в XI-XII веках и хранится в фондах Парижской национальной библиотеки. После принятия мусульманства на территории Казахстана распространяется арабская письменность. Находки такой письменности на черепках глиняной посуды в виде изречений из Корана, благопожелательных надписей на керамических и бронзовых сосудах были сделаны при раскопках средневековых городов Казахстана.

Важным источником письменной истории тюркских народов является «Китаб-и Деде Коркут», написанный по-огузски. Коркыт-ата, который жил и творил на территории Казахстана, является предком также казахов, а не только турков и азербайджанцев. В 2000 г. под эгидой ЮНЕСКО было отпраздновано его 1300-летие. Как справедливо отметил К. Иностранцев: «в народных преданиях Коркыт-ата представляется патриархом, выразителем народной мудрости, изрекающим афоризмы». [97]

Согласно народным преданиям, Коркыт-ата был мудрым советником «Инак-беком» пяти ханов и прожил 95 лет. Неважно, сколько лет прожил Коркыт-ата, а важно то, что его музыка жива, и волнует сердца. Замечательные мелодии Коркыт-ата звучат до сих пор среди казахов и вселяют чувство патриотизма и гордости за свой народ. В музыкальном наследии Коркыта много замечательных кюев - «Арыстан-баб», «Устаз», «Акку», «Умардын улы» и др. Они умело воспроизводятся современными исполнителями на кобызе, показывая и утверждая национальную самобытность казахов.[98]

На рубеже IX-X вв. жил и творил энциклопедист Абу Наср аль-Фараби, или Абу Наср Мухаммед ибн Мухаммед ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби ат-Турки родился в Фарабе на Сыр-Дарье при впадении в нее реки Арысь в 870 г. Он происходит из семьи знатного тюркского военачальника, что явствует из термина «тархан». Первоначальное образование он получил в Отраре, славившемся тогда как центр науки и культуры. Словари кипчакского языка «Китаб ат Тухва аз Закия фи-лугат-ат Туркия», «Китаб Булгат Аль-Муштах фалугат ат-Турк-з-Ал-Кыпчак», «Кодекс Куманикус» сохранились до наших дней. Некоторые кыпчакские источники, написанные армянским алфавитом, хранятся в хранилище древних рукописей «Матенадаран» (Армения). Научное наследие Аль-Фараби занимает выдающееся место в исторической науке. Обобщая достижения философской и социологической мысли народов Центральной Азии, а также Индии и Ирана и других стран Востока, широко используя философские и исторические учения древней Греции, Аль-Фараби создал единую систему, в которой в той или иной степени нашли свое отражение почти все проблемы средневековой философии, социологии и истории. Именно Аль-Фараби впервые в эпоху средневековья разработал учение об общественном развитии, сыгравшее огромную роль в последующем развитии исторической мысли. Аль-Фараби рисовал общество будущего как справедливое, в котором воцарятся свобода, всеобщее равенство, взаимное уважение, полное благополучие. Характерно, что единственный путь к этому обществу он видел не в соблюдении велений бога, а в науке знании.

Поэтому Аль-Фараби выступал против феодальных войн, захватов и грабежей, против несправедливости и обмана, защищал права человека на труд, знание, мирную жизнь, что нам не хватает на данном этапе конфликты в Таджикистане, в Северной Осетии, в Абхазии, в Чечне, в Ингушетии, в Грузии, в Армении и Азербайджане. А выдающийся мыслитель Аль-Фараби мечтал тогда о процветании общества на основе взаимной помощи людей. Своими оригинальными идеями великий мыслитель оставил нам яркий неизгладимый след в области классификации наук, в логике, в теории музыки, в медицине, в учении о государстве, в морали, в философских трактатах. «Большой трактат о музыке» переведен на многие языки мира, и способствовал расширению знания о музыкальной культуре тюркских этносов. Аль-Фараби отмечал: наука музыки «закключается в изучении видов мелодий; того, из чего они слагаются; для чего

их слагают; какими они должны быть, чтобы их действие проникало глубже и трогало сильнее».[99] Крупнейшие историки культуры и науки отмечали величие и уникальность фигуры аль-Фараби. Астрономия, логика, теория музыки и математика, социология и этика, медицина и психология, философия и право - таков перечень его интересов. Видимо, еще в молодые годы аль-Фараби покинул родной город и побывал практически во всех крупных городах, связанных с исламом: в Бухаре, Мерве, Хорасане, Александрии, Каире, Дамаске, Багдаде. Многие годы жизни он провел в Багдаде, являвшимся политическим и культурным центром арабского халифата. Здесь он основательно пополняет свои знания, изучая труды деятелей «Бейт аль-хикма» (известной также как багдадская «Академия Мамуна»), переводчиков греческих авторов, входит в контакт с видными учеными и по истечении определенного времени занимает одно из главных мест среди них благодаря своей нравственной высоте и силе мысли. Именно здесь ему был присвоен титул «Муаллим ассана» - «Второй учитель». Звание «второго» подразумевало наличие «первого», под которым имелся в виду Аристотель. И действительно, аль-Фараби и Аристотеля многое сближает: широта и разносторонность научных интересов, стремление философски понять бытие мира и место человека в нем, близость к «общепринятому мнению», к практической житейской мудрости народа. Важный вклад внес аль-Фараби в науку о языке. Он писал «Наука о языке в целом состоит из двух частей. Первая из них: запоминание слов, засвидетельствованных у какого-либо народа, и знание того, что каждое из них означает. Вторая: знание, этими словами управляющих... слова в языке каждого народа по своему значению бывают двух видов: простые и сложные...».[100]

Аль-Фараби был поистине человеком мирового уровня, он сблизил и синтезировал в своем творчестве ценнейшие достижения арабской, персидской, греческой, индийской и собственной тюркской культуры. Отзвуки последней особенно явственно просматриваются в его «Китаб аль-музык аль-кабир» («Большой книге музыки»). Как известно одним из важных элементов духовной культуры казахского народа является народная музыка. Следует отметить, что Институт философии и права АН Казахстана подготовил и издал 10 томов собрания сочинений Абу Насра аль-Фараби, что, несомненно, является отражением того важного вклада, который внес ученый в развитие всех отраслей науки, в том числе – этнографии.

В X веке Центральную Азию посетил арабский путешественник Абу-Долеф. Он отправился «непосредственно в землю «колена по имени кимак, где жилища делаются из кож, а народ питается горохом, бобами и мясом баранов и козлов, овец же и коз не режет (для пищи). Растет там виноград, половина ягоды белая, половина черная. Камень есть, так сказать «магнит дождевой», посредством которого вызывают дождь, когда им вздумается... Абу-Долеф и современные ему географы называли кимаками, по всей вероятности, тот же самый народ, который у китайских писателей известен под именем ку-мо-хи...

Под жилищами из кож должно понимать «кибитки», в которых кошмы заменялись кожами. Камень, называемый Абу-Долефом «дождевой магнит», есть знаменитый камень еде или джеде, посредством которого степные кудесники, по верованию всей Средней Азии, могли производить не только дождь, но и бурю».[101]

В повествовании Абу-Долефа упоминается много тюркских этносов: уже упомянутые кимаки, тагазгазы (токузогузы), харлухи (карлуки), хирхизы (киргизы). О карлуках он пишет следующее: «питаются горохом и чечевицей. Пьют напиток, приготовленный из ячменя. Мяса не едят иначе как с солью. Одежды носят шерстяные. Храм у них есть, на стенах которого изображены их прежние государи. Дома строят из дерева несгораемого, которого у них в обилии... праздник у них бывает такой, когда все в парчу наряжаются, а кто недостаточно зажиточен для этого, тот, хотя кусочек парчи нашивает на платье».[102]

То есть, труды Абу-Долефа являются ценным источником по этнографии тюркских этносов, поскольку в них описываются различные элементы материальной и духовной культуры, обычаи, традиции, особенности хозяйственно-бытовой жизни.

С X-XII вв. существенное место среди источников изучения истории и этнографии Казахстана занимают источники мусульманских авторов (арабоязычные, персоязычные, тюркоязычные): Ибн-Хордабека, ибн-Фадлана, Ибн-Руста, Ал-Истахари, Марвази, Гардизи, Ал-Масуди, Ал-Идриси, Ибн-Хаукаля и т. д. Российский исследователь Н. Н. Балкашин высоко оценивал роль восточных исследователей Абулгази Бахадур-хана, Раш ид-ад-дина, Санан-Сецена, Юань-Чао-Миши и т. д. в исследовании истории и этнографии казахского этноса. [103]

Из тюркско-кыпчакской среды вышла целая плеяда поэтов, писателей, ученых-историков – Юсуф Баласагуни, Жемаль аль-Туркестани, Шамси Тарази, Ахмет аль-Югнаки, Кадыргали Джалаири, Хайдар Дулати и другие.[104]

Значительные этнографические сведения имеются в трудах одного из выдающихся ученых средневековой Центральной Азии – Абу Райхана Беруни. Как отмечал К.Ш. Шаниязов: «В трудах ученого имеется много интересных данных о хозяйственной жизни, народных календарях, сельскохозяйственных циклах, нравах, обычаях и поверьях многих народов. Он называет более 100 народов и племен земного шара. Все это говорит о богатом этнографическом материале, включенном в труды Беруни, которые свидетельствуют о глубине и широте познаний ученого. Собранные Беруни этнографические материалы неоднократно им же проверены, критически проанализированы и сопоставлены с данными письменных источников. В этом заключается величайшая научная ценность исследований Беруни, и именно этим он отличается от многих своих современников, труды которых носили очень часто компилятивный характер».[105]

В трудах Беруни описаны многие тюркоязычные народы Центральной Азии: тюрки Мавераннахра, северные тюрки (огузы, кимаки, киргизы и т.д.), восточные тюрки, тюрки долины реки, Чу, тюрки Хотана, Тибета и Афганистана. [106]

Много внимания в трудах Беруни уделено описанию различных народных празднеств, в частности – науруза. «Согласно Беруни, науруз в древние века возник среди ираноязычного населения, однако получил широкое распространение на всей территории Передней и Средней Азии. Он отмечался с большим торжеством и пышностью у древних, раннесредневековых и средневековых жителей Хорезма, Тохаристана, Согда, Ферганы. Через земледельческое население культурных областей празднование науруза проникло и утвердилось в быте кочевого и полуседлого тюркоязычного населения. Т.о., науруз, являвшийся в древности праздником жителей одной страны, превратился в праздник народов многих стран и государств, т.е. он принял характер всенародного праздника».[107]

В настоящее время данный праздник, имеющий многовековую традицию, является государственным праздником стран Центральной Азии: Наурыз – в Казахстане, Навруз – в Узбекистане и Таджикистане, Нооруз – в Кыргызстане, Науруз – в Туркменистане. В 2010 г. данный праздник со стороны ЮНЕСКО был признан всемирным праздником, элементом мирового культурного наследия.

По сообщению Беруни, жители Хорезма на 15-ый день 10-го месяца «пользуются запахом приготовленных кушаний, которые они выставляют с целью отразить бедствия, приносимые джиннами и злыми духами».[108]

В данном случае Беруни говорит о древнем обычае, связанном с пережитками анимизма, наблюдающимися у тюркских народов до сих пор. «Согласно поверьям, запах жареного масла обладает очистительным и оберегательным свойствами. Он якобы отгоняет от дома все бедствия, вызываемые джиннами, и призывает духи умерших предков (ота-бобо арвохи) – защитников живых потомков».[109]

Беруни отмечал также, что в день празднования науруза люди обрызгивают друг друга водой. [110] Это связано с различными причинами. Одна из них – отсутствие «дождя на долгое время»[111], т.е. опасения земледельцев за свои посевы. «Чтобы вызвать дождь, они прибегали к такому магическому приему, как обрызгивание друг друга водой. Пережитки этого обычая в той или иной степени продолжали бытовать в центральных и южных областях Узбекистана до начала XX в. Описанный здесь прием вызывания дождя сохранился главным образом в полосах богарного земледелия или там, где было недостаточно проточной воды для полива».[112]

Аналогичный обычай есть и у многих других народов. В частности, у казахов как справедливо пишет Р. Мустафина: «есть обряд «тасаттык», когда землю окропляют кровью жертвенного животного и молят о ниспослании дождя».[113]

Как отмечал академик В.М. Жирмунский: «Заговаривание погоды магическими средствами... принадлежит к числу наиболее древних и широко распространенных шаманских обрядов тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии».[114]

В период средневековья одним из выдающихся представителей тюркских народов был Махмуд Кашгарский. В его произведении «Диван лугат ат-тюрк» приводится много ценных этнографических сведений о тюрках и их соседях. Он отмечает: «А в языке тех [тюрков], которые имеют два языка и смешались с населением городов, проникла мягкость; это, например, [племена] Сугдак, Кенджак и Аргу. Жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски. Так же жители Тараза и жители Белого города (Мединат ал-Байда). В языке жителей всей области Аргу от Испиджаба до Баласагуна имеется мягкость. Улуш – селение на языке джикилей, а у жителей Баласагуна и прилегающих мест области Аргу [означает] город. И отсюда город Баласагун назван Куз-Улуш. Аун – дерево на языке Сайрама, а это Испиджаб. Узу – высокий холм. И отсюда называется песчаный холм Куш-Узу, и отсюда назван город в Аргу-Узукенд».[115]

Хотелось бы дать пояснения по поводу того, кого Махмуд Кашгарский называет джикилями. «Джикиль – название трех групп тюрков. Одна из них кочевники, живущие в Куясе, городке за Барсханом. Вторая – городок вблизи Тараз, называющийся также Джикиль.... Третья [группа] – селения в Кашгаре, называемые также Джикиль. И они также распространились из одного места».[116] В этнографической литературе употребляются также термины «джигиль», «джигили», «чигиль», «чикиль», «чигили». По поводу других этнических наименований, встречающихся у Махмуда: «Сугдак – люди, живущие в Баласагуне. Они – из Согда, который между Бухарой и Самаркандом, но они выглядят как тюрки и приняли их обычаи... Ягма – тюркское племя, их называют кара-ягма».[117]

Т.о., Махмуд Кашгари подчеркивает, что многие согдийцы в описываемый период сильно тюркизировались

В произведении Махмуда Кашгарского «Девону луготит турк» приводятся данные о многих тюркских народах: тангутах, тубутах, канжаках, туркменах. Например, тангуты были тюркскими выходцами из Чина (Китая), но сами себя считали потомками арабов. Махмуд отмечал, что многие из них действительно были выходцами из других мест. Он отмечает также, что тангуты имели собственного хана и находились в сложных отношениях со многими соседними племенами. Можно предположить, что тангуты являются тюркизированными потомками какого-то древнего народа. Древность тангутов подтверждается орхонскими надписями. Бильге-каган писал, что в 17 лет вел войска против тангутов. Это сражение было до того, как он вступил в борьбу с басмилами и карлуками, значит, примерно в 711 г.. Согласно научным исследованиям, тангуты имели свою письменность и были достаточно развитым в культурном отношении народом. [118]

О ягма Махмуд писал как о племенах, проживающих возле города Ягма, недалеко от Тироза (Тараза). Их называли кара-ягма. Одна часть ягма проживала в долине Или, на правом берегу, другая часть – рядом с племенами джикиль. Эти племена считались очень воинственными. В труде Кашгари много внимания уделено их языку и обычаям. Например, среди них была довольно развита торговля, они содержали караван-сарай. Их язык был сходен с языками джикилей и тухси, но обладал рядом особенностей. Например, три они называли утгиз (то есть тридцать на других тюркских языках), женщину – киши (на других языках – мужчина, человек), многие слова произносили сокращенно. [119]

Еще одно племя, о котором упоминает Махмуд Кашгари – ямак. Это тюркское племя, родственное кипчакам. Они проживали в основном на побережье Иртыша. Они имели связи с другими тюркскими племенами: ябоку, кай, джумул, басмил, кипчаки, огузы. В общем, они были одним из авторитетных и уважаемых племен.[120] Также упоминается в труде Махмуда Кашгари и племя ябоку. Они проживали на значительной территории. Большую реку, стекавшую с Кашгара к Узгенду называли Ябоку-сув, что подтверждает влияние данного племени. Представители данного племени занимались строительством судов и судоходством. Это племя было древним, что подтверждается лингвистическими данными. Например, слово «есть», которое употреблялось другими тюркскими племенами исключительно в смысле «есть еду», у ябоку это слово означало также «убивать». Например, фраза «бек съел человека» означала у ябоку «бек убил человека».[121]

Дед Махмуда Кашгари родился в Кашгаре, но большую часть жизни он провел в Баласагуне. Махмуд Кашгари исследовал значительные территории, населенные тюрками – Северный Китай, Мавераннахр, Хорезм, Фергану, Бухару, исследовал роды, племена, народы, населявшие эти территории, изучил их занятия, жилища, обычаи, а также их языки. В результате он смог изучить языки народов, проживавших на этой большой территории. Он не просто изучил их, а провел сопоставительный анализ сходства и различия разных тюркских языков. На этой основе и возникло его произведение «Девону луготит турк».[122] В частности, о своих предках он говорил как о выходцах из племени, которые «а» в начале слов произносят как «ха».

Другим известным тюркским ученым-энциклопедистом был Юсуф Баласугуни. Его поэма «Кутадгу Билик» («Основа благоденствия – знание») является философским трактатом о политике, государственном управлении, военном искусстве.[123] В этом труде излагаются данные о расселении тюркских этносов, их взаимодействиях и взаимоотношениях с соседями, занятиях, образе жизни и т.д. Информацию о жизнедеятельности автора поэмы «Кутадгу билиг» можно почерпнуть из отрывков, разбросанных в поэме и двух предисловиях к его сочинению, из которых одно - в прозе, а другое - в стихах. Юсуф родился в Баласагуне, известном под именами Куз-Орду и Актобе, месторасположение которого установлено с достаточной степенью

достоверности археологами Казахского национального Университета. Баласагун был одним из самых больших городов, крупным торгово-ремесленным и столичным центром государств Туркешей, Карлуков, Каракытаев, Караханидов, каганат представлял собой в этногенетическом плане объединение ряда тюркских племен, возвысившихся в начале X в., и просуществовал в течение трех веков. [124]

Социально-экономической основой каганата было специфическое соединение кочевого и оседлого хозяйства. Как отметил У.Х. Шалекенов: «Согласно историческим сведениям, в долине рек Чу и Талас были расположены три крупных города: Баласагун, Сужаб (Суяб) и Талас (Тараз). Все три города с 603 г. являлись столицами Западно-тюркского каганата. В IX – XII вв. Баласагун являлся столицей Караханидов, Каракытаев». Именно У.Х. Шалекенову принадлежит честь установления точного месторасположения города Баласагун – на месте городища Актобе, Чуйского района Жамбылской области, где родился Баласагуни.[125]

Юсуф Баласагуни был выходцем из определенной культурной зоны и политического региона, охватывающего в свое время Отрар (Фараб), Шаш (Ташкент), Тараз, Чуйскую долину, Прииссыккулье, Фергану, Кашгар. В культурно-языковом отношении он – принадлежит всем тюркоязычным народам Центральной Азии, в географическом - близок к казахам и киргизам, конкретно - к тюркскому племени чигилей. Образование Юсуф Баласагуни получил в признанных культурных центрах того времени - Фарабе, Кашгаре, Бухаре. В совершенстве, владея арабским и персидским языками, он проштудировал многие классические философские и научные сочинения по различным отраслям знания. Светские люди того времени отличались многосторонностью интересов, увлекаясь наряду с философией и наукой, поэзией и политикой, игрой в шахматы. Широкообразованный, умудренный жизненным опытом, он прибыл в Кашгар и здесь в течение 18 месяцев напряженной работы написал большое поэтическое произведение. На русский язык отрывки из поэмы впервые перевел С.Е. Малов. Вольный перевод под названием «Наука быть счастливым» был осуществлен Н. Гребневым в 1971 г.,[126] К. Керимов перевел «Кутадгу билиг» на узбекский язык в 1996 г.[127] Под названием «Благодатное знание» полный текст «Кутадгу билиг» перевел на русский язык С.Н. Иванов.[128]

Издание осуществлено на академическом уровне под научной редакцией академика А.Н. Кононова, а также снабжено «Статьями и разъяснениями по поводу отдельных бейтов» А.Н. Кононова и С.Н. Иванова. В 1986 г. А. Егеубаев перевел «Кутадгу билиг» на казахский язык. [129]

Одна из первых попыток рассмотреть творчество Баласагуни в контексте обширного и культурного региона, связанного первоначально с образованием халифата, принадлежит немецкому ученому Отто Альбертсу. Он выдвинул концепцию о наличии преемственной связи между учением Ибн-Сины, в частности, его этикой и аналогичными взглядами Юсуфа Баласагуни. Более

того, Альбертс предпринял попытку сопоставить этические взгляды Аристотеля и Юсуфа. Исследование творчества Баласагуни, эпохи создания его произведения было успешно продолжены В.В. Бартольдом, С.Е. Маловым, Е.Э. Бертельсом, А.Н. Самойловичем, А.Н. Кононовым и др.

Современная наука, т.о., располагает определенным объемом исследований по творчеству Баласагуни. Однако, следует отметить, что научный интерес к произведению мыслителя проявлялся преимущественно в историко-филологическом плане, хотя подчеркивалось, что значение этого памятника в лингвистическом, литературоведческом, историческом, этнологическом и культурно-историческом отношениях весьма велико, а потому крайне необходимо обеспечить расширение масштабов и углубления его исследования. Работа Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билик» является первым энциклопедическим произведением не на официальном литературном языке, каким являлся арабский язык в то время, а на родном языке тюрков, факт сам по себе очень значительный, что свидетельствует о патриотизме и любви к родному языку. Вместе с этим, им руководили политические мотивы, стремление научить среднеазиатскую династию Караханидов, еще не оторвавшуюся от кочевой среды, управлять страной с высокоразвитыми оседлыми районами, областями (Маверанахр, Восточный Туркестан). А чтобы его назидания были поняты и тюрками, необходимо было написать по-тюркски.

Но «Кутадгу билик» - это не только политический трактат, он является суммой знаний по различным областям науки и культуры своей эпохи, в нем собран и обобщен материал с историко-этнологическим и философским осмыслением жизненных позиций самого автора, в частности, рассмотрены мировоззренческие проблемы смысла жизни, предназначения человека, его места и роли в общественном и природном универсуме. Произведение Баласагуни представляет обширную систему, в которой выдвигаются как проблемы общефилософского характера, так и жизненно-практического, этнического и эстетического плана. Стремление к энциклопедичности, универсальности, охвату общемировоззренческих проблем было присуще самому характеру философствования в культурном регионе, к которому принадлежал Юсуф.

Пластом, определяющим мировоззрение Юсуфа Баласагуни, являются доисламские верования - зороастризм, манихейство, буддизм, христианство, распространенные до проникновения ислама. Среди этих верований наиболее сильным источником, пробивающимся в контексте «Кутадгу билиг», являются шаманистские представления. Шаманистские, собственно тюркские истоки творчества Юсуфа Баласагуни позволяют вскрыть древний доисламский (зороастрийский или тенгрианский), по имени главного божества, мировоззренческий пласт верований, который, несмотря на исламские, царские, советские гонения еще жив в языке и сознании казахов.

Арабский ученый Изз-ад-дин Али ибн Мухаммед ибн ал-Асир в своем произведении «Ал-камильфи-т-тарих» дал ряд интересных сведений о

тюркских народах Центральной Азии. В частности, он отметил: «Они (каракитаи) жили в шатрах, согласно обычаю [существовавшему] у них прежде, чем они стали владетелями, и местопребывание у них было в окрестностях Узкенда, Баласагуна, Кашгара и тех краев».[130]

Большой вклад в развитие тюркских этносов внес Ходжа Ахмед Ясави - признанный глава тюркской ветви суфизма, мыслитель, поэт. Сохранилось его произведение «Диван-и-хикмет» («Книга мудрости» - часто сокращенно употребляется под именем «Хикметы»).

Построенный в честь Ахмеда Ясави по личному указанию и планам Амира Тимура мавзолеей (ханак), именуемый «Хазрет султан» - шедевр средневековой архитектуры Казахстана и всего исламского мира. Город Туркестан в течение XV-XVIII вв. был политическим и культурным центром страны, дворец использовался как ханская резиденция, мавзолеей как национальный пантеон, где наряду с многочисленными казахскими ханами похоронен великий Казыбек би.

Значительный вклад в изучение тюркских народов внес труд Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази «Табаи ал-Хайван». В первой части данного труда есть раздел, непосредственно посвященный тюркам. Автор пишет: «Тюрки – великий народ, состоящий из множества родов и племен. У [тюрков] много племен и объединений [Некоторые] из них живут в городах и селениях, [а другие] в пустынях и степях. Из числа крупных [тюркских] – родов – гузы, которые состоят из 12 племен. Некоторые из них называются ат-токузгуз, некоторые – уйгур, а некоторые – ухур.... Из них [тюрков] произошли хирхизы. Хирхизы – большой народ. Место их обитания [расположено] между северо-востоком и севером. Кимаки [находятся] на севере [от киргизов], ягма и карлук – на западе [от киргизов]... Обычай у хирхизов таков, что они сжигают тело покойника. Они утверждают, что огонь помогает и очищает умерших. Это был их обычай в прошлом, [позже], когда мусульмане стали [их] соседями, они стали хоронить умерших.... Из [других тюрков] карлуки проживают в горах Тунис, а это горы, где [добывают] золото». [131]

Далее ал-Марвази упоминает кимаков: «К числу тюрков относятся [также] кимаки. У этого народа нет ни селений, ни домов. Они живут в лесах и зарослях. У них много пастбищ и воды. У кимаков есть верховые животные, скот. У них нет верблюдов, потому что верблюд не может прожить на их землях больше одного года. У них нет соли и купцы везут ее к ним.... У кимаков есть землянки, где они живут зимой в холодные дни. Летом они питаются молоком кобылиц, а зимой сушеным мясом.... Один раз в г. [они] держат пост. Тело умершего они сжигают, не плачут по умершему и говорят: «Мы согласны с решением Бога...». [132]

Еще один крупный тюркский этнос, упомянутый в труде Марвази – печенеги. Автор пишет о них: «Печенеги все время передвигаются [свои] земли и пастбища.... Со всех сторон их окружают различные народы. На севере [от печенегов] находится страна хифчак (кипчак – авторы), со стороны юго-востока

– хазар, со стороны востока – страна гузов, со стороны запада – страна сакалибов (славян – авторы)... Печенеги богаты – [у них есть] верховые животные, утварь, золото, серебро, дома, горы, знамена и значки».[133]

В трудах Марвази достаточно подробно и интересно излагаются особенности быта, материальной и духовной культуры различных тюркских этносов.

В XII веке жил ученый Абу Абд Аллах Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абд Аллах ибн Идрис, больше известный как Ал-Идриси. Его перу принадлежит труд «развлечение истомленного и странствие по областям [Вселенной]», в котором изложены сведения о многих регионах и народах мира, в т.ч. – о тюрках Центральной Азии. Описывая материальный быт тюрков, Ал-Идриси пишет: «Все тюрки едят конину, предпочитая ее баранине и говядине. Употребляют рис, мясо, рыбу. Вина у них мало... У тюрков [есть] растительные масла. Свечи делают из масла. Кроме этого, у них много молока, жира, меда. Деньги у них медные, а одежда из меха».[134]

Описывая образ жизни тюрков Ал-Идриси пишет: «Тюрки живут в войлочных кибитках, наподобие телег. Они не живут постоянно на одном месте. Из-за условий они передвигаются вместе с одного места на другое. Среди них есть обрабатываемые земли, посевы, урожаи. У тюрков есть семена [зерна], масло, много молока. Они выращивают большое количество лошадей и питаются их мясом».[135] Ал-Идриси дает также этноплеменной состав тюрков: «Тюрки многоплеменные. Среди них: тибетцы, токузогузы, киргизы, кимаки, карлуки, джакари, биджанаги, туркмены, азкаши, кипчаки, халаджи, узы, болгары.... У тюрков различные верования».[136] Наиболее интересными для нас являются сведения, данные Ал-Идриси о киргизах. Он пишет: «В стране киргизов выращивают лошадей, скот, буйволов. Их лошади маленькие, жирные, киргизы выращивают их для убоя. Средством передвижения здесь служат буйволы. Женщины выполняют всякого рода работу, а мужчины должны заниматься только пахотой и жатвой».[137]

В трудах Ал-Идриси дается подробное описание этнического состава тюрков, взаимоотношений различных племен и народностей, характерных особенностей материальной и духовной культуры.

В XIV веке было написано сочинение Хамдаллаха ибн Абу Бакр ибн Ахмад ибн Наср ал-Мустауфи ал-Казвини «Нузхат ал кулуб» («Услада сердец»). В этом сочинении есть интересные сведения по этнографии тюрков. Так, он описывает одну из областей проживания тюрков – Баласагун: «Баласагун – обширная страна, входит в шестой и седьмой климаты. Климат чрезмерно холодный. Большую часть жителей составляют кочевники, содержат много скота и вьючных животных. Имеются прекрасные пастбища. Получают небольшой урожай пшеницы».[138] Другой регион проживания тюрков, описанный Ал-Казвини – Дашт-и кипчак, то есть Половецкая степь. Автор пишет: «Дашт-и кипчак – входит в шестой климат. Это степь, имеет хорошие пастбища. Расположена на севере моря Хазар. В ней строений, городов и сел

немного. Большинство жителей – кочевники (сахранишин)... Культуры: немного выращивают зерно (галла); но чумиза и разных летних плодов значительно больше и созревают лучше. Очень редко выращивают виноград, фрукты и бахчевые культуры. Хлопок вообще не растет. Но имеют хорошие пастбища, много выючных животных и скота, которые составляют основу питания жителей тех мест... Часть населения Итиля и тюрки нынче приняли ислам». [139]

Еще один регион проживания тюрков, отмеченный Ал-Казвини – это Кимак, названный так по проживавшим здесь тюркским племенам кимаков. Автор отмечает: «Кимак – имеет много областей (вилайет) и степей, входит в шестой климат. В ней много строений, но городов и сел мало [Климат] прохладный. Посевы и сады встречаются редко, но выючных животных и скота много». [140]

Ал-Казвини обратил внимание на роль и значение климато-географических факторов на развитие культуры тюркских этносов.

Интересную версию о происхождении казахского этноса привел в своих трудах Абул-Гази-хан. Он писал: «Был у Огуз-хана внук по имени Киргиз [Киргизы] – его потомки. Однако ныне людей из потомков Киргиза мало – монгольские и другие племена, истощив свои пастбища и источники, пришли в йурт киргизов, поселились там и стали называться киргизами; сами же знают из какого рода-племени [они происходят]». [141]

Конечно, эта версия не вполне согласуется с современными научными данными, но она отражает уровень этнографических познаний позднего средневековья.

Одним из выдающихся памятников позднесредневековой литературы является книга «Тарихи - Рашиди» Мухаммеда Хайдара Дулати (1500-1551), в которой с исчерпывающей полнотой рассказывается о происхождении казахов, об их первых шагах на мировой арене. Мухаммед Хайдар Дулати является выдающимся сыном казахского народа жившим и творившим в сложную эпоху. То, что он создал, это часть истории и культуры казахского народа и всего Центральноазиатского региона. Полное имя Дулати в свое время звучало так: мырза Мухаммед Хайдар Бон Мухаммед Хусаин Дуглат Кореген. Также было распространено его сокращенные имена: Хайдар мырза, мырза Хайдар. Родился Дулати в 905 г. хиджры (1499 г.) в Ташкенте, ушел в мир иной в 958 г. хиджры (1551 г.) в Индии.

Дулати является представителем древнего тюркского племени дулат, который в истории был известен также как: дулу, дулуг, далу, далуг, доглат, тулак. По сведениям китайских источников (Бичурин, Грум-Гржимайло и др.) это племя в II в. до н.э. образовало Бийлик-государство. В племенном союзе уйсун участвовала и племя дулат (дулу). Правитель уйсун по китайским источникам назывался гуньми, что соответствует казахскому произношению кунби, что означает «солнечный правитель». Племя дулат играло важную роль

и в образовании первого тюркского каганата, часть дулатов («дулу») участвовала в походе гуннов под предводительством Аттилы в Европу. [142]

В истории XIV–XVI вв. особенно усиливается роль племени дулат в регионе их проживания, из этого племени вышло много выдающихся государственных деятелей: биев и беков, которые также активно участвовали в делах великого Тимура. Это было хорошо показано Н. Аристовым и И. Бичуриным еще в XIX веке, Л.Н. Гумилевым в XX веке.

Мухаммед Хайдар Дулати является потомком древних известных правителей Семиречья. Его дед Мухаммед Хайдар мырза в 1464-1480 гг. правил Кашгаром, мать была двоюродной сестрой знаменитого Бабура. Детство Дулати приходится на период разрушения империи Тимура под натиском Мухаммеда Шейбани хана - правителя так называемых «кочевых узбеков». После смерти отца в 1508 (914 хиджра) г. родственники отправили его к дяде – «великому моголу» Захиреддину Бабуру в Кабул. Дулати участвовал в походах Бабура на Мавераннахр. С 1512 г. он жил в Кашгаре и активно участвовал в делах султана Сайда, в важных военно-административных должностях, участвовал в его походах. Дулати был прекрасным историком и писателем своего времени. Свидетельством его высокого образования и обширных знаний истории и культуры народов Евразии является его знаменитый и замечательный труд «Тарихи Рашиди», написанный в зрелом возрасте в 1541-45 гг. в Кашмире на персидском языке, который тогда для тюркского мира служил языком науки и культуры. В этом труде он оставил для потомков бесценные сведения - описание истории Моголистана и Кашгара второй половины XIV - первой половины XVI века. В первой части своего труда Дулати повествует о династии шагатаидов, правителей Моголистана, подробно излагая события, происходившие в тот период в Казахстане и смежных территориях: Средней Азии, Афганистане, Индии, в государстве Шейбанидов. В нем также даны распространенные среди «моголов» легенды, а также история правителей, вышедших из племени дулат. [143]

Этот труд широко использовался многими авторами в XVI–XX веках как первоисточник по истории огромной территории расселения тюркских и соседних народов, он не теряет актуальности и в наше время. Этот главный труд Дулати переведен на английский, турецкий и казахский языки, еще в XIX веке В.В. Вельяминов-Зернов перевел на русский язык части, конкретно относящиеся к истории казахов.

О Дулати, его трудах и государственной деятельности писали В.В. Вельяминов-Зернов, В.В. Бартольд и другие. В Казахстане стали уделять большое внимание Дулати, также как и другим выдающимся деятелям прошлого после «оттепели» и особенно после получения республикой независимости. Была проведена специальная конференция (в Таразе), посвященная его 500-летию под эгидой ЮНЕСКО.

Жизнь Мухаммеда Хайдара Дулати и его творчество заслуживает более углубленного изучения, а знание о нем - широкого распространения среди

народа. В своем фундаментальном труде «Тарихи Рашиди» Дулати описывает многие тюркские племена, в том числе, такие как арлат, барлас, джалаиры, джете, дулат, карлуки, канглы, кипчаки, киргизы, мангыты, найманы.[144] Он, в частности, так описывает этническую ситуацию середины XV века в Центральной Азии: «эмиры [племени] чурас и племени барин ушли к сыну исана тайши амасанджи тайши к калмакам. другая группа – калучи, булгачи и ряд других племен – отправилась к Абулхаиру».[145]

Интересны суждения казахского хана Касыма по поводу особенностей кочевого образа жизни кочевников. «Мы люди степей. Здесь не бывает дорогих вещей и изысканных блюд. Самое большое наше богатство- лошадь, а самая вкусная еда - ее мясо, самый приятный напиток для нас ее молоко и то, что из него приготавливается. В нашей стране нет садов и зданий. Местом наших развлечений является пастбище коней».[146]

Предки казахов обладали многими письменными памятниками, свидетельствующими о высоком уровне их культуры, языка, науки. Они еще ждут своих исследователей, а тюркские народы и другие народы мира должны знать их. Например, немногие знают великих государственных деятелей V-VIII веков; деятелей культуры XI века Ходжа Ахмеда Ясави, Махмуда Кашгари, Юсуфа Баласагуни и др.

Драматическая история тюрков всегда была пронизана стремлением к независимости. И сейчас, когда Казахстан строит суверенное государство, труды Дулати имеют непреходящую ценность. Особенно его знаменитые 10 заповедей для сильного государства. Открытие и всестороннее изучение научного и исторического наследия М.Х. Дулати, несомненно, окажет особое влияние на укрепление суверенитета Казахстана. Необходимо отметить, что исторические знания о прошлом всегда существовали в народной среде и занимали важное место в общей структуре народного знания.

Одним из важнейших и известнейших культурных центров средневекового Казахстана был город Отрар (Фараб), давший миру целую плеяду замечательных мыслителей, ученых, литераторов, общественных деятелей. Среди них такие крупные фигуры как Абу Наср аль-Фараби, Аббас Джаухури, Исмаил Джаухури, Исхак аль-Фараби и т.д., широко известные как непосредственно в регионе Центральной Азии, так и далеко за её пределами.

В 1582 г. турецкий исследователь Сейфи Челеби сделал любопытное замечание, что казахи в то время уже были мусульманами ханифитского толка, а киргизы не были «ни кафирами, ни мусульманами», то есть находились в процессе перехода от шаманизма и язычества к исламу. Вполне возможно, что процесс исламизации зашёл уже достаточно далеко. Но с точки зрения правоверного турка те пережитки шаманизма и язычества (которые сохранились вплоть до настоящего времени), которые сохранились в верованиях обитателей центральноазиатских степей и гор, должны были казаться чем-то совершенно недопустимым.[147]

Среди тех, кто оставил первые значительные сведения по этнографии казахского народа следует назвать такого мыслителя средневековья как Кадыргали Хошум Жалаир (Жалаири), который написал свою версию известного труда по истории восточных народов как «Джами ат-таварих». В 1588 г. он вместе с известным казахским султаном Ураз-Мухаммедом попал в российский плен, долгое время прожил в Москве, а затем с 1600 г. – в городе Касимов. В «Сборнике летописей», посвященном Ивану Грозному, Жалаир включил отредактированный им лично (исправленный и сокращенный) перевод с фарси на тюрки труда Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих». Он дополнил свою версию этого произведения описанием и анализом исторических событий, происходивших в регионе Центральной Азии и на сопредельных территориях (Китай, Иран и т.д.) в XIV-XVI вв. Этот труд был окончен в 1602 г.. Полностью труд Кадыргали Хошума Жалаири был опубликован лишь в середине XIX века.[148] По поводу труда Жалаири так выразился Ч.Ч. Валиханов: «Нет сомнения, что в отношении сведений о казахах самое первое место занимает (для XIV – XVI вв.) «Сборник летописей» издания Березина (Казань, 1854 г.), замечательный тем более, что представляет единственные памятники прошедшей жизни казахов...». [149]

В XVI-XVII вв. сведения по этнографии казахского народа щедро разбросаны по таким известным ныне источникам как «Бабур-намэ» (1520), «Хабиб-ас-сийар» (1523), «Джахан-ара» (1564), «Тарих-и-Рашиди» (1541-1547), «Шайбани-намэ» (XVI в.), «Тарих-и-Хайдари» (1611), «Абдаллах-намэ» (начало XVII в.), «Шаджара-и-турк» (1660) и т.д. Их изучение послужило делу развитию этнографии казахов. Еще в конце XVII века великий казахский народный поэт Бухар-Жираву сказал в своем «Пожелании» к народу: «Верьте предкам своим!».[150]

В XVI веке жил известный ученый-историк Гиас ад-Дин Мухаммад ибн Ходжа Хумам ад-Дин Мухаммад ибн Ходжа Джалал ад-Дин Мухаммад ибн Ходжа Бурхан ад-Дин Мухаммад Хусейни Ширази Херави, прозванный, благодаря своей начитанности и образованности Хондамир. В его труде «Макарим-ал-ахлак» («Книга благородных качеств») встречается много сведений о барласах, узбеках, таджиках, кипчаках, тюрках и др., а также о предметах быта и прикладного искусства, в частности, об одежде и украшениях.[151]

В XVI веке было написано сочинение Рузбехана Исфаганского «Михман-наме Бухара», в котором приводятся интересные этнографические сведения о казахском этносе. «По его свидетельству большую роль в жизни казахов играла охота, доставлявшая им мясо и мех. Из меха шили верхнюю одежду, в особенности зимние шубы. Богатые шили шубы с многочисленными драгоценностями и украшениями. Высоко оценивались очевидцами широко распространенные в то время среди казахов дома поставленные на колеса подобные небесной сфере. Сделанные из тополя, дома на колесах отличались искусной работой, изяществом и прочностью». [152]

В своей книге «Қазақ даласының жұлдыздары» известный востоковед А.Дербисалиев осветил в хронологическом порядке жизнь и деятельность средневековых ученых родившихся на казахской земле. Если раньше мы знали имена одного или двух средневековых ученых, то теперь с приобретением независимости, мы получили возможность узнать про остальных средневековых исследователей. Всего в этой монографии названы имена 51 ученых, из них жили в период с IX по XIII вв. 34, а оставшиеся 17 жили в XIV-XVII вв. Т.о., можно констатировать, что период с IX по XIII века был временем расцвета тюркской цивилизации, который дал великих мыслителей эпохи средневековья. [153]

Письменные источники истории Центральной Азии наглядно показывают всю сложность и неоднозначность этносоциальных и этнокультурных процессов в регионе в эпоху развитого средневековья. В данных источниках отражаются те этнографические сведения, которые помогают восстановить истинную картину истории народов региона. Следует отметить, что письменное наследие Центральной Азии еще необходимо исследовать и извлекать из него ценные сведения по истории, культуре, этнографии казахского народа. Это связано с тем, что значительный рукописный фонд, сохранившийся с периода средневековья и в настоящее время, находящееся на хранении в различных архивах и хранилищах Казахстана, Узбекистана, Китая пока еще не полностью изучен исследователями. В будущем еще многие из этих неизученных пока рукописных материалов будут изучены, обработаны, переведены на современные языки и пущены в широкий научный оборот, станут достоянием научной общественности и материалом для дальнейших обобщений, в том числе этнографического характера.

2. Новый этап в развитии этнографической науки и подготовка кадров ученых - этнологов Казахстана

2.1. Роль и значение Института этнографии АН СССР в подготовке этнографических кадров для Казахстана

С середины 1940-х гг. наступил новый этап в развитии этнографической науки Казахстана, характеризовавшийся многими изменениями, в том числе – началом активной подготовки кадров профессиональных ученых-этнографов. В вопросе подготовки научных кадров этнографов Казахстана большую помощь своим казахским коллегам оказали ученые России, и, прежде всего - Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР и его директор – С.П. Толстов. Сергей Павлович Толстов (1907-1978) – это выдающийся ученый, историк, археолог, этнограф с мировым именем, член-корреспондент АН СССР и академик многих академий зарубежных стран. В 1939-1951 гг. он был профессором, заведующим кафедрой этнографии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1942-1966 гг. С.П. Толстов возглавлял Институт этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Именно он внес большой вклад в формирование национальных этнографических школ республик Центральной Азии, был научным руководителем многих аспирантов и научным консультантом многих докторантов, под его непосредственным руководством происходило профессиональное становление многих известных ученых. С.П. Толстов особое внимание уделял в подготовке этнографических кадров и изучению народов в этнографическом аспекте в союзных республиках СССР и в том числе - Казахской ССР.

Другим человеком, много сделавшим для подготовки кадров этнографов для Казахстана была Татьяна Александровна Жданко (1909-2007) - один из ведущих профессиональных этнографов России. Она в 1930 г. окончила этнографическое отделение историко-философского факультета МГУ, в 1931-36 гг. и 1942-44 гг. работала в Узбекистане, затем была лаборантом кафедры этнографии МГУ. С 1947 г. ее научная жизнь связана с Институтом этнографии АН СССР, где она прошла путь от аспиранта до профессора и заведующего сектором народов Средней Азии и Казахстана. Область научных интересов профессора Т.А. Жданко составляли этническая история народов Приаралья, историческая роль народов Центральной Азии в эпоху средневековья, этнические процессы в регионе.[154]

Т.А. Жданко была научным руководителем многих видных этнографов Казахстана, в том числе – Г.Н. Валиханова, У.Х. Шалекенова, Э.А. Масанова и др.

И.В. Захарова в 1945 г. закончила кафедру этнографии МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1950 г. – аспирантуру Института этнографии АН СССР, в 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию. С 1946 г. она участвовала в экспедициях по Казахстану, с 1950 г. – работала в секторе (отделе) этнографии Института

истории, археологии и этнографии АН Казахстана, занималась этнографией казахов, специализировалась по темам материальной культуры (земледелие, жилище, одежда, пища).[155]

Важной исторической вехой в становлении развитии этнографии Казахстана явилось состоявшееся в сентябре 1946 г. расширенное заседание сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана. В нем приняли активное участие руководство и сотрудники Института, директор Центрального музея Казахстана А. Жиренчин, сотрудник Института этнографии АН СССР, доктор исторических наук антрополог М.Г. Левин. Директор Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана, академик АН Казахстана С.В. Юшков отметил: «Относительно этнографии следует заметить, что насколько хорошо укомплектован отдел истории, настолько мал и малолюднен этнографический. Объем и план работы нашего сектора (*этнографии – авторы.*) должен быть увязан с Институтом этнографии (*московским – авторы*)».[156] Представитель Москвы М.Г. Левин остановился преимущественно на вопросах антропологии, призвал к расширению и развитию профессиональных контактов между российскими и казахстанскими коллегами.[157] С.В. Юшков также высказался за развитие контактов, в частности – за расширение подготовки в центральных научных учреждениях антропологов из числа этнографов Казахстана.[158]

За неимением специалистов – этнографов из коренных национальностей Казахстана, на помощь по изучению населения Республики пришли русские этнографы. В 1947 г. этнографы Казахстана принимали активное участие в деятельности Комплексной антрополого-этнографической экспедиции (КАЭЭ) Института этнографии АН СССР под руководством Н.Н. Чебоксарова в Алма-Атинской, Джамбульской и Талды-Курганской областях. Экспедиция была разбита на два подразделения: антропологии, куда входили Н.Н. Чебоксаров, Г.Ф. Дебец, В.В. Гинзбург, А.В. Гинзбург, И.А. Минский, К.Д. Капуш и этнографии, в составе - А.Н. Нурканова (зам. начальника экспедиции), Г.Г. Стратанович (Ленинград), Е.И. Махова (Москва), Н.В. Шлыгина (Москва), Н.Г. Борозна (Москва), М.Н. Кабиров, Д.Р. Рахметов, Ф.А. Аронов, И.В. Захарова (Алматы). Основная группа антропологов и этнографов работали в Чиликском и Кегенском районах Алма-Атинской области, М. Кабиров и И.В. Захарова вели сбор этнографического материала в Панфиловском районе Талды-Курганской области, а группа под руководством Г.Г.Стратанович обследовала дунган селения Жалпактобе Жамбылской области.

Сотрудники вышеуказанной экспедиции, представлявшие Институт этнографии АН СССР занимались преимущественно сбором данных по материальной культуре казахского этноса, а казахстанские этнографы – в основном собирали материалы по семейному и общественному быту, родовым отношениям, фольклору. Материалы данной экспедиции охватили почти все стороны культуры и быта населения Юго-Восточного Казахстана, хотя по отдельным темам распределение материала было не очень равномерным.[159]

В 1946 г. определенную этнографическую работу активизировал Центральный музей Казахстана, организовавший в 1946-1951 гг. целый ряд экспедиций в Карагандинскую, Кустанайскую, Павлодарскую, Семипалатинскую области. Основной целью данных этнографических экспедиций было пополнение коллекций экспонатов музея, создание экспозиций культуры и быта казахского этноса XVIII-XX вв.[160] Итоги экспедиции были хорошими. Кроме записей, рисунков, фотографий были приобретены у населения в местах обследования предметы декоративно-прикладного искусства (текемет, сырмак, кебеже и др.). Видимо, эта коллекция ушла в Москву или Ленинград (Санкт-Петербург), скорее всего в последний город, где находился Государственный музей этнографии народов СССР, пополнив интересный фонд изделий казахских мастеров.[161]

Кроме сбора и предварительной обработки эмпирического материала экспедиции этнографы Казахстана составили также обширную библиографию по этнографии казахского народа. Но к детальному и последовательному изучению наработанных материалов по дореволюционной этнографии так и не приступили, полагая, что «старый быт нужно изучать только для сопоставления его с новым бытом». [162]

К большому сожалению, материалы этой Комплексной антрополого-этнографической экспедиции не были изданы. Но о ее результативности, богатстве собранного этнографического материала можно судить хотя бы по тому, что участник экспедиции И.В.Захарова собрала обширный материал по хозяйству и материальной культуре главным образом казахов и уйгуров, составивший значительную часть будущей диссертации исследователя, которая была впоследствии опубликована (в сокращенном варианте). Следует сказать, что исследование Захаровой было посвящено как дореволюционному периоду, так и, преимущественно, современности, что соответствовало тематике сектора этнографии. В 1952 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Материальная культура уйгуров Советского Союза», опираясь преимущественно на материалы Казахстана.[163]

В 1949 г. активная этнографическая работа началась в Чуйском районе Джамбульской области. Руководство экспедицией было поручено старшему научному сотруднику Института этнографии АН СССР О.А. Корбе. В составе экспедиции работали сотрудники сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана Д. Рахметов и Ф. Аронов, аспирант Г. Валиханов, художник М. Шаталов, что повысило общий научный потенциал исследований. Экспедиция за два месяца работы (август-октябрь 1949 г.) собрала очень богатый полевой материал по материальной и духовной культуре казахского этноса. Было сделано 265 фотоснимков, 38 зарисовок различных объектов (поселений, отдельных жилищ, зданий школ и т.д.), собрано много образцов народного декоративно-прикладного искусства (войлочных изделий, вышивок и т.д.). [164]

К отрадным явлениям следует отнести публикацию О.А. Корбе и Е.И. Маховой в московском издании, основанную на итогах обследования 1947 и 1949 гг. Эта статья дает представление о промыслах, бытующих в Чуйской долине, изделиях, их орнаментике. [165]

Значение публикации заключалось и в том, что общественность страны вновь начала получать сведения по культуре и быту, этнографии казахов, прерванные еще в конце 1930-х годов.

Большую роль в становлении казахской этнографии послевоенного периода сыграли ученые России, прежде всего Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга), активно содействовавшие подготовке научных кадров, становлению научной школы республики. В 1950 г. в аспирантуру Института истории, археологии и этнологии АН КазССР были приняты В.В. Востров, Р.Д. Ходжаева. Руководство Института приняло правильное решение - послать своих аспирантов в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР, являвшийся одним из крупных центров этнологии. Ленинград, как ни один другой город Советского Союза, располагал этнографической научной базой. Кроме специализированного института здесь имелись Музей антропологии и этнографии АН СССР - продолжатель традиций Петровской Кунсткамеры, Государственный музей этнографии народов СССР и другие научные, культурно-просветительские учреждения. Вот в таких условиях и начали формироваться этнографические кадры из Казахстана. Руководителем аспирантов был видный советский этнограф, доктор исторических наук Л.П. Потапов.

В 1953 г. Р.Д. Ходжаева и В.В. Востров в Ленинградском отделении ИЭ АН СССР защитили кандидатские диссертации на следующие темы: Р.Д. Ходжаева «Общественный и домашний быт уйгурской женщины Казахстана» [166], В.В. Востров – «Культура и быт казахского колхозного аула (По материалам Джаныбекского района Западно-Казахстанской области Казахской ССР)». [167]

В начале 1950-х гг. под руководством д.и.н. Т.А. Жданко защитила диссертацию аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова И.В. Захарова, принимавшая в 1947 г. участие в Комплексной антрополого-этнографической экспедиции Института этнографии СССР и Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Шла к завершению также аспирантура Г.Н. Валиханова в ИЭ АН СССР. В общем, подготовка научных кадров активно продолжалась. В начале 1950-ых гг. в Москву были направлены ряд аспирантов-казахов: Г. Валиханов (1950-1952 гг.), У.Х. Шалекенов (1951-1953 гг.), Э.А. Масанов (1952-1954 гг.). Их научным руководителем была известная ученый-этнограф, доктор исторических наук, профессор Т.А. Жданко. После защиты своих кандидатских диссертаций все они вернулись на родину и посвятили жизнь изучению этнографии казахского народа. [168]

Г.Н. Валиханов был в 1949 г. направлен Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР в целевую аспирантуру Института этнографии АН

СССР. В 1952 г. Г.Н. Валиханов в Институте этнографии АН СССР под руководством Т.А. Жданко защитил кандидатскую диссертацию на тему «Современный быт казахского колхозного аула», в которой на эмпирических материалах, взятых из быта сельских жителей Энбекшильдерского, Щучинского и Келлеровского районов Кокчетавской области проанализировал характер изменений в материальной и духовной культуре казахского населения данного региона.[169]

В данной работе диссертант осветил исторический очерк расселения казахов на территории Кокчетавской области (это прежде всего аргыны и киреи), провел анализ хозяйственной жизни казахов в конце XIX – первой половине XX вв., исследовал материальную культуру казахского аула, общественный и семейный быт, духовную культуру и социальную сферу жизни сельских казахов (образование, сферу досуга, медицинское обслуживание и т.д.).[170]

В 1953 г. У.Х. Шалекенов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социалистическое преобразование быта каракалпакского колхозного крестьянства» по специальности «Этнография».[171] После аспирантуры свою научную деятельность в 1953 – 1970 гг. У.Х. Шалекенов продолжил в качестве заведующего сектором археологии и этнологии в Каракалпакском филиале АН УзССР. В эти годы им возглавлялись комплексные экспедиции, где были собраны богатые историко-этнографические материалы о хорезмских казахах. Параллельно с каракалпакской тематикой, он первый стал изучать казахов, проживающих за пределами Казахстана, результатом которого в 1966 г. явилась его монография «Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношения народов Каракалпакстана в XVIII – XX вв.» [172], изданая АН Узбекистана. В 1967 г. по результатам монографии была защищена докторская диссертация. Основной научной деятельностью У.Х.Шалекенова является то, что его научный поиск был посвящен ранее не исследованной теме, актуальной проблемой являлось изучение этнологии и археологии народов Центральной Азии. В 1950-1970-х гг. его основные научные труды были опубликованы в издательствах АН СССР и АН Узбекистана. В 1957 г. в Кратких сообщениях института (КСИЭ АН СССР) вышла его статья «Жилище каракалпакского колхозного крестьянства».[173] Основной задачей данной статьи являлось «показать на историко-этнографическом материале, собранном в Каракалпакии, преобразование и развитие форм жилища каракалпакского колхозного крестьянства».[174]

В 1958 г. в 3-ем томе Трудов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, посвященной теме «Материалы и исследования по этнографии каракалпаков» была опубликована диссертация У.Х. Шалекенова «Быт каракалпакского крестьянства в Чимбайском районе в прошлом и настоящем», в которой автор на обширном историко-этнографическом материале показал трансформацию быта крестьян Каракалпакии в конце XIX – первой половине XX вв..[175] «В этом сложном научном труде отображены изменения культуры

и быта многонационального народа Каракалпакии...».[176] В 1972 г. Каракалпакским филиалом АН УзССР были опубликованы материалы «Хозяйство Каракалпакии в XIX – начале XX в.: материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана». Основная часть этого труда была написана им. Впоследствии годы У.Х. Шалекенов стал одним из основоположников научной школы этнологов Казахстана. Под его руководством защищено более 30 кандидатских и докторских диссертаций.

Немалый след в казахской этнологической науке оставил Эдиге Айдарбекович Масанов. Он в 1953 г. закончил кафедру этнографии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1956-1958 гг. обучался в аспирантуре Института этнографии АН СССР под руководством Т.А. Жданко, «видного этнографа, «крестной матери» многих среднеазиатских и казахстанских этнографов». За свою короткую жизнь он опубликовал сорок научных трудов. Особенно большие его заслуги в изучении промыслов и ремесел казахов, дав им научно-обоснованные характеристики. Он был во многом первым, например, обнаружив прижизненную публикацию о Ч.Ч. Валиханове с его портретом во французском издании. Он вел большую работу по изучению истории этнографической науки в Казахстане, опубликовав массу статей. Э.А. Масанов подготовил рукопись книги по этой тематике и в будущем она должна была составить основу его докторской диссертации. Но трагическая случайность оборвала его жизнь и книга увидела свет без него, став настольной книгой каждого, кто интересуется историей и этнографией казахского народа». [177] В 1958 г. он защитил кандидатскую диссертацию, которая была посвящена казахским домашним промыслам и ремеслам конца XIX начала XX вв. по материалам северных областей Казахстана. [178]

В конце 1950-х гг. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР приступил к составлению «Историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана» и как координирующий центр привлек к этой работе соответствующие Институты союзных республик. Данная тематика на многие годы определила пути исследований казахстанских этнографов. Именно в этот период в казахскую этнографию пришла группа молодых, энергичных, талантливых исследователей - Халел Аргынбаев, Марат Муканов, Оразак Исмагулов. Они были востребованы, поскольку этнография Казахстана, прежде всего казахского народа, в научном отношении оставалась неизученной и представляла собой огромное поле деятельности. Каждый из них выбрал свое направление исследований, или даже несколько направлений, и успешно их развивал впоследствии.

Вот как пишет об этом времени в одной из своих статей ветеран казахстанской этнографии И.В.Захарова: «Серьезный поворот в этнографии Казахстана начинается в годы так называемой «оттепелью», в середине 1950-х годов. Конкретно это связано с новой задачей, поставленной АН СССР - подготовкой «Историко-этнографического Атласа Средней Азии и Казахстана», для которой вся работа по казахам возложена была на отдел этнографии АН

Казахской ССР. С этого времени появляется возможность более свободного выбора тематики, этнографы переходят к углубленному сбору материалов и их объективному истолкованию».[179]

Согласно программе «Историко-этнографический атлас» должен был наглядно, при помощи карт и таблиц, представить этническую историю, быт и культуру каждого народа региона; текст каждого раздела - в полном объеме показать этническую культуру отдельного народа, а рисунки (помимо карт и таблиц) зримо представить традиционные изделия промыслов и ремесел, одежду, жилище, утварь. Помимо темы по истории жилища, участники экспедиции проводили сбор материалов по всем основным разделам «Историко-этнографического атласа»: одежде, пище, средствам передвижения, родорасселению и т.д. Интересны некоторые выводы - например, что первоначальным оседлым жилищем в обследованных районах Казахстана была не землянка (полуземлянка) как в других регионах Казахстана, а надземное сооружение шопала/тошала.

В 1961 г. в серии Трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР вышла известная книга «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», в которой опубликован ряд интересных с этнографической точки зрения материалов по казахам. Так, одна из основоположниц современной центрально-азиатской этнографии Т.А. Жданко отмечала интересные факты: «В результате новейших этнографических исследований все более определенно выясняются типы кочевого жилища у разных народов Средней Азии и Казахстана, а также типы полукочевого жилища, зачастую сочетающего юрту с домом». [180]

В частности, В.В. Востров опубликовал статью «К истории развития оседлого жилища у казахов». В основе этой статьи – как анализ различных литературных источников (труды И. Георги, П.С. Палласа, А.И. Левшина, М. Леваневского, Н. Коншина, Н. Зеланда, Н. Харузина и т.д.), так и полевые материалы автора, полученные в результате экспедиций в различные регионы Казахстана в 1950-е гг. В этой статье В.В. Востров отмечает: «Вопрос о времени первоначального появления у казахов постоянных жилищ на зимовках пока еще окончательно не решен. В русской этнографической литературе первые сведения о них относятся к первой половине XIX в. Однако архивные данные говорят о наличии зимовок у казахов Младшей и Средней орд еще во второй половине XVIII в. Представляется вполне вероятным, что в условиях суровых зим Северного, Северо-Восточного и Центрального Казахстана казахи вынуждены были строить какие-то постоянные постройки». [181]

Б.В. Андрианов в статье «Карта народов Средней Азии и Казахстана» отмечает: «Казахи – исконные обитатели пустынь и степей Казахстана и Средней Азии, где они сочетали кочевое скотоводство с нерегулярным экстенсивным земледелием на лиманных и каирных землях. Часть казахов издавна жила на окраинах земледельческих оазисов, занимаясь земледелием и различными промыслами».[182]

Он же в статье «Раздел «Земледелие и ирригация» в историко-этнографическом атласе Средней Азии и Казахстана» отмечает, что казахи уже достаточно давно «научились собирать воду на такырах (ровных глинистых площадках) после дождя и отводить ее в низины, засевая их различными культурами, причем разбрасывая семена прямо в жидкий ил.... В целях лучшего увлажнения на такырах устраивались водопроводящие канавки и валики, перехватывающие воды поверхностного стока и направляющие их в падины».[183]

Сотрудницами Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР Г.П. Васильевой и Е.И. Маховой была составлена программа сбора материала по вопросам жилища в рамках работ по составлению атласа Средней Азии и Казахстана для оказания методической помощи этнографам региона. Например, изучение юрты включает в себя такие вопросы как тип юрты, особые виды юрты, ее размеры, способы крепления, особенности покрытия, специфика летних и зимних вариантов, последовательность работ при установке и разборке юрт, способы укладки при перевозке, характеристика внутреннего убранства юрты, способы обогрева, изготовление отдельных частей и т.д. [184]

Составление подобного рода программ российскими учеными послужило хорошей школой для молодых этнографов Средней Азии и Казахстана при проведении полевых работ.

Аналогично сотрудницами Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР Е.И. Маховой и С.П. Русайкиной была составлена программа сбора материала по вопросам одежды. При этом авторы программы опирались на исследования своих авторитетных коллег, таких как Т.А. Жданко, С.М. Абрамзон, О.А. Сухарева, И.В. Захарова, А.К. Писарчик и т.д. Так, в исследовании одежды авторы наряду с общими вопросами (нательная и верхняя одежда, пояса, обувь и т.д.) выделяют и специфические: в разделе мужской одежды – мужские прически, усы, бороды, в разделе женской одежды – выходная одежда, женские и девичьи прически, украшения, косметика, одежда молодой невестки и т.д. [185]

Эта программа также послужила хорошим методическим подспорьем молодым этнографам Средней Азии и Казахстана при проведении полевых работ.

В 1964 г. в Москве, на базе Института этнографии АН СССР, состоялся VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, в котором приняли участие видные этнографы Центральной Азии, в т.ч.– У.Х. Шалекенов, А.Х. Маргулан, Э.А. Масанов и антрополог О. Исмагулов.

Доклад У.Х. Шалекенова назывался «К вопросу о взаимоотношениях казахских племен с оседлым и полuosедлым населением Хорезма в XVIII-XIX вв.». В данном докладе отмечены историко-культурные основы близости народов Приаральского региона. В частности «чрезвычайно богато было устно-поэтическое творчество узбекского, казахского и каракалпакского народов; оно

имело у этих народов много общих черт и широко было известно в степях и в среде оседлого населения. Собранные нами этнографические материалы свидетельствуют о том, что казахские сказители (жырау, бахсы) наряду с казахским эпосом прекрасно исполняли узбекские, туркменские и каракалпакские народные песни, предания, легенды, а также произведения великих шаиров (поэтов): Алишера Навои, Махтумкули, Бердаха, Кунходжи и других». [186] Доклад А.Х. Маргулана назывался «Казахская юрта и её убранство». Ученый отмечал: «Юрта – один из древнейших типов передвижного жилища, приспособленного к кочевому образу жизни. Она широко распространена в среде кочевых и полукочевых народов Евразийских степей и сохраняет свою древнюю форму до наших дней. Происхождение войлочной юрты, вероятно, связано с переходом к яйлажному скотоводству и время ее появления теряется в веках». [187]

Э.А. Масанов сделал на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук доклад на тему: «Из истории этнографического изучения казахского народа в России (XV – XVII вв.)». Он подчеркивал: «В большинстве известных русских литературных произведений имеются политические, экономические и географические материалы, описывающие внутреннее и международное положение Казахского ханства, пути сообщения, расположение казахских кочевий, развитие торговых и дипломатических отношений России с казахами. Эти материалы имеют исключительно важное значение для изучения ряда этнографических проблем, в частности проблем, связанных с позднейшими этапами этногенеза казахской народности». [188]

Доклад О.И. Исмагулова назывался «Процесс становления антропологического типа казахов в связи с проблемами этногенеза». В своем докладе ученый осветил некоторые стороны сложного исторического процесса формирования казахского народа с точки зрения антропологии. [189]

В своем докладе О. Исмагулов отметил следующее: «Современные казахи являются наиболее типичными представителями смешанного тураноидного южносибирского типа. В этом нетрудно убедиться, если сравнивать их с представителями североазиатской расы, с одной стороны, и расы Среднеазиатского междуречья – с другой. При этом по ряду признаков казахи попадают в пределы вариаций центральноазиатских групп, по другим обнаруживают довольно значительный сдвиг в сторону европеоидных типов. Это является следствием того, что расовый тип казахов формировался при многовековом смешении двух больших рас – европеоидной и монголоидной» [190].

При этом следует отметить, что еще в конце 1950-х гг. О. Исмагулов был отправлен в аспирантуру Института этнографии АН СССР для специализации по антропологии. Во время учебы в аспирантуре им была организована специальная экспедиция, которая собрала богатый остеологический материал (свыше 300 скелетов), который был доставлен в Ленинградское отделение ИЭ АН СССР. «Эти материалы до сих пор считаются самой богатой и лучшей

коллекцией Музея антропологии и этнографии РАН. Некоторые скелеты по обмену отправили в музеи Ганы, Кубы, Индонезии и др.».[191] На основе богатого фактического материала О. Исмагулов в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы формирования антропологического типа казахов по данным краниологии древнего и современного населения Казахстана». [192]

В этой работе впервые рассматривается процесс формирования краниологического типа казахов на территории Казахстана начиная от эпохи бронзы до современности. При этом автором собраны уникальные палеоантропологические материалы, которые обобщены в этноантропологическом аспекте, то есть выявлены истоки становления антропологического типа современных казахов в хронологическом аспекте. Этот процесс занимает более сорока веков. Окончательное становление физического облика казахского народа на основе палеоантропологических изысканий устанавливается в период средневековья, то есть XIII- XIV вв. на территории современного Казахстана.

В 1979 г. в Москве защитил кандидатскую диссертацию известный этнолог А. Толеубаев на тему «Пережитки домусульманских верований и обрядов в семейном быту казахов конца XIX – начала XX века (по материалам Восточного Казахстана)».[193]

Диссертант рассмотрел в своей работе пережитки доисламских верований и обрядов в свадебном ритуале казахов, связанные с рождением и воспитанием ребенка, а также в похоронно-поминальной обрядности казахов. Диссертант пришел к выводу, что «в изучаемый период господствующей идеологической системой у казахов был ислам, но немалое место в религиозном сознании народа занимали верования и обряды доисламского происхождения. В этой области семейного быта прослеживаются пережитки фетишизма, анимизма и магии».[194]

В 1982 г. в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР защитил докторскую диссертацию по теме «Этническая антропология Казахстана: Соматологическое исследование» известный ученый О. Исмагулов [195], являющийся первым профессиональным антропологом Казахстана. Он в книге «Этническая антропология Казахстана» на основе сопоставления палеоантропологических и современных данных о физическом типе казахов и его особенностях убедительно показал преемственную, генетическую связь казахского народа с древними насельниками степей Центральной Азии. [196] В 1980-е годы О. Исмагулов существенно расширил математико-статистический арсенал методов обработки антропологического материала, как источника исторической информации в изучении сложных проблем этногенеза. [197]

В вышеупомянутой фундаментальной монографии «Этническая антропология Казахстана» посвященной соматологии казахов, им проведен корреляционный, дисперсионный, кластерный и др. виды моно- и многомерного анализа антропометрических и антропоскопических данных и

данных других морфофизиологических систем для определения степени различий между более чем 30-ю этнолокальными группами казахов с учетом их ареальной расселения. Ранее подобные исследования не проводились в республике. Основные результаты статистического анализа, отображенные в виде таблиц, графиков, дендрограмм, карт и рисунков, позволили автору сделать ряд содержательных выводов о процессах этногенеза и этнической истории не только казахов, но и других современных народов республики.

В 1984 г. Ж.Ю. Мансурова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Хозяйство казахов Младшего и Среднего жуза во второй половине XVIII – начале XIX вв.», в которой проводится анализ специфики хозяйственно-экономической жизни казахов малого и среднего жуза. Данное исследование «воссоздает конкретную картину образа жизни и хозяйства казахов нового времени в условиях, когда ускоренные темпы социально-экономического и культурного развития современного Казахстана способствуют быстрому исчезновению многих элементов традиционно-бытовой культуры». [198] К интересным выводам автора можно отнести следующее: «если еще в 1950-х гг. XX века в работах отдельных исследователей можно было встретить тезис, что земледельческая культура в жизни казахского народа сравнительно позднее явление, то в последние десятилетия прочно утвердилась мысль, что чередование оседлой и кочевой форм хозяйства проходит сквозь всю историю Казахстана». [199] Среди главных форм хозяйствования Ж.Ю. Мансурова называет кочевое и полукочевое скотоводство и земледелие, среди вспомогательных – охоту, рыболовство, домашние промыслы, ремесла, отхожие промыслы, торговлю. Т.о.: «Хозяйство казахов этого времени было комплексным». [200]

Мы в целом согласны с мнением диссертанта о том, что хозяйство казахов Младшего и Среднего жуза во второй половине XVIII – начале XIX вв. носило в значительной мере комплексный характер.

В 1984 г. в Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР защитила кандидатскую диссертацию Ш.Ж. Тохтабаева на тему «Казахские народные женские ювелирные украшения XVIII- XX вв». Ее научным руководителем был проф. Х.А. Аргынбаев. В диссертационной работе автором были подробно рассмотрены в основном казахские ювелирные украшения особенности техники их изготовления, семантический смысл тех или иных изделий, способы ношения и т.д. Как отмечает диссертант: «Казахское народное ювелирное искусство, характеризующееся богатством художественных средств и разнообразием стилистических направлений, имеет глубокие генетические корни, являющихся концентрированным отражением сложной этнической истории казахского народа и его историко- культурных взаимоотношений с другими народами. Изучение традиционных женских ювелирных украшений, представляющих собой яркую страницу творческого наследия казахских мастеров, имеет большое научное значение для истории казахской культуры». [201]

Глубокое изучение специфики казахского ювелирного искусства позволило Ш.Ж. Тохтабаевой сделать следующие выводы: «одни художественные традиции казахского ювелирного искусства, базируясь на основе древней торевтики, эволюционировали самобытным путем, разветляясь порой на несколько стилистических направлений; другие – явились итогом внешних влияний; третьи – представляют собой продукт синтеза иноэтничных и местных древних культурных явлений; четвертые – рождаются в результате внутреннего импульса определенной этнографической группы населения и в определенный период времени».[202]

Теоретические положения и выводы, вытекающие из диссертации Ш.Ж. Тохтабаевой, вполне обоснованы и вносят серьезный вклад в развитие казахской этнографической науки.

В 1986 г. в Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР защитила кандидатскую диссертацию О.М. Проваторова на тему «Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири». Диссертантом были изучены такие аспекты проблемы как расселение и численность казахов данного региона, этноязыковые процессы, хозяйство и культура, межэтнические отношения и этническое самосознание казахов Западной Сибири. Следует отметить интересные выводы автора: «Казахи Западной Сибири осознают себя прежде всего как казахи вообще, часть единого казахского этноса».[203]

На наш взгляд, выводы О.М. Проваторовой вполне ясны и обоснованы.

Связи между этнологами Казахстана и России всегда оставались достаточно прочными. Н.Ж. Шаханова – выпускница кафедры этнографии ЛГУ, ученица проф. Р.Ф. Итса. Она 17 лет проработала в качестве научного сотрудника Отдела Кавказа, Средней Азии и Казахстана Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Область её научных интересов – семантика казахской культуры, особенности этнических аспектов материальной и духовной культуры казахов, потестарно-политическая этнография, этнические аспекты гендерной проблематики.[204]

Ее кандидатская диссертация была посвящена изучению традиционной пищи казахов как историко-этнографическому источнику. Как отмечает диссертант: «Чрезвычайно насыщена система питания культово-ритуальными моментами. У казахов она отражает сложную систему домусульманских верований (запреты на определенные пищевые продукты, использование их в магических целях и пр.)... Система питания отражает этническую и социальную историю этноса, его историко-культурные связи и контакты, поставляет материал для этногенетических и культурно-исторических реконструкций». [205]

Мы вполне разделяем точку зрения Н.Ж. Шахановой по поводу того, что традиционная национальная система питания выступает важным составным элементом материальной культуры нации.

В 1987 г. в Москве защитил докторскую диссертацию М.С. Муканов на тему «Женские художественные промыслы казахов (Историко-этнографическое исследование)». «Учитывая устойчивость и не утраченную до настоящего времени большую роль в быту казахов художественных промыслов, автор диссертации сосредоточил основное внимание на этом комплексе отраслей и изделий».[206]

В диссертации М.С. Муканова проанализированы такие традиционные виды женских промыслов Казахстана как войлочное производство (текеметы, сырмаки, тускиизы), ткачество (алаша, клем и т.д.), вышивка бытовых предметов, плетение узорных циновок. Диссертант делает вывод о том, что «в сельской местности сохранились все отрасли женских художественных промыслов в традиционных регионах производства различных изделий. Особенно развито производство войлочных и ковровых изделий, меньше – вышивка бытовых предметов и плетение узорных циновок». [207]

М.С. Муканов верно отметил ту важную роль, которую традиционные женские промыслы играли в системе национальной культуры казахского народа. Изделия женских промыслов составляли (и в определенной мере и сейчас составляют) важный элемент декора казахского национального жилища, национальной одежды и т.д.

В 1988 г. в Москве кандидатскую диссертацию защитила К.Б. Сихымбаева на тему «Одонтологические и дерматоглифические исследования казахов Западного Казахстана». В ней впервые рассматриваются оригинальные антропологические материалы по современным казахам, то есть зубная морфология постоянных зубов у обоего пола. Одновременно ей исследованы кожные узоры кисты руки тех же локальных групп казахов. Результаты исследования как по одонтологии зубная система, так и по дерматоглифике подтверждают наличие собственного антропологического статуса современных казахов среди различных представителей расовых типов Евразии. Следовательно, автором установлены объективная морфологическая связь между различными данными и этноисторического развития казахской популяции. Все это достоверно согласуется с данными по физической антропологии казахов, которые являются важным историческим источником при изучении этногенеза и расогенеза казахской популяции.[208]

Защита диссертации К.Б. Сихымбаевой явилась продолжением развития казахской национальной школы антропологии, основоположником которой является академик НАН РК О. Исмагулов.

В 1989 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР защитил кандидатскую диссертацию нынешний заведующий Отделом Этнологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК С.И. Ажигали. Его диссертация называлась «Традиционные погребально-культовые сооружения Западного Казахстана как историко-этнографический источник». В процессе работы над темой С.И. Ажигали установил: «Анализ малых форм погребально-культовых сооружений Арало-Каспия позволил определить их

важнейшие признаки: массовость, традиционность, динамичность, объединяющий для всего ареала характер». [209]

Специфика и оригинальность работы С.И. Ажигали заключается в том, что он одним из первых привлек внимание к традиционным погребально-культовым сооружениям как этнографическому источнику.

В 1989 г. в Москве, в Институте этнографии АН СССР защитил кандидатскую диссертацию бывший заведующий кафедрой Археологии и этнологии КазНУ им. Аль-Фараби А.Б. Калыш на тему «Культура и быт современного сельского населения Павлодарского Прииртышья». В процессе работы над темой А.Б. Калыш пришел к выводу, что «в результате сложного и многообразного синтеза различных этнокультурных традиций (казахской, русской, украинской, немецкой и до.), их взаимодействия и взаимовлияния, как в сфере системы материального производства, так и в области материальной и духовной культуры, семейно-брачных отношений происходит трансформация культурных ценностей и этнических стереотипов». [210]

Важным вкладом данной диссертации является раскрытие системы межэтнических отношений, взаимного влияния казахов и других этнических групп населения в сфере материальной и духовной культуры.

В 1990 г. К.Л. Есмагамбетов в Москве защитил кандидатскую диссертацию в форме научного доклада на тему «Историко-этнографическое исследование дореволюционного Казахстана в Англии и США». [211]

Как отметил автор: «Быстро развивающийся капитализм, завоевание новых рынков сбыта товаров и источников сырья, расширение колониальных территорий втягивали новые страны и народы в орбиту западной цивилизации, происходили взаимное обогащение и синтез восточных и западных идей и представлений. В то же время на Западе, наряду с просветительскими идеями Ж.Ж. Руссо, Д. Дидро, М.-Ф. Вольтера, Ш.Л. Монтескье и др., в историческую науку проникали «доводы» об «исторической обусловленности» колониального грабежа и разбоя, оформившиеся позднее в концепцию «отсталости» всего азиатского, «цивилизаторской миссии» европейца. Эти две противоречивые тенденции, доминировавшие в западной литературе, во многом определили в дальнейшем развитие этнографической и исторической мысли о казахском народе». [212]

Диссертация К.Л. Есмагамбетова защищена на достаточно мало исследованную тему, и уже тем вносит свой вклад в развитие историографии этнологии казахов.

В 1990 г. в Институте этнографии АН СССР защитила кандидатскую диссертацию Р.М. Мустафина на тему: «Особенности бытового ислама у казахов Южного Казахстана (конец XIX – начало XX века)». Автор отмечала: «Религиозный синкретизм, характеризующий бытовым ислам у казахов Южного Казахстана, подтверждает, что религиозная практика допускает различные отклонения от канонических форм». [213]

В этой связи необходимо отметить, что диссертант, верно, подчеркивает, что в бытовом исламе казахов сохранилось много форм доисламских религиозных верований, получивших переосмысление в процессе исламизации традиционной культуры. Однако и в настоящее время мы можем наблюдать пережиточные формы доисламских традиций, сохранившихся в бытовом, народном исламе.

Необходимо отметить, что в процессе сотрудничества этнологов России и Казахстана процесс помощи в подготовке кадров осуществлялся не только в одну, но и в другую сторону. Так, казахские специалисты оказали большую помощь одному из ведущих специалистов Отдела народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии В.И. Басилову в сборе полевых материалов для его докторской диссертации.[214]

И не случайно в качестве ведущего учреждения при защите его докторской диссертации был выбран именно Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР. Среди своих предшественников В.И. Басилов называл таких казахских исследователей как Ч.Ч. Валиханов, Б. Даулбаев, М. Миропиев, Х. Кустанаев, С. Сейфуллин, отмечал значительную роль таких ученых как С.А. Каскабасов, К.Ш. Шулембаев, Ш. Амантурлин, А. Толеубаев и т.д. [215]

В 1991 г. известный казахский этнолог Нурбулат Эдигеевич Масанов защитил докторскую диссертацию на тему: «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические проблемы нomaдизма» в Институте этнологии и антропологии (ИЭА) АН СССР. [216]

В диссертации подробно исследуется процесс генезиса и эволюции кочевнического типа хозяйства, дается анализ типологии местообитания номадов, описываются природно-климатические условия различных регионов Казахстана, особенности сезонного природопользования и выпаса скота, структура хозяйственных занятий казахов, типология кочевого скотоводческого хозяйства, география расселения, численность, родоплеменной состав казахского населения. Интересны замечания Н.Э. Масанова по поводу того: «Что же касается принципиально важного вопроса относительно возможной трансформации номадного способа производства в период включения кочевых народов в орбиту политического и экономического господства крупных централизованных государств, то анализ казахского общества показывает, что сам способ производства не претерпел сколько-нибудь серьезных видоизменений. Несмотря на массовое изъятие наиболее плодородных земель, широкомасштабную колонизацию, развитие земледельческого хозяйства, установление системы государственно-административного управления, отчуждение налогов, кочевничество полностью сохранило свою специфическую форму воспроизводства и жизнедеятельности... Номадный способ производства, в силу неизменности географических условий сохранявший основные параметры своего функционирования на протяжении трех тысячелетий, перестал существовать в Казахстане только лишь после

насильственной кампании по тотальному изъятию скота в начале 1930-х гг.». [217]

Необходимо отметить, что работы Н.Э. Масанова, посвященные проблемам изучения номадизма остаются важным источником в плане исследования этой важной и актуальной научной проблемы.

В 1991 г. О.Б. Наумова в ИЭА АН СССР защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные этнокультурные процессы у казахов в многонациональных районах Казахстана». [218]

Автор отмечает: «Влияние урбанизации на современную этническую культуру казахов очень существенно. Урбанизационные процессы и, в целом, включение казахов в современную индустриальную цивилизацию изменяют взаимоотношения между личностью, родовой группой и общиной в казахском обществе, тем самым разрушая его традиционные структуры. Если для традиционного казахского общества была характерна ответственность семейно-родственной группы за своих членов, самосознание человека через принадлежность к определенной родовой группе и иерархии групп, то под влиянием названных процессов личность все более становится нацелена на индивидуальную самореализацию независимо от принадлежности и позиции в группе». [219]

Спецификой работы О.Б. Наумовой является исследование процессов модернизации и урбанизации на материалах этноса, вступившего на данный путь достаточно поздно (в массовом порядке – лишь в XX веке), что позволяет проследить, каким образом традиционная национальная культура трансформируется под влиянием данных процессов.

В 1991 г. в Москве защитил кандидатскую диссертацию У. Джанибеков на тему «Проблемы традиционного искусства казахов в историко-этнографическом аспекте». [220]

В диссертации проводится анализ различных форм традиционного казахского искусства с точки зрения этнологии. Автор рассматривает традиционное искусство в качестве важного этнографического источника, позволяющего при изучении феноменов искусства проводить определенное восстановление забытых традиций, обычаев, обрядов и т.д., в той или иной мере зафиксированных в традиционном искусстве.

В целом следует отметить, что Институт этнографии (ныне – Институт этнологии и антропологии РАН) в лице своей как московской, так и ленинградской частей внес свой значительный вклад в подготовку национальных кадров казахских этнологов и антропологов высшей квалификации – кандидатов и докторов наук.

2.2 Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова - центр подготовки кадров этнографов Казахстана (1946 – 2011 гг.)

К началу 1940-х гг. общее число Институтов Казахского филиала АН СССР выросло с 1-го до 15-ти. С началом Великой Отечественной войны развитие этнографии казахского народа несколько замедлилось, но не прекратилось. В 1942 г. в структуре Казахского филиала АН СССР был образован Институт языка, литературы и истории. Одним из важных направлений данного Института стало изучение этнографии казахского народа, фольклора, образцов устного народного творчества.

В 1943 г. А.Х. Маргулан защитил кандидатскую диссертацию на тему «Историческое значение ярлыков и пайцзе». Это научное исследование стало поистине началом изучения исторических памятников древнекыпчакской письменности. Тем более, по мнению А.Х. Маргулана ключевым в этногенезе казахского народа считал именно кыпчакский компонент. [221]

В 1946 г. было организовано ведущее этнографическое научное учреждение Казахстана – Институт истории, археологии и этнографии в системе Академии наук Казахстана.[222] Одним из тех, кто стоял у истоков данного Института был первый президент АН Казахстана академик К.И. Сатпаев. Как отметил академик НАН РК О. Исмагулов: «В истории Казахстана академик К.И. Сатпаев был и остается величайшим научным маяком казахского народа, непревзойденным талантливым ученым, прозорливым деятелем и основателем многих современных научных направлений. При этом уникальность К.И. Сатпаева состоит в том, что его научная деятельность осуществлялась в самой сложной идеологической среде, т.е. в условиях тоталитарного режима. Тем не менее, он имел твердую волю и смог закрепить науку в республике».[223]

Одним из научных направлений, получивших серьезное развитие в этот период, стала этнографическая наука. Уже в самом названии Института истории и этнографии была обозначена одна из главных его научных задач – изучение этнографии, т.е. хозяйства, быта, материальной и духовной культуры, как казахского этноса, так и других этносов и этнических групп, населяющих республику. Данный Институт стал одним из ведущих учреждений Отделения общественных наук созданной в 1946 г. АН Казахстана. Проблемы, связанные с этнографией казахского народа, изучались и в других подразделениях Академии наук: Институте языка и литературы, Секторах востоковедения, философии и права.[224]

Согласно утвержденному Пятилетнему плану (1946–1950 гг.) работы Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана, этнографическая часть Института (сектор этнографии) включала в себя следующие подразделения: Отдел народных обычаев, Отдел домашнего быта, Отдел духовной культуры.[225]

Первым заведующим сектором этнографии Института был известный филолог Н.С. Сабитов. [226] То, что организационно данный сектор состоял из трех отделов, не означает, что сразу же был набран полный штат сотрудников. В 1946 г., кроме заведующего сектором Н.С. Сабитова в штате сектора работало только три научных сотрудника: Ш. Жанабилов, Д. Рахметов, М. Уралов.[227] Однако само по себе открытие сектора этнографии «явилось признанием большой важности развития этнографической науки в республике».[228] В своей объяснительной записке к Пятилетнему плану работы Института на 1946-1950 гг. заведующий сектором этнографии Н. Сабитов писал, что «этнография Казахстана изучена крайне слабо» и основной задачей является подготовка кадров.[229]

В 1946-1948 гг. основное внимание сектора этнографии было направлено на сбор полевых материалов в ряде областей Казахстана: Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Семипалатинской, Талды-Курганской. Сотрудниками сектора были собраны значительные полевые материалы по материальной и духовной культуре казахского этноса. [230] Во 2-ой пол. 1940-ых гг. «в исторической науке республики начался качественно новый этап, Институт истории, археологии и этнографии стал ведущим центром исторических исследований в республике, что позволило сконцентрировать и направить значительные научные силы на решение важных узловых проблем истории»,[231] в том числе – этнографии казахского народа.

Необходимо отметить, что «в послевоенные годы развитие этнографической науки в Казахстане ознаменовалось резким поворотом в сторону изучения современности. Исследования, посвященные разработке той или иной этнографической проблемы, в большинстве хронологически доводятся до наших дней».[232] Уже в 1946 г. по решению Президиума АН Казахстана в Восточно-Казахстанскую область были командированы два этнографа - И. Уралов и Д. Рахметов.[233] По словам Н.С. Сабитова, «работа данной экспедиции, являясь только началом этнографического изучения Казахстана, имела рекогносцировочный характер». [234] Перед этнографами были поставлены следующие конкретные задачи: исследование традиционных форм ведения хозяйства, в основном – скотоводства, изучение отражения традиционного хозяйства в материальной культуре, сбор материалов по родоплеменному составу и системе родства казахского этноса, изучение пережитков доисламских верований, исследование особенностей национального и регионального орнамента. [235] И. Уралов и Д. Рахметов работали в Аксуйском, Зайсанском, Тарбагатайском районах [236], собрали обширный и интересный этнографический материал. Это была первая экспедиция только что организованного Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана.

Участники экспедиции зафиксировали ряд видов казахской национальной одежды, в настоящее время практически не встречающихся. К ним относятся: зимняя пастушеская войлочная шуба *кебенек*, войлочные сапоги в сыромятных

калошах – *шахай*. В то время (середина XX в.) некоторые женщины-казашки носили кожаные штаны и *тизе-кап* (*тизе* – колено, *кап* – мешок), которые заменяли теплые чулки. По словам информаторов, они «простегиваются на шерсти и длинными шнурами прикрепляются к поясу». Достаточно часто в то время встречалась *кулапара* – мужской головной убор в виде башлыка, который ныне встречается крайне редко. Много сведений было собрано по национальной пище (заслуживает внимания блюдо *жау-буйрек* – шашлык из почек), по земледелию, жилищам, скотоводству, родоплеменному составу казахского этноса и т.д.[237]

В целом, полевые экспедиции давали достаточно интересный и богатый материал для теоретических обобщений.

Не прекращалась и научная деятельность в других формах. В декабре 1949 г. в Алма-Ате состоялись методологически важные мероприятия – Республиканский семинар музейных работников и Научная сессия Центрального музея Казахстана, на которых были рассмотрены недостатки в краеведческой и этнографической деятельности музеев республики, поставлены новые задачи по коренному улучшению положения в этих отраслях науки.[238] В этот период «источниковедение становится одним из важных направлений исследований казахстанских историков и востоковедов».[239]

Во 2-ой пол. 1940-нач. 1950-ых гг. исследователями Казахстана была проделана огромная работа по изучению документов архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Оренбурга, Алма-Аты, Ташкента. Был подготовлен целый ряд интереснейших и содержательных сборников документов.[240]

На рубеже 1940-1950-ых гг. в этнографической науке разгорелась острая дискуссия по вопросам этногенеза казахского народа. Были самые различные точки зрения на этот счет. Но все-таки «проблема этногенеза казахов стала тесно увязываться с проблемой происхождения и историей массагетов, саков, усуней и других древних племен казахских степей, среднеазиатского Междуречья и Семиречья. В республике в широком масштабе развернулись археологические исследования, позволяющие лучше изучить материальную культуру предков казахского народа, их историю, взаимоотношения с оседлыми народами и связь с казахской народностью. Для изучения этногенетического процесса в казахской степи стали также широко привлекаться данные антропологии, этнографии, лингвистики, фольклористики». [241]

В 1950-ые гг. продолжается активная научная деятельность А.Х. Маргулана, заложившего теоретические и методологические основы современной национальной этнографии, тюркологии, казаховедения. В 1957 г. А.Х. Маргулан возглавил Отдел этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана, и пробыл в этой должности почти 20 лет (до 1976 г.) [242]. «Возглавляя в течение многих лет отдел этнографии, А.Х. Маргулан в значительной степени способствовал развитию этнографической науки в Казахстане. Под его руководством и при его непосредственном участии было

опубликовано крупное исследование «Культура и быт казахского колхозного аула», им подготовлено не одно поколение казахстанских ученых этнографов, археологов и историков. Среди его учеников – видные археологи и этнографы, исследователи эпохи раннего железа (М.К. Кадырбаев), древнетюркской эпохи (Ф. Арсланова), кыпчакской этнической общности (М.С. Ахинжанов), этнической истории казахов (М.С. Муканов), семейно-брачных отношений (Х.А. Аргынбаев), домусульманских религиозных представлений и верований (С.А. Акатаев) и многие другие».[243] Выдающийся исследователь, А.Х. Маргулан принадлежал «к той плеяде ученых, которым выпала трудная, но счастливая доля быть первооткрывателями в науке и усилиями которых культура казахского народа стала достоянием всего человечества».[244] А.Х. Маргулан сформировал школу этнографов Казахстана, которая известна такими именами как Х.А. Аргынбаев, О. И. Исмагулов, У.Х. Шалекенов, Э.А. Масанов, М.С. Муканов, А.Т. Толеубаев, С. Е. Ажигали и др.

100-летний юбилей академика А.Х. Маргулана по решению 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО был включен в календарь памятных дат и событий этой авторитетной международной организации. Алькей Хаканович Маргулан руководил Центрально-казахстанской археологической экспедицией с 1946 по 1974 г., ему принадлежат открытие и обоснование самобытной бегазы-дандыбаевской культуры эпохи поздней бронзы – крупнейшего очага цивилизации в Центральном Казахстане. На протяжении всей своей жизни Алькей Маргулан собирал материалы по археологии, вопросам этнографии, фольклора, письменности и прикладного искусства казахов. Благодаря его кропотливому труду в 1965 г. было издано 5-томное собрание сочинений Ч.Ч.Валиханова. Вышедшая в свет в 1979 г. монография А.Х. Маргулана «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» для ученых и всех кто интересовался историей республики, являлась путеводителем по еще мало изученной в то время древней истории Казахстана.[245]

Следует отметить, что в конце 1940-начале 1950-ых гг. возобновилась дискуссия, начавшаяся ещё в 1930-ые гг. о характере и сущности социальных отношений в казахском ауле. «Вскоре эта проблема переросла рамки казахстаники и превратилась в дискуссию о характере производственных отношений у кочевников вообще».[246]

Из ученых Казахстана в ней активное участие принимали А.Е. Еренов, С.З. Зиманов, С.Е. Толыбеков, В.Ф. Шахматов и т.д. Итоги данной дискуссии были подведены на Объединенной научной сессии АН СССР и Академий наук республик Центральной Азии, проходившей в Ташкенте. [247]

Основная научно-исследовательская работа сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана в 1-ой пол. 1950-ых гг. была посвящена изучению современной культуры и быта казахского этноса. В результате работы над данной темой этнографы Казахстана собрали значительный научный, и эмпирико-полевой материал по современной культуре и этнографии казахов. В 1951-1953 гг. было продолжено

экспедиционное изучение определенных районов Алма-Атинской и Джамбульской области. Научные результаты экспедиций были обобщены этнографами Н.С. Сабитовым и И.В. Захаровой. В 1955 г. в связи с утверждением новой тематики на 1955-1965 гг. Отдел этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана приступил к подготовке материалов для историко-этнографического атласа народов Центральной Азии, крупного обобщающего научного труда, разрабатываемого одновременно Институтом этнографии АН СССР и этнографами пяти республик Центральной Азии.[248]

В 1956 г. в Отдел этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана были приняты три человека, впоследствии много сделавшие для развития казахской этнографической науки – аспирант Э.А. Масанов, младшие научные сотрудники М.С. Муканов и О. Исмагулов.

О. Исмагулов вскоре защитил кандидатскую диссертацию, в 1984 г. – докторскую, в 1989 г. он возглавил выделившуюся из отдела этнографии антропологическую лабораторию.[249]

В том же 1956 г. была организована крупная этнографическая экспедиция в Актюбинскую и Кустанайскую области. Руководили экспедицией И.В. Захарова и В.В. Востров. В составе экспедиции работали сотрудники Отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана Г.Н. Валиханов и М.С. Муканов, аспирант Э.А. Масанов, сотрудница Центрального музея истории Казахстана Л.А. Демази, художник Н. Третьяков, фотограф Р. Миршанов. Было проведено распределение тематики между участниками экспедиции: «Одежда и украшения» (И.В. Захарова, впоследствии – Р.Д. Ходжаева), «Народное жилище» (В.В. Востров, И.В. Захарова), «Родоплеменной состав казахов» (В.В. Востров, М.С. Муканов), «Народные промыслы и ремесла» (Э.А. Масанов, М.С. Муканов). Все указанные темы являлись также разделами более обширной тематики – «Историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана».[250]

Этнографами Казахстана совместно с коллегами из Москвы и республик Средней Азии были разработаны структура атласа, программы сбора научных материалов для отдельных его выпусков. [251] В 1957 г. в составе Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана была организована научная группа по изучению наследия Ч.Ч. Валиханова и подготовке к публикации собрания его сочинений. Во главе группы был поставлен известный ученый А.Х. Маргулан. Группа была включена в состав Отдела этнографии. В 1958 г. Отдел возглавил только что избранный академиком АН Казахстана А.Х. Маргулан. [252]

Методологически важным моментом в исследовании этнографии казахов на рубеже 1950-1960-ых гг. является активное исследование старой, дореволюционной, традиционной культуры и быта. Этнографы были убеждены, что только в результате всестороннего исследования традиционного наследия казахского этноса «можно перейти к подлинно научному и глубокому

изучению закономерностей преобразования быта и культуры в эпоху современности.[253] В этот период особое внимание было уделено изучению казахской семьи, её быта, системе взаимоотношений между её членами. Участники этнографических экспедиций наблюдали повседневную жизнь казахских сельских жителей – в домашних условиях, на работе, в общественных местах. Проводились беседы, углубленные интервью, наблюдались традиционные обычаи и обряды (шилдеhana, бесік той, ас и т.д.). Т.о., проводилось всесторонне изучение культуры и быта сельских казахов. [254]

Включение казахстанских исследователей в сообщество историков-квантификаторов приходится на 1960-е гг., когда впервые в республике антрополог О. Исмагулов совместно с ведущими советскими специалистами московских научных центров стал проводить на основе комплексных методов исследования по краниологии и палеоантропологии.[255]

В 1970-е годы выдающийся ученый приступил к систематическим планомерным антропологическим исследованиям по разным морфофизиологическим системам признаков среди современного населения республики, в частности по серологии, соматологии, одонтологии и дерматоглифике. [256] В монографии, посвященной исследованию групп крови казахов по (системам ABO, MNSs и Rhesus), О. Исмагулов провел широкий сравнительный анализ с подобным материалом народов Евразии, используя ЭВМ (БСЭМ-4М) и широкий математический арсенал методов, корректный в изучении специфических данных антропологических источников. Следует отметить тщательный анализ процентных распределений фенотипов, а также и генных частот, оценку достоверности соответствия эмпирического и теоретического распределения. При этом была также определена степень однородности данных казахской популяции в целом. Им были широко использованы в работе методы многомерного анализа: корреляционный, факторный, метод «кси-квадрат», генный индекс Веллиша, критерий Р. Кнуссмана и др. Одним из многочисленных достоинств данной монографии является графический и картографический материал, отражающий данные распределения фенотипов и генных частот, рассматриваемых автором систем по различным родоплеменным, территориальным группам казахов и сравнительного анализа этих характеристик с некоторыми этнотерриториальными группами Евразии.[257]

В 1966 г. вышла монография У.Х. Шалекенова «Казахи низовьев Амударьи (К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII – XX вв.). Это был первый весомый труд о казахской диаспоре. Монография была вынесена на защиту докторской диссертации, после чего в 1967 г. 17 мая была защищена на Большом ученом Совете Академии наук Узбекистана. Официальными оппонентами были академики А.Х. Маргулан и Я.Г. Гулямов, профессор С. Садыков, которые единогласно дали высокую оценку научному труду. У.Х. Шалекенов стал глубже изучать историю народов Центральной

Азии, покрытую белыми пятнами. Эта тема посвящена истории и этнографии казахов, живших в низовьях Амударьи.[258]

Профессор У.Х. Шалекенов более 60 лет своей жизни посвятил и продолжает посвящать науке и педагогической деятельности, изучению тюркской, а в особенности казахской истории, археологии и этнографии. Его основными научными направлениями являются: история тюркских народов, быт, традиции, культура и также их многогранные взаимоотношения.[259]

В этот период продолжается активная деятельность Отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана. В 1966 г. по Отделу этнографии были утверждены две темы: 1. «История развития казахской семьи» (исполнители – Х. Аргынбаев, Р.Д. Ходжаева, Д.Х. Кармышева), 2) «Современный технический прогресс и изменения в материальной культуре казахского народа» (исполнители – В.В. Востров, М.С. Муканов, Х.А. Кауанова).[260] В 1967 г. формулировка последней темы была изменена на следующую – «Изменения в материальной культуре казахского народа на современном этапе».[261] В целях выполнения данных тем были организованы этнографические экспедиции в Семипалатинскую, Целиноградскую, Южно-Казахстанскую области. [262]

Обе темы были успешно завершены в 1969 г. [263], результатом чего явились две монографии – Вострова В.В. и Кауановой Х.А. – по материальной культуре [264], Аргынбаева Х. – по семье и браку [265].

Особенностью книги Вострова В.В. и Кауановой Х.А. является то, что в ней наряду с традиционным изложением материала по сельской местности впервые представлены культура и быт казахов - рабочих промышленных предприятий.

В ЦГА РУз диссертантом был найден документ, датированный 4 ноября 1968 г. Это письмо известнейшего казахстанского археолога и этнолога А. Маргулана, адресованное его не менее известному узбекистанскому коллеге М.Е. Массону. В этом письме А. Маргулан отмечает: «В этом году мне посчастливилось быть участником VIII конгресса этнографов, состоявшегося в первой половине сентября в Японии (в городах Токио и Киото), где читал доклад о казахском народном декоративном искусстве. Масса впечатлений и интересных встреч. На конгресс съехались делегации из 50 стран.... На секциях и симпозиумах было представлено большое число докладов по разным проблемам этнографической и антропологической науки. Из Ташкента, Ашхабада и Душанбе никого не было».[266]

В составе казахстанской делегации было три человека: А.Х. Маргулан, Г.Ф. Дайхшлегер и О. Исмагулов. По словам ныне академика НАН РК О. Исмагулова на конгресс съехались делегации из 100 стран, а число участников превысило 2 тыс. человек. О. Исмагулов выступил с докладом по теме: «Происхождение казахского народа по данным палеоантропологии».

Тот факт, что на данном представительном научном мероприятии регион Центральной Азии был представлен только Казахстаном говорит о высоком

потенциале и международном авторитете казахской этнолого-антропологической науки.

В 1960-ые годы этнографами Казахстана был сделан ряд открытий и смелых научных предположений, в частности – о тамговом происхождении тюркских рун, о чем писал А. Махмутов в 1969 г..[267]

В 1970-е гг. продолжалась подготовка высококвалифицированных кадров ученых-этнографов. В 1971 г. Х.А. Кауанова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Материальная культура, семья и семейный быт казахских рабочих Карагандинского угольного бассейна». В диссертации были рассмотрены такие проблемы как формирование казахского рабочего класса, изменения в материальной культуре (жилище, одежде, пище) казахских рабочих, развитие семьи и семейного быта шахтеров-казахов. Диссертант отметила: «Казахские рабочие завершили исторический переход от традиционных форм и элементов материальной культуры, приспособленных к кочевому образу жизни, к современным... В то же время сохраняются и развиваются отдельные национальные элементы в быту, которые не противоречат современному укладу жизни и обогащают его».[268]

Данная диссертация внесла важный вклад в этнографическую науку, поскольку была исследована сравнительно новая для казахского этноса социальная группа – рабочий класс.

В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза» М.С. Муканов. В диссертации подробно рассмотрены вопросы этногенеза и этнической истории таких частей казахского этноса как кереи, найманы, аргыны, кипчаки, уаки, конраты. Интересен вывод автора: «Казахские роды не были изолированными группами, на отдельных этапах истории шло слияние и объединение некоторых родов, укрупнение некоторых общин в более крупные родовые объединения. Перемещения племен, родов в связи с экономическими и политическими событиями объясняет тот факт, что одни и те же племена вошли в состав некоторых народов Средней Азии и Казахстана».[269]

М.С. Муканов внес важный вклад в развитие этнологии казахов с точки зрения изучения этногенеза, этнического состава, особенностей расселения казахов Среднего Жуза.

В 1973 г. кандидатскую диссертацию защитил С.-К. Н. Акатаев на тему «Культ предков у казахов и его этногенетические и историко-культурные истоки (из истории народной духовной культуры казахов)». В данной работе отмечено: «Казахи, как этно-историческая общность, несмотря на сравнительно позднее образование своего этнонима, являются одним из древних по своему этнокультурному содержанию народов Евразии, включивших в свой состав множество племен и народностей и игравших важную роль в истории Евразийской степи».[270]

Диссертант проанализировал такие вопросы как гносеологические и социально-исторические корни культа предков, связь данного культа с

общественной жизнью казахов, культ вождей, предводителей и владык, культ героизированных предков, почитание старцев (в первой главе), роль Тенгри как верховного бога древних тюрков, культ Солнца, социальные функции Тенгри, культ Умай (во второй главе), культ умерших предков, представления о душе, соответствующие обряды (аза, киелеу, ас), культ родовых кладбищ, погребальные обычаи. Диссертант пришел к выводу, что «исследование наметило тесные этногенетические и историко-культурные связи казахов и их исторических предшественников и соседей. Традиционная духовная культура казахов, как показало исследование, не была в стороне от поступательного развития общечеловеческой цивилизации, а находилась под плодотворным воздействием народов Восточной Европы. Южной Сибири, Средней и Центральной Азии».[271]

Диссертант С.-К.Н. Акатаев совершенно верно отметил как общечеловеческие основы культа предков у казахов, так и специфические особенности, характерные только для данного народа.

Семейно-брачные обычаи и обряды активно изучал Х. Аргынбаев. Они научно осмыслены автором и поданы с большим интересом. В 1976 г. Х. Аргынбаев успешно защитил докторскую диссертацию по проблемам семьи и брака, и сменил А.Х. Маргулана на посту заведующего Отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана.[272]

В своей докторской диссертации Х.А. Аргынбаев рассматривает такие вопросы как формы семьи и семейных отношений у казахов в дореволюционный период, формы заключения брака, особенности свадьбы и свадебных обрядов в данный период, современные (XX в.) семейно-брачные отношения. В заключении диссертант сделал выводы и «показывает какие элементы народных традиций остались неизменными, какие видоизменились применительно к новым условиям жизни, какие институты и обряды исчезли и, наконец, какие новые обычаи, обряды и традиции появились у казахов под влиянием коренных социально-экономических преобразований, культурной революции и взаимного обогащения культуры казахского народа с культурой других народов».[273]

Х.А. Аргынбаева можно считать классиком казахской этнологии по вопросам семьи и брака.

В 1975 г. кандидатскую диссертацию защитил У.С. Кыдыралин на тему «Культура и быт казахов дореволюционного Мангышлака». В данной работе диссертант проанализировал следующие вопросы: хозяйственную жизнь (социально-экономические отношения, виды хозяйствования, промыслы), материальную культуру (жилище, пища, одежда), духовную культуру (народные знания), комплекс семейно-брачных отношений казахов Мангышлака. Автор сделал следующие выводы: «У казахов Мангышлака издавна сложилась самобытная и многообразная по формам материальная и духовная культура... Исследование этих обычаев, обрядов, хозяйства

представляет большой интерес с точки зрения этнографии и изучения исторического прошлого казахов».[274]

Данное историко-этнологическое исследование позволило по-новому взглянуть на ряд проблем, оценить их в исторической ретроспективе.

В первой половине 1980-ых гг. Отдел этнографии вел разработку темы «Современная сельская семья» в четырех объектах Алматинской и Талды-Курганской областей. «Участникам экспедиции необходимо было изучить сельскую семью в свете совершенно новой методологии – социально-этнической. Сплошное обследование семей состояло в анкетировании национальности супружеских пар, время создания семьи, состава семьи, условий жизни (дом, его обстановка и т.д.), заработка, культурных запросов и т.д. Такое анкетирование было проведено и на основе их были сделаны программы, которые подверглись компьютерной обработке. Полученные результаты позволили написать разделы по истории обследованных сел, общественному и личному хозяйству, составу семей по социальным группам и национальному признаку, культурному уровню каждого села и каждой семьи в отдельности и т.д.».[275]

В 1985 г. на основе материалов своей диссертации Ш. Тохтабаева выпустила альбом по национальным ювелирным украшениям, написав к нему обширное предисловие . [276]

Изучению современной из интереснейших проблем физической антропологии казахского народа - этнической одонтологии посвящена монография О. Исмагулова и К.Б. Сихимбаевой - одной из сотрудников творческой лаборатории известного ученого. Это исследование, в котором всесторонне использованы количественные методы и ЭВМ при обработке данных морфологического анализа одонтологических черт местных насельников Казахстана, существенно обогатили все предшествующие изыскания и выводы О. Исмагулова по проблемам расового типа, этногенеза и этнической истории казахского народа [277].

В 1989 г. кандидатскую диссертацию защитил Ж.О. Артыкбаев «Этносоциальная структура казахов Северного и Центрального Казахстана во второй половине XIX века». В данной диссертации рассмотрены такие вопросы как этническая организация (особенности генеалогической, территориальной, потестарно-политической организации) и социальная организация (особенности низовых ячеек, общинные связи) казахского этноса. «Автор склонен оценивать произошедшие перемены в этносоциальной структуре казахов как прогрессивные. Взаимодействие и противостояние двух различных культур – основная тенденция этого переходного периода. Оно привело к насильственной ломке традиционной структуры, негативно отражалось в этнокультурных параметрах, вызвало упадок благосостояния, но, тем не менее, эти перемены открыли путь более высокому уровню развития общества» [278].

Ж.О. Артыкбаев в оценке этносоциальной структуры казахов Северного и Центрального Казахстана во второй половине XIX века опирался на данные,

прежде всего исторических источников и его исследование носит историко-этнологический характер.

Период после обретения Республикой Казахстан государственной независимости явился периодом очень бурного развития всех отраслей научного знания, в том числе – проблем этнологии, этногенеза, этнической истории казахского народа.

В годы государственной независимости Республики Казахстан наряду с положительной динамикой в развитии отечественной этнологической науки, деятельности коллективов Института истории и этнологии, Института археологии, Института востоковедения МОН РК, профилирующих кафедр ведущих вузов, отчетливо выявился целый ряд проблем. Среди достижений особо хотелось бы отметить дальнейший рост научных публикаций и подготовку очередных книг к изданию, а также публикацию статей по этнологической тематике в ведущих отечественных и зарубежных журналах, защиту кандидатских и докторских диссертаций по различным аспектам этнологической науки.

Первая важнейшая проблема - повышение качества теоретических дебатов и исходной этнографии в трудах отечественных этнографов, а также противодействие распространению антинаучных сочинений и взглядов в академической и в более широкой среде. С точки зрения теоретико-методологических подходов инициатива, к сожалению, принадлежит или тем, кто отважно отстаивает позиции полувековой давности, или случайным неопитам из числа естественников или технических специалистов, привлеченных современной остротой этнических проблем, но профессионально неподготовленных для их анализа.

Не менее остро стоит и проблема профессиональной ответственности этнологов и антропологов за состояние изучаемых больших и малых культур, за сохранение мира и согласия в многоэтнических сообществах. К числу положительных явлений можно отнести серию конференций, семинаров, «круглых столов», которые проводят Институт истории и этнологии, Институт востоковедения, различные вузы республики и т.д. Продолжается хорошая традиция проведения научных школ и тренинг-семинаров, в которых участвуют не только молодые ученые, но и активисты НПО, представители органов власти и управления.

Вторая важнейшая проблема - это проблема кадрового обеспечения этнологической науки, как молодыми сотрудниками, так и специалистами высшей квалификации. К сожалению, продолжается тенденция увеличения среднего возраста научных сотрудников (более 40 лет для кандидатов и 60 лет для докторов наук), фактически не очень значителен рост числа профессиональных этнологов, защитивших кандидатские и докторские диссертации, хотя отдельные успехи и достижения есть и в этом направлении.

Рост кадров и защита диссертаций слабо поощряются руководителями научных учреждений, вузов, подразделений, Специализированными и Учеными

Советами. Поскольку кафедры этнологии исторических факультетов ряда вузов пока не в силах решить проблему кадрового обеспечения отечественной этнологической науки и, в частности, Института истории и этнологии, необходимо открыть самостоятельное отделение этнологии (а в перспективе - и факультет) при одном из ведущих университетов Республики Казахстан, то есть государственное обучение студентов, аспирантов, докторантов в области этнологии.

В последние годы прошел ряд важных научных форумов и конференций, организованных Институтами системы МОН РК и различными вузами.

Кроме того, этнологи Казахстана активно участвуют в различных международных научных мероприятиях. Среди них - I - VI Конгрессы этнографов и антропологов России (1995 - 2005 гг.), конгресс Международного общества этнографии и фольклора в г. Будапеште, в которых приняли активное участие этнологи Казахстана, международные школы по проблемам этнологии, правам этнических меньшинств и другие научные мероприятия. Но нам необходимо преодолеть барьер, который сдерживает научные учреждения и вузы от организации конференций и симпозиумов, в частности, по проблемам зарубежной этнологии, этнологии Казахстана и Центральной Азии, межэтническим и межрелигиозным отношениям. Крайне желательно увеличение участия этнологов республики в таких важнейших научных форумах, как Всемирные конгрессы и Интернет - конгрессы антропологов и этнологов, конгрессы Европейской ассоциации социальных антропологов, Ассоциации по изучению национальностей.

Было бы желательно активизировать научные контакты и конкретные формы сотрудничества с научными учреждениями и вузами России (Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Омска), столиц российских республик (Уфа, Казань и т.д.), столиц государств Центральной Азии (Ташкент, Бишкек и т.д.), а также с научными учреждениями и крупными вузовскими центрами государств ближнего и дальнего зарубежья. Очевидна полезность и потребность контактов с коллегами в других странах СНГ, тем более, что многие из них высказывают пожелания наладить сотрудничество с этнологами Казахстана. Нужно найти новые и эффективные формы научной кооперации. Этнологи республики должны постоянно выступать инициаторами такого междисциплинарного и международного сотрудничества.

Поскольку возрастает доля научных исследований, выполняемых по государственным и общеакадемическим программам, план научных исследований и индивидуальные инициативы в области этнологической науки следует строить в связи с этими потребностями и более общими направлениями, при этом, не забывая о специфике и уникальности нашей отрасли знания и собственно этнографического метода.

В последние годы этнологами успешно разрабатывается разнообразная проблематика смежных дисциплин, таких как этносоциология, этнополитология, этнодемография, этнопсихология, ведется работа над

созданием детальных этнографических карт различных регионов (топонимическая карта Карагандинской области и т.д.).

Этнологи республики осуществляют активную экспедиционную деятельность, ведут прикладные и экспертные работы, содействуют совершенствованию гуманитарного образования в высшей и средней школе, принимают участие в международных и республиканских научных форумах.

Этнологи продолжают работу в области историографии этнологической науки, разрабатывают общетеоретические проблемы этнологии и смежных с ней дисциплин. Развивается сотрудничество с Академиями наук стран СНГ, научно-исследовательскими институтами и вузами республики.

Осуществляющееся на основе качественно обновленной источниковой базы и теоретико-методологических принципов издания носят энциклопедический характер, богато иллюстрируются, могут быть использованы в системах высшего и среднего образования, а также для индивидуального самообразования самого широкого круга читателей²⁶. Ученые-этологи исследуют проблемы этногенеза, расселения народов, материальной и духовной культуры, современных общественных и политических движений.

Ряд новых концептуальных положений и теоретических новаций о природе феномена этничности, основах устройства многоэтнических государств, национально-государственного устройства Республики Казахстан, стратегии и механизмах национальной политики выдвинут в современных книгах. Анализируется природа национализма, сепаратизма и экстремизма, принципы утверждения толерантности и культуры мира, пути предотвращения конфликтов и насилия, даются оригинальные оценки общественных трансформаций в Казахстане с точки зрения социально-культурной антропологии.

Этнологи делают попытку осмыслить этнические конфликты и этническое насилие как социокультурные феномены, анализируют его на опыте народов Центральной Азии, России, Кавказа, выявляют традиционные для них стереотипы насильственного поведения и воспроизводство этих поведенческих моделей в современной жизни.

Важное направление современных этнологических исследований-культура питания. Необходимость изучения традиционной пищи, ее влияния на здоровье и продолжительность жизни очевидна. С этой целью анализируются процессы взаимодействия и сближения культур разных народов на материале их систем питания, затрагиваются вопросы о роли питания в связи с проблемами этнического самосознания.

Активно изучаются общетеоретические проблемы нормативной культуры народов Казахстана.

Этнологи Казахстана принимают активное участие в многочисленных научных мероприятиях, проводимых в республике и за рубежом; осуществляют совместные полевые исследования; проводят встречи-консультации; читают

лекции; публикуются в зарубежных изданиях; руководят иностранными стажерами; обмениваются научной информацией с зарубежными коллегами.

Этнологи Казахстана осуществляют активную педагогическую деятельность и оказывают содействие совершенствованию образовательного процесса в вузах. Они читают лекции, проводят семинары; участвуют в составлении учебных программ, написании учебников и методических пособий, руководят дипломными работами студентов и аспирантов, участвуют в совместных научно-исследовательских проектах с преподавательским составом.

С провозглашением независимости в республиках проводятся политические и экономические преобразования. Однако без подъема национального самосознания и духовной культуры народа нельзя достичь положительных результатов в осуществлении этих преобразований. Национальное самосознание является субъективным фактором в консолидации нации, сплочения людей на решение задач укрепления независимости государства.

Как показывает исторический опыт, только нация, осознающая свою духовную общность, может создать условия для своего этнокультурного развития.

Духовному обогащению наций способствовало укрепление исторических, культурных и экономических связей с народами Центральной Азии. С провозглашением независимости в Республике Казахстан проводятся политические и экономические преобразования. Однако без подъема национального самосознания и духовной культуры народа нельзя достичь желаемых результатов в осуществлении этих преобразований.

Национальное самосознание является субъективным фактором в консолидации нации, сплочения людей на решение задач укрепления независимости государства.

Как показывает исторический опыт, только нация, осознающая свою духовную общность, может создать условия для своего дальнейшего политического, экономического и культурного развития.

Независимое развитие включает в себя рациональное использование опыта других стран, с учетом специфических особенностей государства.

Субъективную основу независимости народа составляет национальное самосознание, своеобразно соединяющее в себе многие человеческие ценности. Национальное самосознание – это осознание народом сущности, актуальных задач развития всех сторон духовной жизни нации. Национальное самосознание – это установленные народом ценности, ставшие идейной основой его деятельности. Национальное самосознание консолидирует нацию, способствует пониманию сущности общенациональных задач, мобилизует людей на их решение.

Одной из главных сфер проявления национального самосознания является быт, который аккумулирует в себе исторические, психологические и нравственные ценности. Быт формируется в течение тысячелетий и передает из

поколения в поколение культуру народа, является предпосылкой его материальной и духовной жизни. Быт – на наш взгляд, атрибут этнической жизни, так как каждый народ в течение многих веков укрепляет свою этническую общность на основе единых, исходных социально-нравственных ценностей.

За годы независимости этнологами Казахстана защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций по всем направлениям этнологической науки. Так, в 1992 г. Ахмет Токтабаев защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Коневодство казахов в XIX – начале XX вв. (историко-этнографическое исследование)» под руководством известного казахского этнографа, профессора Х.А. Аргынбаева. В диссертации исследована история развития традиционного казахского коневодческого хозяйства, подробно охарактеризованы продукты коневодства (кумыс, блюда из конского мяса, изделия из кожи, копыт, костей, конского волоса и т.д.), рассмотрены поверья, обычаи, обряды, приметы, представления казахов, связанные с лошадьми и коневодством. К интересным в этнографическом отношении наблюдениям автора следует отнести то, что он обратил внимание на то, что «любимые масти были не только у одного отдельно взятого человека, но и целого рода и племени. Адаевские «кокмойыны» (синешеи), аргынские «акбоз» (белые лошади), найманские «шубар» (чубарые) и др., которые требуют своего исследования» [279].

Интересно также, что бунчуки десяти племен, составивших основу казахского этноса, были десяти разных цветов: Торы (гнедой), Курен (бурый), Кула (саврасый), Кери (мухортый), Шабдар (сиреневый), Акбоз (белый), Шубар (чубарый), Макпал кара (вороной), Жирен (рыжий), Бурыл (чалый).[280]

Диссертация А. Токтабаева посвящена одной из фундаментальных отраслей традиционного хозяйства казахов – коневодству. Автор отмечает: «Коневодство и кумысоделие – традиционно ведущие отрасли народного хозяйства Казахстана, имеющие глубокие исторические корни: коневодство в сельском хозяйстве, а кумысоделие – в пищевой промышленности. Казахстан и сейчас занимает среди государств СНГ ведущее положение по поголовью лошади (1,5 млн., 22 %), по производству кумыса (85 %). Почти 60 % хозяйств республики используют формы и основы коневодства, выработанные тысячелетия назад, что показывает их жизнеспособность и эффективность. В переходное время, когда государство испытывает трудности в обеспечении энергоресурсами и происходит ориентация к различным новым формам хозяйствования, возрождение и развитие коневодства приобретает новое значение. Коневодство является источником дешевого мяса и целебного напитка кумыса».[281]

А. Токтабаев в своей работе приводит также региональную хозяйственную специализацию различных районов Казахстана: «Типология скотоводства является одной из дискуссионных проблем науки. Понятия кочевые, полукочевые и оседлое в современной характеристике ХКТ имеют

региональные особенности и варианты. В типологии скотоводческого хозяйства казахов решающую роль играет физико-географическое районирование. Западный Казахстан, Арало-Каспийский регион, включая п-ов Мангыстау, пустынная и полупустынная зона больше пригодны для овцеводства и верблюдоводства. Северный, Центральный и Восточный регионы Казахстана – с обильным травостоем и водными источниками благоприятны для табунного коневодства и овцеводства. Южный Казахстана и Семиречье – традиционный регион овцеводства и верблюдоводства. Эти региональные особенности скотоводства наиболее точно отражены в поговорке: «В Жетысу не назови себя чабаном; В Сарыарке – коневодом, в Ушкыяне (Едил, Жайык, Мангыстау) – верблюдоводом», который констатирует традиционные для казахских жузов, соответствующих физико-географическому районированию территории Казахстана, направления скотоводства».[282]

То есть, в данной диссертации были рассмотрены все основные элементы, связанные с такой фундаментальной отраслью казахского национального хозяйства как коневодство.

В 1992 г. А.Толеубаев защитил докторскую диссертацию на тему «Реликты доисламских верований казахов». Автор отмечает, в частности, что «в доисламский период в верованиях казахов важную роль играло верховное абстрагированное космическое божество Тенгри. В таком качестве это божество было распространено у всех евразийских кочевников. В мировом культуроведении вера в это божество отражена в термине “тенгризм”, “тенгрианство”».[283]

Очень любопытно замечание А. Толеубаева, касающееся различных видов животных, традиционно разводившихся казахами: «Лошадь происходит от ветра, верблюды – из солончака, корова – из воды, баран – из рая, коза – из камня».[284]

То есть, среди реликтов доисламских верований, отмеченных А. Толеубаевым, можно выделить такие как – элементы анимизма, фетишизма, культа природы и т.д.

В 1996 г. Е.А. Абилев (Абиль) защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Применение принципов системного подхода в изучении этнических процессов на территории Казахстана в древности и средневековье». [285]

В ней он привел достаточно много интересных в теоретическом и методологическом отношении положений. Не только в своей диссертации, но и в ряде своих публикаций Е.А. Абилев развивает концепцию системного подхода. Однако с точки зрения вопросов, рассматриваемых в данном параграфе представляют научный интерес такие положения диссертанта, которые он выразил в своем автореферате: «этнос, как система, многомерен. Это означает, что в этносе одновременно сосуществует несколько иерархических структур. Их можно выделить по различным критериям. Этнос разделяется на субэтнические единицы как социоэтнические (сословия, касты), так и культурно-этнические (конфессиональные группы). Субэтносы могут

иметь форму хозяйственно-культурных групп и кланово-родовых объединений. Кроме того, подсистемы этноса можно разделить и по выполняемым функциям. Материальная культура в этом случае представляет собой подсистему, выполняющую функции адаптации к окружающей среде, а духовная культура, в том числе язык – функции обмена информацией как вертикально (между поколениями), так и горизонтально (между современниками)». [286]

Необходимо отметить, что точка зрения Е. Абиля отличается своей оригинальностью, хотя и не всегда научно обоснована, поскольку те или иные аспекты жизнедеятельности казахского этноса автором упущены. В частности, не отмечен комплексный характер материальной культуры казахов, а это очень важный аспект. Рассмотрение казахов как сугубо кочевого этноса не позволяет объективно оценить его вклад в развитие мировой цивилизации.

В 1997 г. защитили докторские диссертации С.И. Аджигалиев (Аджигали) на тему «Генезис мемориально-культурной архитектуры кочевников Арало-Каспия II тыс. н.э.» [287], Ж.О. Артыкбаев «Этносоциальная структура казахского общества в XVIII в.» [288], У. Кыдыралин «Казахи Мангыстау до октябрьского переворота». [289]

В 1997 г. был выпущен сборник материалов к Летнему университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана, среди статей которого хотелось бы выделить такие интересные в историко-этнографическом отношении как: Масанов Н.Э. Особенности функционирования традиционного кочевого хозяйства казахов; Масанов Н.Э. Социально-экономические отношения в казахском кочевом обществе; Аргынбаев Х. Традиции народной бытовой и обрядовой культуры; Агелеуов Г.Е. Йол-Тенгри – божество древнетюркского пантеона (реконструкция). Х. Аргынбаев в своей статье отмечает такие традиции как: 1.) древний культ огня, 2.) культ неба (кок тенгри), 3.) вера в колдовство (жадылау), 4.) Наурыз и т.д.. [290]

В 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию А.Т. Абдулина на тему «Современные этнокультурные процессы в среде сельского населения Жетысу». По мысли автора: «Одним из важных аспектов изучения этнокультурных процессов является проблема соотношения нового и традиционного в культуре этносов». [291]

Необходимо отметить, что при изучении современности действительно чрезвычайно важно отметить насколько традиции и инновации связаны между собой, влияют друг на друга.

В 1999 г. Б.У. Тотенай защитил докторскую диссертацию на тему «Казахские национальные игры (историко-этнографическое исследование)», где отмечено следующее: «Становление национальных видов спорта и игр своими корнями уходит в глубокую древность. Своеобразие условий жизни и быта древних предков казахов – тюркоязычных племен и народностей, главной отраслью хозяйства которых являлось скотоводство, объективно обусловили развитие подвижных и спортивных игр». [292]

Это абсолютно верный вывод автора, поскольку только физически развитые люди способны выдерживать сложности кочевого образа жизни и скотоводческого типа хозяйства.

В 1999 г. кандидатскую диссертацию защитил Р.А. Бекназаров по теме «Традиционное камнерезное искусство казахов». В данной диссертации рассмотрены такие вопросы как исторические предпосылки развития казахского камнерезного искусства, рассмотрение изделий и предметов хозяйственно-бытового назначения камнерезного дела у казахов, изучение камнерезного искусства в погребально-культовой архитектуре и монументальной глиптике малых форм Западного Казахстана, определение места резьбы по камню в общей системе казахского традиционного искусства и ремесла. Диссертант сделал следующие выводы: «В развитии самобытного казахского камнерезного искусства сыграли роль глубокие традиции камнеобработки на территории Казахстана, начиная с древности, специализация на основных видах сырья, региональный синтез культур средневековья, инновации в традиционной системе ремесла и промыслов казахов в новое время, а также сами условия сложения народной культуры и искусства казахов вообще».[293]

Т.о., Р.А. Бекназаров рассматривает камнерезное искусство как важный источник этнографических сведений.

В 2000 г. по теме «Современная семья казахов Северного Казахстана (этносоциологическое исследование)» защитила кандидатскую диссертацию А.К. Галимова. В диссертации отмечено: «Внимание этнографов и этносоциологов к проблемам современной семьи определяется тем, что в структуре семьи, семейно-бытовой сфере в наибольшей степени сохраняется и отражается этническая специфика».[294]

В диссертации рассмотрены такие аспекты проблемы как этнодемографическая характеристика региона, анализ брачности, тип и структура семьи, семейная обрядность.

В своей кандидатской диссертации защищенной в 2001 г., Ж.Т. Ернараров остановился на таких вопросах как семиотическая интерпретация традиционной свадебной обрядности, семантика родильной обрядности казахов, этнознаковые функции похоронно-поминальной обрядности казахов. Диссертант отметил, что «ритуально значимые ситуации в обрядах жизненного цикла подвергаются символическому обыгрыванию посредством апелляции к аксиологически важным категориям. При этом механизм выражения ценностных категорий и механизм воздействия на сакральные силы едины на всем протяжении семейных обрядов».[295]

Т.о., в диссертации Ж.Т. Ернарарова не только приводится эмпирический материал, но и дается его глубокая теоретико-методологическая проработка.

В 2001 г. кандидатскую диссертацию на тему «Функциональное значение принципа родства и родовой структуры в этносистеме кочевой цивилизации казахов (по материалам XVIII-XIX вв.)» защитил М.С. Жакин. По мнению

диссертанта: «"Ру" должен рассматриваться как общественный институт, в соответствии с универсальными принципами самоорганизации этносистемы кочевой цивилизации. Этим универсальным принципом является родство. Но не следует его сводить к кровнородственным биологическим связям. На него опираются для легитимации (объяснения и оправдания необходимости существующих связей) и седиментации (оседания таких понятий в сознании в качестве прочных истин), и, через придание ему универсального символического значения, отрицается то, что оно является чисто биологическим фактом». [296]

Большое значение имеют выводы М.С. Жакина о том, что принцип родства и родовой структуры опирается не только на непосредственное кровное родство, но и на родство символическое, связанное с системой традиционной культуры.

В 2001 г. кандидатскую диссертацию защитила С.П. Кульсариева на тему «Этнография детства и социализация подростков у казахов в 1950-1980-е гг. (на материалах Кызылординской и Алматинской областей)». Диссертация посвящена анализу таких проблем как этнография младенчества казахских детей, социализация детей и формирование менталитета, соционормативная культура казахского этноса. Диссертант сделала следующие выводы: «Приведенные данные по социализации, т.е. становлению ребенка представителем своего, в данном случае казахского, этноса, свидетельствуют о том, что 1950-1980-е гг. в истории казахов являются периодом, во время которого произошла наиболее интенсивная трансформация процесса социального воспроизводства у казахов». [297]

Т.о., в диссертации отмечается, что процесс социального воспроизводства подвержен историческим трансформациям, и одним из таких важных периодов явился период 1950-1980-х гг.

В 2002 г. С.Х. Шалгинбаева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Семейные традиции и социокультурный облик казахов городов Алматы и Тараза (этносоциологическое исследование)». Как отмечает диссертант: «не теряет актуальности в современных условиях решение проблемы соотношения традиций и инноваций в материальной и духовной областях человеческой деятельности, их взаимообусловленности и функционирования на различных субуровнях, таких как семейно-бытовой, профессиональный и другие, изучение действия такой значимой для этнографической науки категории, как традиция; интегральное рассмотрение традиции, в которое включены и обычаи, и обряды, и ритуалы; исследование форм обновления, трансформации и выработки новых, социально организованных моделей деятельности людей в условиях модернизации и как одно из ее следствий – урбанизации общества крайне значимы». [298]

Специфической особенностью данной диссертации является то, что в качестве эмпирического материала взято городское население, т.е. та часть

населения, которая по определению сохранила значительно меньше элементов традиционной культуры, чем сельское население.

В 2004 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Казахи Жетысу во второй половине XIX – начале XX вв. (историко-этнографическое исследование)» Н.К. Байгабатовой. По мысли автора: «Изучение данной этнотерриториальной группы ярко иллюстрирует природу родоплеменной организации, способы адаптации к среде обитания и позволит выявить особенности традиционных форм хозяйства, специфику культуры жизнеобеспечения и комплекса семейно-бытовой обрядности, т.е. особенности ее историко-культурного функционирования».[299]

В 2004 г. А.Т. Жанисов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль коневодства в хозяйственно-культурной жизни казахов Сарыарки в XVIII – 1-ой половине XIX вв.». Автор отмечает: «Определяющая роль коневодства в экономике казахского общества отразилась в социальной и духовной сферах бытия. Во всех жизненных циклах казаха-кочевника лошадь играла большую роль. Начиная от рождения человека, до сопровождения в последний путь, конь был его неотъемлемым спутником. Являясь главной экономической категорией в хозяйственной жизни кочевников *лошади были показателем богатства*. Наличие богатства (лошадей) подчеркивало особый социальный статус определенного человека. Т.о., *обладание многотысячными табунами лошадей являлось своеобразным фактором определения социального статуса в среде кочевников*. То есть богатство (лошади) формировало престиж, престиж же, в свою очередь, определял статус – поднимал авторитет отдельного человека и рода».[300]

Следует отметить, что приведенные А.Т. Жанисовым данным справедливы для региона Сарыарки. Но в то же время, в других регионах (например, в Южном Казахстане) ситуация была иной. А в условиях преобладания земледельческого типа хозяйства важную роль в социальном статусе играло количество земли. Необходимо отметить, что тема диссертационного исследования А.Т. Жанисова близка к диссертационному исследованию А. Токтабаева, однако отличается, во-первых, четкой географической локализацией (Сарыарка), в то время как А. Токтабаев исследовал весь Казахстан. Во-вторых, историческим периодом исследования: у А.Т. Жанисова - это XVIII – 1-ая половина XIX вв., у А. Токтабаева - XIX – начало XX вв.

В 2005 г. была защищена докторская диссертация Ш.Ж. Тохтабаевой на тему: «Художественный металл казахов XVIII-XX вв. (историко-этнографическое исследование)». Как отмечает автор: «Произведения металлопластики, обладающие рядом признаков (конструкция, орнамент, колорит), аккумулируют в себе синтез искусств: малую скульптуру, графику, живопись. В силу отмеченных качеств, а также благодаря функциональной многоаспектности (практическое, эстетическое назначение, знаковая роль) металлические предметы обладают высокой степенью информативности

историко-культурного значения, что выдвигает этот вид искусства в разряд репрезентативных исторических источников».[301]

Мы абсолютно согласны с мнением Ш.Ж. Тохтабаевой о том, что изделия из металла являются важным и содержательным источником этнографической информации.

В 2006 г. докторскую диссертацию защитила Р.М. Мустафина по теме «Бытовой ислам у казахов (XIX–XX вв.) (историко-этнографическое исследование)». В диссертации рассмотрены такие вопросы как распространение ислама, на территории Казахстана, религиозные обряды, совершавшиеся казахами в семейном быту в XIX в., мусульманское духовенство и религиозные организации в XIX в., ислам в Казахстане в советский и постсоветский период, суфизм в Казахстане, реликты доисламских представлений у казахов. «Материалы и выводы, содержащиеся в диссертации, позволяют выявить конкретные формы и роль религиозной идеологии в наши дни. Это важно в связи с процессом укрепления позиций ислама в Казахстане, опирающимся на изменения во взглядах на социальную роль религии в нашем обществе».[302]

В настоящее время Отдел этнологии работает над рядом новых интересных тем. Завершена тема «Искусство кочевников как историко-культурный феномен (этнологическое исследование традиционного казахского искусства)» под руководством д.и.н. С.И. Ажигали. В результате проведения исследования выявлен, собран, систематизирован эмпирический материал по теме на основе полевых изысканий, изучения музейных коллекций и архивно-библиографических источников, проведены комплексные экспедиции в Западном, Центральном, Восточном Казахстане и Монголии. [303]

3. Достижения и проблемы этнологии Независимого Казахстана

3.1. Основные итоги этнических исследований казахского этноса

Провозглашение независимости Республики Казахстан - это историческая необходимость, важный фактор ускорения общечеловеческого прогресса. Независимость - главное условие духовного возрождения нации, подъема национального самосознания. Обращаясь к истории необходимо исходить из того, что это память народа, у которого не может быть будущего без прошлого. Народ, сохранивший свои национальные традиции и обычаи достоин глубокого уважения, память об историческом прошлом поддерживает его в самые трудные периоды, вызывает гордость, рост национального самосознания, стремление к приобретению свободы и независимости.

Национальному возрождению способствует и рациональное использование опыта исторических, культурных, экономических связей между народами Центральной Азии. Главная задача сегодняшнего дня – возрождение ущемленного в период колониального режима, советской тоталитарной системы национального достоинства, рационального использования исторических духовных ценностей народов, превращение их в идейную основу развития национального самосознания, углубления процессов национальной консолидации в условиях независимого развития.

Достижение независимости является осуществлением вековых чаяний народов Центральной Азии. Независимость – новый этап возрождения наций, восстановление их культур, традиций и обычаев, величайших ценностей национальной морали и психологии.

Несмотря на колониальный гнет и жесткую политику советской тоталитарной системы, народы Центральной Азии всегда стремились к достижению своей независимости.

Только независимость дает широкие возможности для нового этапа развития национальной культуры. Ведь забвение национальной культуры равносильно исчезновению нации.

Процессы активной суверенизации и становления независимого Казахстана сопровождаются значительным подъемом общественного интереса к богатому историческому наследию казахского народа. В современную переломную эпоху истории общество целенаправленно стремится заново осмыслить главные вехи пройденного длительного исторического пути, познать самого себя и определить свое, принципиально новое место в современной социальной действительности. Период после обретения Республикой Казахстан государственной независимости явился периодом очень бурного развития всех отраслей научного знания, в том числе - проблем этнологии, этногенеза, этнической истории и культурного наследия казахского народа. Сама древность происхождения казахского этноса, его нелегкие исторические судьбы, очень специфическая, оригинальная национальная культура – все это предмет

заинтересованного рассмотрения со стороны исследователей вот уже на протяжении многих веков.

Процесс исторического самопознания казахского народа в реальной практике социального и культурного бытия может и должен развиваться в форме заинтересованного диалога с представителями давно ушедших эпох и культур посредством экстенсивного и интенсивного освоения аутентичных первоисточников. Однако данный процесс может иметь и противоположный характер, когда псевдонаучные исторические концепции и труды основываются не на системе достоверно установленных фактов, а на умозрительных постулатах. Отсюда необходимость расширения фундамента научных исследований по этнографии, истории, культуре Казахстана приобретает особую актуальность для гуманитарной общественности республики, так как значительная часть необходимых письменных памятников прошлых эпох была создана соседями казахского этноса за пределами Казахстана и сегодня являются относительно труднодостижимыми для отечественных историков.

Независимость Казахстана – это историческое достижение, благодаря которому стали развиваться многие стороны общественной жизни, в том числе – наука. В особенности это касается сферы гуманитарных наук, изучающих различные аспекты духовной жизни общества, его историю, культуру, самосознание. В этом ряду большое место принадлежит этнологии во всех ее аспектах – изучении этногенеза и этнической истории, материальной и духовной культуры казахского народа. Так, уже в 1991 г. вышел целый ряд интересных монографических исследований, посвященных тем или иным аспектам этнографии казахского народа: М.К. Козыбаева [304], М.С. Муканова [305] А.Т. Толеубаева [306], У. Джаныбекова [307].

М.С. Муканов делает очередную (и достаточно удачную с научной точки зрения) попытку разрешения сложных аспектов этногенеза казахского народа в связи с тем, что именно в данный период (XVIII-XX вв.) происходит территориальная консолидация ранее разобщенных групп казахского этноса[308].

По мнению М.С. Муканова, этническая территория казахов именно в указанный период приобрела свои современные очертания. У. Джаныбеков в своей монографии прослеживает эволюцию и преемственность культурно-исторических и этнических процессов на территории Казахстана, характеризует общественный строй, быт, обряды и обычаи казахского этноса.[309]

Он в своей монографии отразил достаточно широкий спектр различных аспектов казахской этнографии. А.Т. Толеубаев в своей монографии на основе многочисленных и интересных письменных источников и полевых этнографических материалов исследует старинные верования, ритуалы, культовые традиции казахского народа.[310]

Автор выделяет такие группы обрядов и ритуалов как обряды досвадебного периода, свадебные ритуалы, верования и обряды, связанные с рождением ребенка, похоронно-поминальный комплекс обрядности. Интерес

представляет выделенный А. Толеубаевым отдельно комплекс верований и обрядов, связанных с традиционным жилищем казахов – юртой. Как отмечает автор: «Семья и юрта – тесно взаимосвязанные, взаимообусловленные категории: большинство семейных религиозно-мифологических обрядовых действий совершалось в юрте и с участием ее отдельных ритуально важных частей».[311]

А. Кузембайулы в книге «История дореволюционного Казахстана», в которой излагает свою версию этногенеза казахов. Он полагает, что казахи как этнос ведут свое начало с домонгольских времен. Согласно его точке зрения, кыпчакскую этническую общность IX-XII веков уже можно считать протоказахским этносом, который в ходе своей этнической истории сначала сменил этноним «кыпчак» на «ногай» («ногайлы»), а затем на «казак».[312] Иную точку зрения излагают авторы книги «История Казахстана с древнейших времен до наших дней». В специальной главе, посвященной этногенезу казахского народа О. Исмагулов и К.А. Пищулина пишут о том, что этногенез казахов завершился не ранее XV века [313], Этногенез не является одномоментным актом, а продолжается на протяжении веков. И если IX-XII вв. являются началом этногенеза казахов («протоказахов»), то XV в. знаменовал собой завершение формирования казахов как самостоятельной этнической общности, имеющей свои отличительные особенности.

В 1993 г. О. Исмагуловым, К.Б. Сихимбаевой, А.О. Исмагуловой опубликована статья «Антропологические аспекты происхождения казахского народа». В этой статье имеются данные, позволяющие отметить, что в основе казахского этноса лежит кыпчакская основа. Антропологические данные позволяют подтвердить то, что в постмонгольское время значительных миграций из кыпчакских степей не было [314].

В 1993 г. Ж. Мырзаканулы опубликовал статью «Қазақ шежересінің жазба тарихі деректерімен байланысы жөнінде», которая посвящена анализу соотношения казахской генеалогии с данными письменных источников. Автор полагает, что казахи как этнос сложились в результате объединения усуней, гуннов и аланов, которые стали ядром трех казахских жузов: усунь (уйсун) – Старшего жуза, гунны (аргыны) – Среднего жуза, аланы (алшыны) – Младшего жуза [315].

В 1993-1994 гг. М.К. Козыбаев посвятил ряд статей вопросам этногенеза казахов. [316] В частности, он полагает, что казахи как этнос стали известны под именем кыпчаков и изначально являлись этногенетическим ядром всех тюркских племен [317]. Он также подчеркивает этническую преемственность тюрков, кыпчаков, казахов.

В 1994 г. Вышел коллективный труд «Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики». Авторы подчеркивают, что в условиях социального транзита «объединение национальных групп, более жесткая дифференциация общества по национальному признаку в переходном обществе привела к тому, что в многонациональном государстве проявляются

тенденции оживления национальных организаций, замыкающихся в узких этнических границах и ведущих борьбу за улучшение их статусных и ролевых позиций» [318].

В 1995 г. вышел целый ряд интересных научных работ по тем или иным аспектам этнографии казахов: Артыкбаева Ж.О. [319], Ахинжанова С.М. [320], Кыдыралина У. [321], Мадуанова С. [322], Масанова Н.Э. [323], Муканова М.С., Аргынбаева Х. и Козыбаева М.К. [324], Тохтабаевой Ш.Ж. [325], Шалекенова М.У. [326].

Ахинжанов С.М. отмечает, что в результате крупных миграций тюркских племен в 30-ых гг. XI в. произошли коренные изменения на этнической карте евразийских степей. Волна перемещений кочевников докатилась до границ Византии. Эти перемещения имели своими последствиями следующее: было ликвидировано государство сырдарьинских ябгу; началось движение сельджуков в Малую Азию; степи современного Казахстана получило наименование Дашти-Кипчак [327].

В монографии М.У. Шалекенова «Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII-XIX вв.» обосновывается комплексный характер хозяйства казахов юга: «Земледелие в южной части Центральной Азии с древнейших времен концентрировалось в оазисах, расположенных в предгорьях и долинах рек, где на основе искусственного орошения возделывались разнообразные земледельческие культуры.... В низовьях Сырдарьи земли орошали тремя способами: озерным, арычным, чигирным. Во время половодья Сырдарья заливала прибрежные низины, земледельцы задерживали воду, устраивая проходы и запруды; на следующее лето высохшие берега озер засевали и так в течение нескольких лет, пока образовавшиеся от разлива реки и озера не высыхали. Это вид земледелия у казахов называется каирным» [328].

То есть, из данного исследования вытекают выводы о том, что хозяйство казахов (в частности – казахов юга) носило в значительной степени комплексный характер, включая наряду с традиционным скотоводством также различные виды орошаемого земледелия.

Г.М. Мендикулова в статье «Казахская ирредента в России (история и современность)» отметила важное с методологической точки зрения различие понятий этническая диаспора и этническая ирредента: «В современной политической науке под термином ирредента, или невоссоединенные нации подразумеваются этнические меньшинства, населяющие территорию, смежную с государством, где доминируют их соплеменники. За пределами своей страны невоссоединенные нации (в отличие от диаспор, которые создаются путем миграции этнических групп в другие страны, не являющиеся их исторической родиной) оказались вследствие завоеваний (покорений), аннексии, спорных границ или комплекса колониальных моделей» [329].

В этом смысле казахи, исторически проживающие в России на смежных с Казахстаном территориях (на Алтае, в Астраханской, Омской, Оренбургской

областях) являются иррендентой, а, например, в Москве или Санкт-Петербурге – уже диаспорой.

Н.Э. Масанов в статье «Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество», в которой затронул те вопросы и проблемы, которые ранее практически не затрагивались другими этнологами. Ученый отмечает факторы, способствовавшие формированию и сохранению роли кланового фактора в казахском обществе: «Клановая организация общества порождена у казахов особенностями передачи информации и собственности в кочевой среде. Адаптация кочевников к экстремальным условиям среды обитания в аридной зоне чрезвычайно сложна и требует высочайшей профессиональной квалификации скотовода. По существу, само выживание кочевника было возможно лишь при овладении им специальными знаниями, накопленными и переданными поколениями предков» [330].

Важным аспектом проблемы сохранения клановых ориентаций, с точки зрения Н.Э. Масанова, является достаточно массовая маргинализация современного казахского общества: «клановый фактор имеет первостепенное значение прежде всего для сельских жителей и маргинальной части населения, приехавшей в города из аула. Именно эти люди мыслят по преимуществу категориями группы, клана, этноса. Они реализуют себя в качестве личности только лишь в группе, посредством группы и никак иначе. Маргинальность представляет собой специфическое состояние индивида, вырванного из естественной среды его инкультурации. Маргинал находится на стадии утраты социокультурных признаков и стереотипов, социализировавших его как личность, но не может их утратить. Он осваивает новые, чуждые ему стереотипы городской жизни, но не может их освоить... Клановая лояльность является одним из наиболее ярких примеров маргинальности» [331].

В данной статье Н.Э. Масанов довольно резко отразил многие действительно существующие проблемы этносоциальной жизни современного казахского общества.

В 1997 г. Г.М. Мендикулова опубликовала обобщающую монографию «Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие», в котором проанализированы вопросы исторического процесса возникновения и формирования, а также современное состояние казахской диаспоры. Автор рассмотрела в своей монографии теоретико-практическое определение самого феномена казахской диаспоры, исторические события XX века, повлиявшие на развитие казахской диаспоры, расширение ареалов проживания казахов в мире, процессы трудовой миграции казахов, попытки сохранения казахской диаспорой своей этнической идентичности, процесс возвращения части диаспоры на историческую родину. Это первая в казахстанской историографии попытка комплексного исследования проблемы части казахского народа, проживающей за пределами территории суверенного Казахстана. В работе Г.М. Мендикуловой значительное место уделено вопросам этнографии диаспоры,

таким ее составляющим как сохранение элементов материальной и духовной культуры казахского этноса, языка, религиозных верований [332].

В 1998 г. в Москве был издан сборник материалов международной конференции «Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии», прошедшей в 1997 г. в Алматы. Наука Казахстана была представлена такими учеными как: *Масанов Н.Э.* Взаимодействие миграционных систем Казахстана, России, Китая и Средней Азии; *Алексеев А.Н.* Этнодемографические процессы и эмиграция из суверенного Казахстана: причины и перспективы; *Нурмагамбетов А.М.* Правовое регулирование миграционных процессов в Республике Казахстан; *Савин И.С., Алексеев А.Н.* Проблемы эмиграции в Южном Казахстане; *Садовская Е.Ю.* Некоторые политические аспекты эмиграции русскоязычного населения из Казахстана; *Тараков Л.Ю.* Национальные меньшинства Казахстана: состояние и перспективы.

Н.Э. Масанов, характеризуя направление развития этнодемографических процессов в Казахстане отметил, что «суверенный Казахстан, всегда являвшийся малонаселенной периферией, куда «сбрасывалось» излишнее население из кризисных в демографическом отношении точек России, впервые в своей истории стал весьма своеобразным «резервуаром», исторгающим достаточно немалый слой эмигрантов. Эта временная парадигма... неизбежно сменится ситуацией, когда... Казахстан снова станет реципиентом, вынужденным принимать массовых мигрантов, но уже не с севера – из России, а с юга и востока – со Среднего Востока, Средней Азии и Китая» [333].

В данной статье автор дает свои собственные прогнозы по поводу развития этносоциальной ситуации в Казахстане. В принципе, некоторые моменты охарактеризованы верно, однако миграции в Казахстан извне не имеют той массовости, которую предсказывал автор в 1997 г.

Некоторые исследователи полагают, что фактор внутриэтнической, межжуровой конкуренции и конфронтации в этнической жизни Казахстана менее важен, чем фактор конфронтации межэтнической. Как отмечает Е.Ю. Садовская: «Существуют трения между тремя жузами..., однако в настоящее время они не так остры, так как основное напряжение нарастает между казахским и русским населением» [334].

Это авторская позиция, хотя на наш взгляд, как межжуровые, так и межэтнические отношения в республике носят вполне стабильный характер.

В 1998 г. М.М. Аренов и С.К. Калмыков опубликовали статью «Этносоциальная действительность Казахстана», в которой рассмотрели такие вопросы как социальные аспекты национальных отношений, характер взаимодействия между этносами, уровень потенциальной межэтнической конфликтности, этническая самоидентификация и т.д. Авторы отмечают, что «уровень и характер этнического самосознания зависит, прежде всего, от национальной самоидентификации, то есть отождествления, причисления себя к конкретной этнической общности. Этот сложный процесс осуществляется

через целый комплекс признаков... Основные признаки, по которым казахи формируют представление о национальной принадлежности, сводятся к языку, культуре, традициям и обычаям. Это именно та совокупность этнических черт, которая подвергалась и подвергается сейчас, несмотря на государственную самостоятельность, наибольшей ассимиляции и размыванию, что, естественно, не может не волновать казахов» [335].

Коллективная монография О.Исмагулова, М.Кожаева и А.О. Исмагуловой «Абылай хан. Тарихи-антропологиялық зерттеу» посвящена жизни и деятельности выдающегося политического деятеля казахского ханства XVIII в. Абылай хана, внесшего значительный вклад в укрепление казахской государственности. Авторы данной работы, исследовав костные останки Абылай хана, сделали однозначный вывод, что он захоронен внутри мавзолея Х.А. Ясауи. «Наряду с анатомо-морфологическим изучением была осуществлена скульптурно-пластическая реконструкция лица по черепу, которая реально отражает физический облик Абылай хана со всеми присущими ему половозрастными, индивидуальными и типологическими особенностями, без влияния каких-либо художественных образов и эмоциональных нагрузок. Исключительно нейтральное и объективное восстановление его внешних черт, т.е. реконструкция, представляет собой реальный документальный портрет Абылай хана» [336].

В сборник научных трудов «История и культура Арало-Каспия» вошли труды ведущих специалистов Казахстана и России. Несомненный интерес с этнографической точки зрения представляют такие статьи как: Ажигали С.Е. Очерк этнической истории аридной зоны Арало-Каспия (в свете проблем этногенеза); Аргынбаев Х.А. О народной ветеринарии казахов; Мухамбетова А.И. Тенгрианский календарь как основа кочевой цивилизации (на казахском материале); Утегалиева С.И. Мангистауские домбровые кюи.

С.Е. Ажигали отмечает, что «в древней и средневековой этнической истории Западного Казахстана четко выделяются три основных этапа: массагето-дахо-сармато-аланский, огузо-кыпчакский и казахско-туркменский, тесно связанные между собой неизбежной традиционностью экономического уклада (кочевое скотоводство), этногенетическим родством и преемственностью культуры. Этногенетический процесс в Арало-Каспии шёл в русле интерференции древних («индоиранских») и новых (тюркских) хозяйственно-культурных традиций конных кочевников. При этом следует отметить выдающееся значение массагетского субстрата и связующую (передаточную) роль огузского этноса» [337]

Концепция С.Е. Ажигали отличается своей проработанностью, анализом значительного количества эмпирических материалов, обоснованностью и аргументированностью.

В 2001 г. Ж.О. Артыкбаев опубликовал интересное учебное пособие «Этнология и этнография» [338]. Книга состоит из 4-х разделов и приложения. В 1-м разделе освещается этнология и этнография народов мира, во 2-м –

этнография казахского народа, в 3-ем – методика этнографических исследований, в 4-ом – понятийный аппарат этнологии, в приложении даются выдержки из трудов классиков этнографии, таких как В.Г. Богораз, К. Леви-Стросс, М. Мид, Л. Морган, М. Мосс, В.В. Радлов, Э. Тэйлор, Э.Э. Эванс-Причард. Раскрывая этнографию казахского народа, Ж.О. Артыкбаев описывает родоплеменную структуру трех казахских жузов, рассматривает сущность специфических социальных (торе, ходжа, толенгуты, кул, кун) и субэтнических (сунак, калмак, курама, чала-казахи и т.д.) групп [339].

Далее подробно характеризуется традиционное хозяйство казахов (скотоводство, земледелие, охота, рыболовство, ремесла, промыслы), материальная культура (поселения, жилища, пища, одежда, украшения), духовная культура (музыка, праздники, игры, народные знания, медицина, религиозные верования, образование), семейно-брачные отношения (формы семьи и брака, семейные отношения, наследственное право, воспитание детей, похоронно-поминальные обряды).

В целом, книга Ж.О. Артыкбаева имеет познавательное значение и способствует популяризации об этнологии казахов.

В 2001 г. С. Ажигали опубликовал статью «Мемориальные камнерезные памятники кочевников Арало-Каспия как историко-этнографический источник» [340]. В этой статье автор отметил: «В западноказахском камнерезном искусстве отразились характерные черты синкретизма народного изобразительного творчества: многоплановая общественная детерминированность, глубокий традиционализм, коллективная форма выражения. Подъем данного вида искусства (как и в соседних регионах) падает на XIX в., когда были усовершенствованы основные технические операции - опиловка каменного блока, тёска, резьба (в особенности плоскорельефная). Оформились два основных стиля монументальной глиптики: традиционный, характерный для Мангыстау-Устюртского района, и изящный - для северной половины Арало-Каспия» [341].

Ажигали С.Е. обоснованно полагает, что эпиграфика позволяет решить многие вопросы этнологии казахов: «Изучение массового эпиграфического материала позволяет выявить особенности этносоциальной структуры Младшего жуза. Место умершего в ней определяется стереотипной трехуровневой конструкцией: "руы/ругы" - "тайфа/тайпа" - "аймак", "белім" (род-племя-коллено, отдел). Традиционное значение этих терминов существенно отличается от современного - так, "ру" носило в прошлом расширительный смысл: скорее "племя" ("соплеменность"?), "основной род" по С.Аманжолову (1959), нежели отдельный "род"; а слово "тайфа" (совр. Каз! "тайпа") обозначало отдельный "род", являвшийся частью "племени" — "ру". Элементарной этнической (этнотерриториальной) единицей являлся "аймак," - "коллено, отдел" (которое можно сопоставить с понятием т.н. "расширенной общины") и как синоним последнего, (но без территориального значения)» [342].

С.Е. Ажигали в своей статье остановился на очень интересном вопросе – о сущности и значении этнографических терминов, обозначающих те или иные социальные и этнические группы. Автор подчеркивает роль эпиграфики в выяснении значения терминов.

В 2002 г. издана фундаментальная монография С.Е. Ажигали «Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона)». В первой части монографии дается подробная характеристика памятников архитектуры (некрополи, кладбища, культовые комплексы), их генезис, типология, характер материалов, особенности обрядов и архитектурных композиций. Во второй части монографии автор дает собственную научную интерпретацию богатым эмпирическим материалам: анализирует семантику системы «кулпытас – койтас», рассматривает архитектурные памятники в качестве историко-этнографических источников, приводит новые данные о памятниках Арало-Каспийского региона. Значительное место в работе С.Е. Ажигали посвящено роли коня в системе духовной культуры и верований номадов средневековья. Автор подчеркивает: «В этнографии евразийских конных кочевников популярны посвящение коня высшим божествам, божествам-покровителям, обряды испрашивания различных благ посредством жертвы коня. Зачастую эта серия жертв, которую возглавляет конь. Почти неизменным условием проведения таких обрядов являлась руководящая роль шамана как жреца... У казахов жертвоприношение коня производилось с особо важной целью – для решения вопросов войны и мира, а также для испрашивания детей. В эпосе «Кобланды-батыр» старый Токтарбай, принеся в жертву Корасану-авлие коня и барана, приобрел взамен сына Кобланды... т.о., тюркский этнографический материал свидетельствует о генетической связи т.н. «культы предков» с концепцией посредничества между людьми и божествами. Контаминация явлений выразилась у кочевников позднего средневековья в чрезвычайном развитии погребально-культовой архитектуры, в особенности, у казахов, характерной чертой которой явилось культивирование столбообразных мемориальных форм (кулпытас, сэргэ) как столбов-посредников» [343].

В 2003 г. Институтом востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК проведена представительная международная конференция «Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы», материалы которой были опубликованы в 2004 [344].

В материалах данной конференции были опубликованы ряд интересных с этнографической точки зрения статей: Асанова Б.Е. Художественный войлок как один из индикаторов кочевой степной культуры; Кумекон Б.Е. Степная и городская культура кимеков; Марданов К. Современные казахи: память номадизма и печать урбанизации; Нурсан Алимбай. Евразийское кочевничество как общинный тип социальности (введение в проблематику); Тохтабаева Ш.Ж. Художественный металл казахов: синтез оседлой и кочевой культуры; Тюлепов Р. Юрта как феномен кочевой культуры и т.д. В целом, можно считать

устаревшим традиционный взгляд на культуру казахов как на исключительно степную, номадическую. Причем это касается не только сравнительно недавней истории, но и периода древности и средневековья. Так, Кумеков Б.Е. в своей работе отметил следующее: «Тесная взаимосвязь городской и степной культур в кимекском обществе привела к новации в сфере урбанизации, к появлению ремесленно-торговых городов..... В целом наметившийся симбиоз степной и городской культуры составил подвижную структуру, определившую сравнительно высокий динамизм кимекского общества» [345].

То есть, еще предки казахов имели определенный опыт симбиоза кочевой и оседлой культур, что позволило в дальнейшем развить комплексную систему хозяйствования.

Н.Алимбай отметил, что «представление об общине как об органическом единстве разнохарактерных типов и уровней социальных отношений у номадов, локализованных (но не локальных) социально-экономически, институционально, территориально, экологически, идеологически, в известном смысле даже социокультурно, является надежным критерием системной идентификации кочевой общины как самовоспроизводящегося и саморегулирующегося организма, т.е., в сущности, социума» [346].

Данная точка зрения Н. Алимбая подтверждается историко-этнографическим материалом. Община действительно может считаться специфическим видом социума.

В 2004 г. издана книга С.Е. Ажигали и Л.Р. Турганбаевой «Абат-Байтак – жемчужина Казахской степи». В ней в доступной и интересной форме рассказано об одном из выдающихся памятников средневековой казахской архитектуры. «Памятник насчитывает более 200 мемориальных архитектурных сооружений – преимущественно камнерезных стелл-кулпытасов – и является крупнейшим в северной части Арало-Каспийского региона. Имя комплексу дал мавзолей Абат-Байтак – выдающийся памятник средневекового зодчества, один из немногих сохранившихся в регионе мавзолеев из жжёного кирпича с коническим «шатровым» куполом... Памятник занимает промежуточное место между хорезмскими мавзолеями с шатровыми перекрытиями XII – начала XIII вв. (Иль-Арслана, Текеша) и портално-купольными шатровыми мавзолеями Кок-Кесене и Кесене, датированными специалистами XV-XVI вв. По архитектурно-стилевым признакам наш памятник следует, видимо, датировать концом XIV-XV вв. Предания приписывают мавзолей Абат-батыру, сыну известного философа-утописта XV в. Асана Кайгы. Абат трагически погиб здесь, в урочище Бескопа... Мавзолей был построен в кратчайшие сроки всем населением окружающей степи. Отсюда вторая часть названия – «байтак»: широкий, необозримый; здесь – всенародный».[347]

Сам факт находки и второго рождения данного выдающегося памятника истории и культуры является большим вкладом в развитие этнологии казахского народа.

В 2004 г. вышла интересная и содержательная монография А.У. Токтабая «Культ коня у казахов», в котором автором были изучены обряды, обычаи и традиции казахов, связанных с конем. Вместе с тем в нем содержатся ценные сведения о национальных способах тренинга, роли коня в народной медицине, народной ветеринарии».[348]

Отмечая роль лошади в жизни кочевников А.У. Токтабай пишет: «В бытовой жизни казахов среди четырех разновидностей домашних животных - конь всегда ценился выше других и занимал свое особенное главное место. Казахи очень ценили и берегли лошадей, любовно называли их «есті жануар»- «мудрым животным», «тілсіз адам» - «безъязыким человеком называли лошадиными прозвищами; «жеребенок мой», «жеребеночек мой»- «кұлыным - құлыншағым», справедливого и честного человека именовали «аргамаком», и самого коня называли человеческими именами, давая теплые человеческие прозвища «карағым»- «зрачок моих глаз», «шырағым»- «светоч ясный». Такое отношение к лошади, возвеличивание и почитание коня, связано с ведущей ролью этого благородного животного в кочевой жизни и в быту у казахов».[349]

Т.о., в данной работе охарактеризована и подчеркнута та исключительно важная роль, которую играла и играет лошадь в материальной и духовной культуре казахского этноса. Лошадь не только на протяжении веков была и остается поставщиком продуктов (мясо, молоко, шкура и т.д.), но также была и предметом культа, объектом поклонения, героем фольклора и т.д.

В 2005 г. вышла интересная и содержательная монография А.У. Токтабая и Ж. Сейткуловой «Төрт түліктің қасиеті», в котором изложены традиции, обряды и обычаи казахов, связанные со скотоводством. Кроме того в ней особое внимание уделено видам домашних животных (лошадь, корова, баран, собака и т.д.), их роли как в хозяйственно-экономической жизни, так и в духовной культуре казахов.[350]

В 2005 г. вышла обобщающая монография Ш.Ж. Тохтабаевой, посвященной важнейшему разделу материальной культуры казахов - традиционному художественному металлу, включающему произведения ювелирного искусства, медницкого и кузнечного дела. В данной работе впервые в научный оборот введен, систематизирован и проанализирован значительный объем неопубликованных ранее автором материалов о металлопластике, на основе которых исследованы вопросы культурных взаимосвязей казахов с народами Центральной Азии, Южной Сибири, Поволжья, Северного Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Она опубликовала около 100 научных трудов, которые посвящены важнейшей форме материальной культуры казахов - декоративному народному прикладному искусству XVIII-XX вв., а также проблемам культурных взаимосвязей Казахстана со странами Востока. Как отмечает Ш.Ж. Тохтабаева: «общество нуждается в работах, выходящих за рамки узкоэтнических тем... Пришло время комплексных научных междисциплинарных исследований,

выявляющих проблему культурных взаимосвязей, динамики общности и множественности культур, взаимоотношений общего и частного». [351]

Мы полностью согласны с мнением Ш.Ж. Тохтабаевой, так как считаем, что необходим широкий в географическом и методологическом отношении подход к изучению этнологических явлений.

В 2005 г. в Ташкенте прошла международная конференция «Этнодемографические процессы в Узбекистане». Несмотря на такое название, тематика представленных на ней докладов не ограничилась только Узбекистаном, а охватила весь центрально-азиатский регион. В данной конференции приняли участие представители многих государств, и был затронут широкий спектр вопросов. В конференции приняли участие и многие казахские историки, демографы, этнологи. Среди их работ следует отметить доклады таких ученых как: Абдухаимов Е. Некоторые проблемы хозяйствования и расселения казахских племен и родов в конце XIX – начале XX века (на примере Чимкентского уезда Сырдарьинской области); Бурханова Д.С. Казахская миграция; Бурханова Д.С., Туменова С.М. Миграционные процессы в Казахстане в 90-е годы; Кожакеева Л.Т. Особенности проведения первой всеобщей переписи населения в Казахстане; Косанбаев С.К. Историко-этнографические сведения о казахах в наблюдениях А.К. Гейнса и Л.Ф. Костенко; Отарбаева Г. Научный вклад А.А. Диваева в этнографическое изучение Туркестанского края; Турсунметова Г. Новые сведения об этническом составе трех жузов в XX веке; и т.д.

Е. Абдухаимов отмечает, что к особенностям расселения и хозяйствования казахских племен и родов Чимкентского уезда Сырдарьинской области Туркестана в конце XIX – начале XX века относится следующее: «Во-первых, наряду с кочевым и полукочевым скотоводством в Чимкентском уезде в конце XIX – начале XX вв. существовала и земледельческая форма хозяйствования; Во-вторых, здесь, в отличие от соседних уездов, поливные пашни и пастбища находились в общинном пользовании; В-третьих, в конце XIX – начале XX вв. в Чимкентском уезде были представлены племена и роды всех трех казахских жузов, но с преобладанием племен и родов Старшего жуза». [352]

Е.Ф. Абдухаимов в своей статье отметил тот факт, что юг Казахстана является классическим примером того, как казахи вели комплексный, земледельческо-скотоводческий тип хозяйствования.

В 2005 г. вышел в свет сборник материалов А.Н. Гаркавца под названием «Великая степь в античных и византийских источниках», который представляет собой обширный свод сведений античных и византийских источников о народах Евразийской степи и их соседях с XII в. до н.э., по XV в. н.э. В нем приведены выписки из около 500 сочинений 150 авторов-историков, географов, этнографов, писателей, филологов и государственных деятелей, в т.ч. таких как Гекатей, Геродот, Фукидид, Страбон, Плутарх и т.д. Составитель отмечает, что «за два с половиной тысячелетия...на обширном пространстве Евразийской степи и сменных территориях этническая картина менялась весьма динамично,

этносмены и поглощали друг друга, а привычные для греков и римлян имена варваров переносились на новых соседей и смешивались с новыми именами самым невероятным образом... тем более, что происходило это смешение на фоне невообразимой географической и страноведческой путаницы» [353].

В целом, работа А.Н. Гаркавца представляет собой скорее материал для дальнейших исследований, нежели исследование.

В 2005 г. Ж.О. Артыкбаевым опубликована монография «Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий)». Автор раскрывает в данной работе такие аспекты проблемы как история Великой Степи в контексте всемирной истории (включая проблемы периодизации, историю становления производящего хозяйства и т.д.), теоретические подходы к феномену кочевого общества (его этносоциальные параметры, территориальную организацию и т.д.). Автор подчеркивает: «Кочевое общество держится на разнообразных видах связи, которые выражаются как во взаимоотношениях и поведении людей, так и в серии невидимых узлов интеграционного характера. Это некое единство, организм, состоящий из различных артерий и коммуникативных узлов. ... наиболее существенные из этих форм связей...: этнические, стержнем которых служат родовые и субэтнические отношения, хозяйственные... общинные, социальные, а также политические, административные, культурные».[354]

Ж.О. Артыкбаев верно характеризует кочевое общество как специфический живой организм, пронизанный множеством социальных связей. В этом смысле его подход к феномену номадической цивилизации показывает, что это оригинальный и самобытный тип цивилизации, занимавший в свое время отведенную ему историко-культурную нишу.

В 2005-2006 гг. Отдел этнологии института истории МОН РК подготовил и издал двухтомник «Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары» под редакцией д.и.н., профессора С.И. Ажигали. В первом томе сборника были опубликованы статьи Х. Аргынбаева, А.У. Токтабая, Р. Мустафиной, Ш. Тохтабаевой и т.д. [355] Во втором томе приводятся статьи дореволюционных авторов – И.И. Ибрагимова, А. Диваева, Р. Карутца, А.И. Левшина и т.д. в переводе на казахский язык с комментариями современных этнологов. [356]

В 2006 г. вышла интересная и содержательная монография А.У. Токтабая «Түркі халықтарының этномәдениеті», в которой приводятся ряд этнографических сведений о народах Центральной Азии. В частности в ней освещаются традиции, обычаи, обряды, занятия, хозяйство, верования, быт и культура народов Центральной Азии и других тюркских этносов (Кавказа, Сибири и т.д.).[357]

В 2007 г. вышла монография О. Исмагулова, К.Б. Сихымбаевой, А.О. Исмагуловой «Этническая дерматоглифика казахов». Работа посвящена проблемам этноантропологии казахов. В ней дается историко-этноантропологический анализ. Авторы пишут: «формирование этнической

общности казахов в историческом прошлом базировалось на глубоком и сложном метисационном процессе, протекавшем на протяжении около 20 веков на территории Казахстана. В этническом и антропологическом отношении для такого консолидированного народа, каким является современный казахский народ, родоплеменная структура отражает определенный исторический этап становления, причем к настоящему времени это уже пройденный этап, имеющий лишь исторический интерес».[358]

Надо отметить, что авторы совершенно правы в своем подходе к вопросам этноструктуры казахов, полагая, что родоплеменное деление представляет собой скорее пройденный этап этнической истории народа, и в настоящее время нация уже консолидирована, особенно с учетом наличия независимой национальной государственности.

3.2. Проблемы изучения традиционной материальной и духовной культуры казахов

В годы независимого развития Республики Казахстан проблема изучения хозяйственных и культурных традиций казахского этноса приобрела научно-теоретическое и практически-прикладное значение. Вопросы развития основных элементов материальной культуры казахов (традиционное жилище, одежда, пища) изучаются исследователями уже достаточно давно, накоплен большой эмпирический материал, проведено много комплексных этнографических экспедиций в различные регионы Казахстана. [359]

Наиболее ранняя форма жилища на территории Казахстана обнаружена в поселении Чаглинка в Центральном Казахстане, относящиеся к эпохе бронзы, согласно мнению археолога А.М. Оразбаева.[360].

У.Х. Шалекенов и М.У. Шалекенов справедливо отметили, что жилище казахского народа — замечательный памятник материальной культуры.[361] Оно делилось на зимнее и летнее, отличаясь величиной и конструкцией. В летнее время казахи жили в легких переносных жилищах, зимой - в постоянных теплых помещениях: «агаш уй», «жер уй», «кара там». По своему назначению юрты делились на три основных типа. Парадные юрты, предназначенные для приема гостей, отличались большим размером и богатым убранством. Наиболее богатыми по убранству были свадебные юрты - отау. Юрты, служившие жилищем, были меньшего размера. Маленькие походные юрты могли перевозиться на одном верблюде или даже на лошади. Кроме того, были юрты, использовавшиеся как склады и другие подсобные помещения. Походные юрты можно отнести к типу специализированных, предназначавшихся для военных походов или пастухов и табунщиков. Наиболее простым переносным жилищем был шатер — «курке», состоявший из уыков, поставленных конусом и покрытых войлоком. Чаще использовались в походах юрты «жолама уй», состоявшие из трех-четырёх решеток — кереге и уыков.[362]

Кроме того, казахи во время кочевков использовали жилища на колесах - *куйме*. Они покрывались тканью, войлоком или кожей разной окраски. В куйме жили дети и женщины. Центр юрты — *ошак* — служил местом приготовления пищи и обогрева. Напротив входа находилось почетное место юрты — *тор* — для гостей и почтенных людей. Пространство у двери называлось «*босага*». Направо от входа располагались утварь и посуда, поскольку это была женская половина юрты. Слева находилась конская сбруя, это считалось мужской половиной. Налево от босага стояла кровать хозяев дома, отделенная занавеской — *шымылдык*. Убранство юрты состояло из деревянных и кожаных предметов, изделий из войлока, циновки и ковров. Широко распространены были войлочные ковры *текемет*, войлочные ковры с аппликациями — *сырмак*, менее — тканые ковры клем. Существовало два вида ковров: безворсовые (*такыр клем*) и ворсовые (*тукти клем*). Богатые войлочные

настенные ковры, орнаментированные аппликациями, инкрустацией и вышивкой, назывались «*тускииз*». [363]

Как отмечал С.Е. Ажигали: «Особую роль сыграла юрта в развитии народной архитектуры казахов. На стадии перехода к полuosедлости во 2-й половине XIX в. в Казахстане – за исключением сугубо кочевнических западных районов – широкое распространение получают юртообразные жилищно-хозяйственные постройки типа «шошала» (либо тошала). Они возникли как развитие утепленных, обложенных понизу дерном, камнями и другими материалами войлочных жилищ, которые по необходимости превращались в стационарные сооружения, копируя форму и даже детали юрты. Шошала, как правило, были округлые или многогранные в плане, имели купольные перекрытия, где обычно устанавливался шанырак. Возводились эти постройки из разных материалов: плетня (с обмазкой или без – шарбак уй), пластов дерна (омака), с использованием камышовых матов (кепе, жер кепе), камня и бревен (5-угольные срубы – дукен)». [364]

Т.о., юрта являлась не просто жилищем, а фактически символом, служа прообразом для других типов жилищ и хозяйственных построек.

Утварь и посуда хранились в подвесных сумках (*аяк-кан*), войлочных коробках (*шабдан*), ковровых сумках (*коржын*), состоящих из двух равных карманов и соединяющих их переметной частью. Непременным атрибутом каждой юрты были сундуки. Деревянные предметы — подставки — (жук аяк), коробки для продуктов (кееже) (адалба-кан) украшались художественной резьбой. Во многих районах Казахстана были распространены постоянные жилища из дерева, камней, сырцового кирпича и дерна. По материалу изготовления их называли «агаш уй», «жер уй», «кирпиш уй». Площадь дома зависела от материального состояния хозяина и состава семьи, но в целом оно было максимально приспособлено к смешанному образу жизни - кочевому – летом, и оседлому - зимой. [365]

Как отметил Ж. Артыкбаев: «Появление зимовок в XIX в. – порождение переходного периода, связано с обострившимися проблемами земледелия и, конечно, переходом к оседлости. Зимнее жилище казахов XIX в. – это строение, вид которого зависит от условий климатических и естественно-исторических, а также и от степени экономического благосостояния владельца». [366] Достаточное массовое появление в XIX веке зимовок и стационарного типа жилищ подтверждает факт того, что казахи вели комплексный тип хозяйства, а не чисто кочевой. По мнению С.Е. Ажигали: «У скотоводов Казахстана исторически развивались два основных типа поселений – временные и стационарные, которые имели функциональные варианты: собственно временные (кратковременные), временные сезонные; стационарные сезонные и стационарные оседлые (круглогодичные)... Следует отметить, что формы стационарных поселений у скотоводов Казахстана развивались издревле». [367]

Т.о., выводы ученого подтверждают комплексный характер хозяйства казахов уже в древности, поскольку одним из явных признаков оседлости является наличие стационарных жилищ и поселений.

Важным элементом материальной культуры народа является национальная одежда. В народной верхней одежде и головном уборе казахов отразились древние традиции, связанные с этническими, экономическими и климатическими условиями.[368]

Одежда изготавливалась из сукна, шерстяных и шелковых тканей, войлока и меха. Особой ценностью у казахов пользовались шкуры куланов, сайгаков, тигров, мех енота, соболя, куницы, горносталя. Из шкур шились шубы (*тон*). Шубы из меха пушных зверей назывались «*ишик*» и различались по покрытию: меховая шуба, покрытая шелком — *бас тон*, синим сукном — *кок тон*, парчой — *барша тон*. Удлиненные шубы с воротом из шкур жеребятных — *жаргак тон*. Из козьих шкур выщипывали длинные волоски, оставляя лишь подшерсток, и шили шубы «кылка жаргак». Штаны шились из замши, сукна, армячины, украшались богатой вышивкой. В XV-XVII вв. особой популярностью пользовались легкий плащ без рукавов — *кебенек* и халат из тонкого белого войлока — *каттау*. К старинным видам одежды относятся также *шекпен* — длинный плащ из верблюжьей шерсти. Основным видом мужской и женской верхней одежды был халат — *шапан*, шившийся из шерстяных и шелковых тканей. Следует отметить, что в традиционной одежде казахов нет принципиальных различий между мужским и женским повседневными костюмами. Комплект мужской одежды состоял летом из нательной рубахи, штанов и распашного халата, женской — из туникообразного платья (койлек) и безрукавки (женсиз камзол). Для приготовления женской одежды использовались хлопчатобумажные и шелковые ткани, бархат.

Мужские и женские головные уборы отличались многообразием.[369] Наиболее старинный и традиционный мужской головной убор — *калтак* — из тонкого войлока. Из глубокой древности для мужчин и женщин основной формой головного убора были заостренный копчик, подобно той, которую носили саки эпохи раннего железного века. Данная форма головного убора сохранилась вплоть до XX в. У казахов даже сохранилось выражение: «мен шошак төбелі қазақпын», то есть настоящий казах с остроконечной шапкой.[370]

Высокие шляпы из белого войлока назывались *ак калтак*, шляпы с широкими, загнутыми наверх полями — *айыр калтак*. Весной и осенью казахи носили шапки *борик*, круглые по форме с высоким конусообразным верхом, обязательно отороченные мехом. Зимние шапки — *треухи* назывались «*тымак*».

Мужская и женская обувь также отличались разнообразием.[371] Мужские сапоги на высоких каблуках с голенищем выше колен назывались «шонкайма етик», мягкие сапоги с загнутым кверху носком, легкие, удобные для верховой езды — *бир така*, *ичиги* — *маси* — из козлиной *юфти* и калоши — *кебис* — из

более плотной кожи. Зимой носили саптама етик, бедняки — шокай и шарке. Женская обувь отличалась от мужской изяществом, богатым орнаментом. Повседневной обувью были туфли — кебис. Богатые женщины носили орнаментированные сапоги — кестели етик, туфли на высоких каблуках из зеленой кожи — «кок сауыр», украшенные узорным шитьем и серебряной инкрустацией. Обязательной деталью казахского костюма были пояса из кожи, бархата, шерсти и шелка — белдик. Пояса из кожи, украшались тиснением, фигурными накладками из серебра с инкрустацией, полудрагоценными камнями, резными костяными пластинами. Такие наборные пояса назывались «кисе». У юношей пояса не были наборными и не имели подвесок. Женские пояса были более широкими и нарядными и шились в основном из шелка и бархата. Носили также мягкие кушаки — кур.

Женские украшения изготавливали из золота, серебра, драгоценных камней. Массивные серебряные браслеты «блезик» покрывали позолотой и инкрустацией. Серьги изготавливали в основном из серебряной проволоки в виде дужек, колец с подвесками из самоцветов, часто — из ромбических и округлых пластин, скрепленных между собой цепочками.[372]

Широко использовались накосные украшения — *шашбау*— в виде рядов медальонов или пластин, соединенных между собой кольцами. Центральные медальоны всегда украшались филигранью со вставками из цветных камней. К накосным украшениям относились и подвески «шолпы». Перстни были литые и чеканные, венчики овальной, круглой, грушевидной, многогранной формы. Часто перстни украшались вставками из цветных камней. Казахские ювелиры изготавливали и другие украшения: нагрудные — омырауша, онир-жиек, «бой тумар», застежки к поясам — ильгек, фигурные бляхи к саукеле — шылтыр, массивные шаровидные пуговицы — торсылдак туйме, булавки — туиреуиш. При изготовлении женских украшений применялась различная техника: литье, гравировка, чеканка, штамповка, филигрань, чернение, зернь, эмаль.[373]

Наиболее традиционным элементом культуры является пища.[374] Пища казахов состояла в основном из мясных и молочных продуктов.[375] Молочная пища была разнообразной. Из кобыльего молока изготавливали *кумыс* (*қымыз*), из верблюжьего — *шубат*. Молоко коров, коз и овец шло в основном для изготовления квашеного молока, масла, различных сыров. Один из любимых напитков казахов было кислое молоко — *айран*. Смесь айрана с водой называлась «*шалан*». Из молока сбивали масло — *сары май*. Для длительного хранения масла его промывали холодной водой, солили и укладывали в бараний желудок — *карын*. Важное место в рационе казахов занимали сыры. Высушенный на солнце творог — курт употреблялся в пищу зимой, растворяемый в горячем бульоне, изготавливались другие виды сыров — сары иримшик, ак иримшик и др. [376]

Мучные продукты использовались преимущественно зимой. Основными продовольственными культурами были просо, реже — пшеница и рожь. Из проса казахи готовили пшено — тары, шедшее на приготовление пшенной

похлебки *тары коже*. Жареное пшено ели с молоком, маслом: приготавливая из него толокно — *талкан*. Из пшена молотась мука, приготавливались пресные просяные лепешки — *тары табанан*. Из пшена готовилось праздничное блюдо «жент». Пшеница ценилась более. Из нее готовили похлебку бидай коже, талкан и жент. Мука шла на изготовление пресных лепешек (таба нан), лапши (кеспе), обжаренного в сале теста (баурсак). Рожь и ячмень занимали в рационе казахов меньшее место. Из риса казахи южных районов готовили плов (палау) и кашу (ботка). Основной пищей казахов были мясные блюда. Наиболее ценным мясом считалась конина, из которой приготавливали различные блюда: подкожный жир верхней части шеи (жал) и жир области крупа (жая). Из прямой кишки готовили «карта», из реберного мяса с подпозвоночным жиром — «казы». Колбасы из мяса, других частей туши назывались шужик. Баранина употреблялась в основном в летнее время. Вареное мясо — основное блюдо казахов — подавалось как с гарниром (кеспе, нан), так и без него. Бульон (сорпа) употреблялся после мяса. Печень и мякоть, обжаренные мелкими кусками на медленном огне назывались «куырдак».[377]

Посуда и утварь казахов-скотоводов была приспособлена к подвижному образу жизни: легкая, небьющаяся, из кожи и дерева. Для перевозки бьющейся посуды использовались специальные чехлы «шыныкап», например, для чашек — большей частью из войлока, реже — деревянные и плетеные. Самой разнообразной по форме, размерам и назначению была кожаная посуда: саба, суйретпе, торсык, мес и др. Саба шили из специально обработанной лошадиной шкуры, иногда из шкур крупного рогатого скота. При согуме (заготовке мяса на зиму) для саба специально оставляли шкуры, предпочтительно с хорошо упитанных и здоровых животных. Шерсть со шкур снимали, кожу размягчали квашеным молоком, сывороткой, куртотом, затем мыли, сушили и посолив, сохраняли до весны. С наступлением весны ее коптели в специальных коптильнях. Разнообразны и красочны были деревянные ковши для разлива кумыса (шомиш, ожау), нередко украшенные резьбой, инкрустацией из серебра и кости. Обязательной принадлежностью кухонной утвари был металлический котел (казан), в оседлых районах Казахстана широко использовалась керамическая посуда.[378]

Материальная культура казахов отражала особенности хозяйственной жизни народа, основывалась на традициях культуры предшествующих поколений степных скотоводов. Хозяйственно-экономический уклад, пища, одежда были наиболее приспособлены к тем природным условиям, в которых они жили. Кроме того, во многих регионах казахи вели комплексное хозяйство. Как сказано в монографии У.Х. Шалекенова «Казахи низовьев Амударьи»: «Развитию земледелия у казахов на среднем и нижнем течении Сырдарьи способствовало общение с оседлыми и полуоседлыми народами Средней Азии. Казахи непосредственно соседствовали с узбекским населением и длительное время жили с полуоседлыми каракалпаками».[379]

Т.о., межэтнические взаимодействия приводили к тому, что различные этносы усваивали у своих соседей те или иные хозяйственные приемы и другие элементы материальной культуры.

Н.Э. Масанов отметил такой интересный с этнографической точки факт, как создание производственных групп в связи с потребностями хозяйства, особенно земледельческого – для строительства ирригационных сооружений, обработки земли, посева, полива, ухода за полями, сбора урожая, его хранения и перевозки и т.д. Кроме того, такие группы создавались для охоты (особенно облавной охоты), рыболовства, извоза, различных промыслов и ремесленно-кустарных производств. [380]

Как отметил У.Х. Шалекенов: «Скотоводческое хозяйство зависит от конкретных условий ведения этой отрасли сельского хозяйства. В дельтовых условиях скотоводство играло ведущую роль, а у тех казахов, которые занимались земледелием, живя среди земледельческих народов – узбеков и каракалпаков, скотоводство стояло на втором и даже на третьем месте. Если у окраинных казахов в хозяйстве преобладали бараны, козы и верблюды, то у осевших казахов – крупный рогатый скот и лошади».[381]

Целый ряд публикаций в годы независимого развития Казахстана был посвящен тем или иным феноменам казахской традиционной народной культуры, в частности – традиционному казахскому жилищу - юрте.[382]

В частности, юрте уделяется внимание – и как элементу материальной культуре, и как духовному символу. А.Х. Маргулан писал, что «многие исследователи отмечают, что в юрте соединено два начала: утилитарность и художественность».[383] Казахи переносили её округлую форму и на постоянные жилища (шошала, дын, уйтас). При чем следует отметить, что «эти сооружения упоминаются в орхонских надписях».[384]

А. Кадырбаев и Т. Султанов отметили: «Основным занятием казахов было пастбищное скотоводство. Скот - главное богатство казахов, - доставлял им продукт питания, материал для одежды и жилища, служил им транспортом. Казахи разводили овец, лошадей и верблюдов. Крупный рогатый скот занимал в их хозяйстве незначительное место, так как не приспособлен к условиям круглогодичного выпаса и особенно к добыванию корма зимой из-под снега. Ведущее место по хозяйственному значению у казахов занимали овцы. Степных овец отличает выносливость и хорошие мясо-молочные качества. Надо ли говорить, что значила в жизни кочевников лошадь. Кочевник от лошади неотделим. Он не пойдет пешком даже на малое расстояние. Лошадь, по понятию кочевника, возвышает человека. Отсюда установилось правило, согласно которому тот, кто желает оказать уважение при встрече другому лицу, должен сойти с лошади на землю. Только равный с равным могут приветствовать друг друга, оставаясь на лошадях. Кочевники не только использовали лошадь для верховой езды и гужевой перевозки. Она их питала и одевала. Без конных состязаний не обходился ни один праздник. На досуге жители степи любовались табуном свободных лошадей с несущимся впереди

долгогривым красавцем-жеребцом. Верблюды в хозяйстве казахов были незаменимы при перекочевках и перевозках грузов. Их, как и быков, использовали для перевозки домов-кибиток, поставленных на колеса. Кроме того, с верблюдов снимали шерсть, а калорийный и вкусный напиток шубат ценился наравне с кумысом».[385]

Следует отметить, что А. Кадырбаев и Т. Султанов полагают, что основным занятием казахов было кочевое скотоводство, в то время как современные научные данные подтверждают, что хозяйство казахов было комплексным, где наряду с традиционным скотоводством получили развитие также земледелие, ремесло, рыболовство.

Большинство населения народов Центральной Азии в конце XIX – в начале XX века занималось оседлым земледелием на искусственно орошаемых землях и кочевым скотоводством. Оседлые земледельческие и скотоводческие народы никогда не существовали изолированно друг от друга. Они всегда находились в тесных экономических взаимоотношениях, обмениваясь продукцией своего хозяйства, сильны были всегда также политические и культурные связи между ними. Эти многовековые связи между оседлым населением и степными народами определили чрезвычайно много своеобразных черт истории, образа жизни и особенностей материальной и духовной культуры народов Центральной Азии. Как показывают новейшие археологические и этнографические исследования, полуоседлые племена играли также значительную роль в истории Центральной Азии, будучи создателями специфических форм хозяйства и культуры.

Еще в рабовладельческую эпоху получило распространение интенсивное поливное земледелие с применением крупных ирригационных сооружений (плотин, каналов), на строительстве которых широко использовался труд рабов. Этот тип земледелия получил наибольшее распространение на территории современного Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Он по нашему мнению, обусловил расцвет экономики могущественных древних рабовладельческих государств Средней Азии с высокой и своеобразной цивилизацией.

Обитатели земледельческих оазисов – узбеки, таджики, туркмены и другие народы – на протяжении веков накопили богатейший опыт в ирригационном земледелии, в строительстве мощных оросительных сооружений, в способах орошения полей.

Вышедший в 2001 г. сборник научных статей «История и культура Арало-Каспия» содержит целый ряд интереснейших статей, посвященный тем или иным аспектам изучения хозяйственных и культурных традиций Казахстана. [386]

Сборник состоит из четырех тематических разделов: История; Археология; Этнография. Фольклор; Архитектура. Музыка. В помещенной в третьем разделе статье Ш.Ж. Тохтабаевой «Формально-типологические особенности и вопросы генезиса традиционных ювелирных изделий Западного Казахстана»

изложены роль и значение ювелирного искусства в системе казахской национальной материальной и духовной культуры. Автор отмечает: «В системе традиционной материальной культуры казахов народное ювелирное искусство – многомерное историко-художественное явление. Произведения казахской ювелирной пластики, характеризующейся полифункциональностью и многоаспектностью, разнообразием форм и декора представляют собой своеобразный и весьма емкий историко-культурный источник».[387]

Важным аспектом развития казахского ювелирного искусства являются этнокультурные связи казахов с народами Арало-Каспийского региона, что также отмечает Ш.Ж. Тохтабаева: «В целом ювелирное искусство казахов Арало-Каспия по определенным признакам близко к художественной металлопластике туркмен, каракалпаков, народов Дагестана, что обусловлено рядом факторов: глубокими историко-культурными связями, территориальным соприкосновением, наличием общих этнических компонентов (алано-сарматских, огузских и тюркских), а также ролью в этногенезе этих народов массагетского пласта».[388]

Т.о., Ш.Ж. Тохтабаева отмечает, что ювелирное искусство казахов имеет очень древние корни и традиции, тесно взаимосвязано с искусством других народов, и само повлияло на них.

В этом же сборнике помещена статья С.Е. Ажигали, посвященная мемориально-культурным памятникам Северного Приаралья. Как отмечает автор: «Круг этих памятников отличается специфическими особенностями, вызванными, прежде всего, географическим фактором. В целом для них характерен выраженный симбиоз двух мемориальных традиций: зодчества долины р. Сырдарьи и Сарыарки (широкое строительство мавзолеев с использованием жженого кирпича) и собственно западноказахстанской погребально-культурной архитектуры. Однако, несомненно, что памятники исследуемого района являются составной частью специфического архитектурного комплекса Западного Казахстана – в частности, характерные стеллы-кулпытасы имеют к северу от Арала достаточно четкое (хотя и дисперсное) распространение».[389]

Т.о., С.Е. Ажигали отмечает большую роль культовой архитектуры Арало-Каспийского региона в развитии этнографической специфики данного региона.

Круглая форма юрты многими исследователями объясняется как фактор онтологического мировосприятия, как факт, объяснимый только с точки зрения космогонических взглядов древних тюрков, нашедших свое отражение в шаманстве, тенгрианстве и других традиционных верованиях.[390]

Так, Н. Шаханова отмечает, что конструкция казахской юрты нашла свое отражение в архитектурно-строительной практике в целом, поскольку отдельные её элементы использовались и в жилищах оседлого типа.[391] Раскрывая суть организации внутреннего пространства юрты, Н. Шаханова отмечает, что «в нем, как и в монгольском жилище, выделяются «ось возраста»,

«ось пола», место и способ сидения его обитателей были четко маркированы в зависимости от пола, возраста, положения в системе родства и свойства». [392]

Иными словами, Н. Шаханова отмечает, что юрта представляет собой не просто тип жилища, а имеет и сакральный смысл. Именно поэтому ее элементы воспроизводятся и в других типах построек.

Ш.С. Тургунбаева, в свою очередь, отмечает, что в оформлении казахской юрты представлено все богатство и разнообразие орнаментального искусства кочевников – космогонические, геометрические, растительные и зооморфные мотивы, которые с одной стороны играют функцию украшения, с другой – несут в себя зашифрованную информацию сакрального характера. [393]

Т.о., Ш.С. Тургунбаева подтверждает мнение С.Е. Ажигали, Н. Шахановой и других исследователей о том, что многие верования, обряды, обычаи, приметы казахов связаны с юртой.

Р. Тюлепов отмечает, что «и сегодня юрта по-прежнему является максимально удобным и наиболее приемлемым переносным жилищем в условиях кочевого скотоводства. Пройдя многовековой эволюционный процесс, юрта повлияла на многие сферы жизнедеятельности кочевого общества и не утратила своих функциональных возможностей на современном этапе, что позволяет, бесспорно, заявить об этом жилище как о феномене кочевой культуры, занимающем свое достойное место в ряду выдающихся явлений мировой цивилизации». [394]

Следует добавить, что юрта – это жилище не только кочевников, но и значительной части оседлого населения.

Ж. Артыкбаев, говоря о казахском национальном жилище, отметил, что казахи и другие кочевники Евразии: «изобрели одно из величайших приобретений мировой цивилизации – юрту, которая по своему функциональному назначению наиболее соответствует кочевому образу жизни, а по художественному оформлению, по орнаменту и вообще по декору ей нет равных. И экстенсивную форму ведения скотоводческого хозяйства, и юрту унаследовали казахи от своих предков» [395].

Ж. Артыкбаев совершенно прав в своей оценке юрты. Следует лишь добавить, что юрта была унаследована не только кочевой, но и полукочевой и оседлой частями этноса как наиболее удобный и приемлемый тип жилища практически в любых климатических условиях.

Важным элементом традиционной казахской национальной культуры является также искусство художественного войлока. Р.И. Каргабекова отмечает: «Относительно исследования войлока, как художественного и культурного феномена в казахской среде, можно, обобщая, отметить некоторую двойственность подхода; так в ряде этнографических работ войлок рассматривается лишь в качестве функциональной составляющей жилища, в отрыве от возможности анализа его с художественно-эстетической точки зрения. С другой стороны, существует иная, принципиально противоположная тенденция, когда изучение войлока как элемента кочевой культуры, сводится к

рассмотрению лишь традиционной войлочной орнаментики, вне анализа войлока как такового и связанных с ним многочисленных преданий, взглядов, обычаев, а также характер использования и бытования, налагающих в своей совокупности значительный отпечаток на принципы декорирования кошм».[396]

Ещё одним элементом системы казахской традиционной культуры являются войлочные ковры - текеметы. У. Аязбекова, будучи сторонником второй из тенденций, отмеченных Р.И. Каргабековой, отметила, что «орнаментальное построение изделия, гармония цвета, формы как знак символизирует определенную идею, которую можно развивать от образно-символического восприятия до художественно-эстетического осмысления».[397]

К. Марданов дал интересный ретроспективный анализ процессов динамичного сосуществования кочевого и оседлого типов хозяйств в казахской национальной культуре. Он отмечает, что «огромные просторы, резко континентальный климат, ограниченность водных источников, скудность пастбищ вынуждали общество приспособляться к природным условиям и вести соответствующие формы хозяйствования и образа жизни».[398] Исследователь с горечью констатирует тот малоприятный факт, что «современные потомки кочевников в основном оседлы, они не знают ни исторического прошлого своих предков, ни их традиций, обычаев, быта, образа жизни. Тысячелетняя история кочевничества замалчивается в учебниках школ, техникумов и вузов, что негативно влияет на формирование национального самосознания. Нынешнее поколение, так же, как и молодежь, воспитанная в советских школах, абсолютно не получает информацию о номадах».[399]

В этой связи весьма актуальной является проблема активного, творческого, внимательного изучения хозяйственно-культурного опыта номадической цивилизации.

В частности, заслуживает внимание разработанный веками опыт пищевой культуры номадов. Как известно, пища относится к одному из наиболее важных элементов материальной культуры, являясь носителем этнической специфики.[400]

В современных условиях стандартизации и унификации многих явлений культуры и быта сфера пищевых запретов и приоритетов сохраняет максимальное количество этнически значимых черт. Но применительно к казахскому этносу эта тема освещалась фрагментарно. В научный оборот вводятся новые данные, показывающие соотношение традиционных и новых элементов питания, ритуальное значение пищи, а также сведения о традиционной утвари, сохранившейся в современных условиях.

В своей кандидатской диссертации Н.Ж. Шаханова отмечала: «Традиционная модель питания существенным образом зависит от экологической среды обитания этноса и во многом определяет его хозяйственно-культурную деятельность... Пищевой рацион этноса

непосредственно определяется его хозяйственно-культурным типом (ХКТ). В то же время существует и обратная связь – в определенной мере ХКТ зависит от этнических пищевых традиций и исторически сложившейся модели питания».[401]

Казахи различают горячую пищу - *ыстык ас* и простую - *жай ас*. Отличаются они тем, что горячие блюда готовятся всегда с использованием мяса, а остальная еда считается простой. Прием пищи - *ас ишу, тамактану* происходит 3-4 раза в день: завтрак - *танертенге ас*, обед - *туске ас*, ужин - *кешке ас*. Горячие блюда готовятся, как правило, на ужин, когда семья собирается в полном составе. Основными продуктами служат мясо, молоко, масло, сметана, картофель, мука. Важный компонент питания казахов составляют молочные продукты. «Молочная пища была особенно разнообразной, что свидетельствует о ее древнем происхождении» [402]. Молоко употребляют в основном в обработанном виде. Но в ходе этнографических экспедиций ученые столкнулись с редкими фактами употребления сырого молока. Казахское население употребляет в настоящее время молоко коров, овец, коз, кобылиц. Самое распространенное - коровье молоко. Козье и овечье употребляется реже. В первой половине XX века держали верблюдов. Из верблюжьего молока готовили напиток *шубат*, который по качеству можно поставить в один ряд с кумысом. Как отметила Н.Ж. Шаханова: «Многовековое занятие скотоводством способствовало постепенной выработке казахами широкого ассортимента молочных продуктов, которые употреблялись в основном весной и летом в период максимального удоя, а также в различных видах заготавливались на зиму, когда доение скота прекращалось».[403] В рацион питания казахов входят такие молочные продукты, как *каймак* (сметана и сливки), *айран* (простокваша), *иримшик* (творог), *курт* (сыр), *май* (масло), *кумыс* (кисломолочный напиток из кобыльего молока с низким содержанием алкоголя), *сут* (молоко). Следует отметить, что 1 литр кумыса или шубата обеспечивает суточную потребность организма человека почти во всех витаминах .[404]

Перерабатывается обычно коровье молоко. После отела первое молоко коровы кипятят до образования густой творожной массы (*уыз*), которой угощают соседей и родственников в честь данного события. Раньше уыз получали так: молоко наливали в высушенный бараний желудок, который завязывали и варили в кипятке. Уыз также запекают в духовке, добавляют муки, выпекают оладьи и лепешки. Из молока обычно изготавливают сливочное масло - *май*, сливки и сметану - *каймак*. Каймак получают, пропуская кипяченое или сырое молоко через сепаратор или взбивая в маслобойке мутовкой. При этом используется сырое молоко, которое слегка подогрев опускают в погреб и выдерживают не менее недели. Особым лакомством считаются кипяченые с сахаром сливки - *кайнаткан каймак*. Для получения масла сливки пропускают через сепаратор или взбивают в маслобойке. В некоторых случаях масло взбивают сразу из молока. Широко

распространен способ взбивания масла руками из сливок или сметаны в широкой эмалированной чаше, называемой *шара* или *тегене*. Масло обычно хранят в стеклянной или эмалированной посуде в прохладном месте.

В аулах предпочитают его держать в овечьем или коровьем желудке - *карыне*. Считается, что вкус масла при хранении в карыне улучшается. [405]

Сливочное масло повсеместно принято солить, хотя не все придерживаются этого правила. Пахту, которая остается при приготовлении масла, спаивают животным или пьют сами в жаркую погоду. Иногда ее смешивают с молоком и варят суп с лапшой. Из кислого молока получают творог – *иримшик*. [406] Различают два вида иримшика - *ак* (белый) и *сары* (желтый) или *кызыл* (красный). Ак иримшик получают из свернувшегося молока или обрата, который процеживают, сливают сыворотку или кипятят, выпаривая воду. В некоторых случаях для обезвоживания хозяйки заворачивают образовавшийся сгусток в марлю, кладут на полчаса в ветреное место, придавливая сверху гнетом. Ак иримшик едят, смешивая со сметаной и сахаром. При долгом кипении творог приобретает желто-коричневый цвет, поэтому его называют сары, или кызыл иримшик. Его используют для приготовления сладкого блюда - *коспа*, для чего сары иримшик пропускают через мясорубку и смешивают с топленным маслом и сахаром. По желанию в коспу добавляют изюм и мед. После приготовления его выносят в холодное место для затвердения. Из творога готовят твердый сыр - *курт*. Технология приготовления его та же, только процесс более длительный. Варят курт в казане, помешивая длинной деревянной ложкой (*кептер*) до образования коричневой гущи. Потом добавляют муку, сахар (на 3 ведра - 0,5 кг муки, 1/2 стакана сахара), тщательно перемешивают, скатывают небольшие шарики, которые слегка приминают пальцами, и сушат. Правда, не все хозяйки добавляют муку и сахар, а некоторые смешивают творожную массу только с сахаром. Подают курт и коспу к чаю. [407]

Большой популярностью в казахском рационе пользуются кисломолочные напитки. [408]

Особенно часто употребляют в пищу айран, который можно, из-за его густой консистенции, отнести к молочным блюдам. Среди казахского населения распространены способы приготовления айрана с использованием кипяченого цельного молока, кипяченого снятого молока (обрат) и сырого цельного молока. Причем в одном населенном пункте могут быть в ходу все эти три способа. Айран готовят из коровьего или овечьего молока. Кипяченое молоко остужают, а сырое слегка подогревают, добавляют закваску и, хорошо укутав, ставят на несколько часов в теплое место. В качестве закваски используют сметану, кумыс, кефир, айран. Айран иногда разбавляют водой или молоком. Его добавляют в мясной бульон для придания ему кисловатого вкуса.

Бытовая речь казахов в ряде регионов не сохранила слова «катык», которым их соотечественники в Северо-Восточном и Южном Казахстане называют аналогично приготовленное кисломолочное блюдо. [409]

Айраном же именуют разбавленный водой или молоком катык. Т.о., в ряде регионов слово «айран» у казахов полностью вытеснило более древнее название молочного блюда - катык, несмотря на то, что способы его приготовления и состав практически не претерпели изменений. Казахи готовят также молочный напиток, именуемый в народе «желтый чай». Обрат от коровьего молока кипятят до раскисания, разбавляют водой, солят, добавляют немного масла и пьют.

Из свежего кобыльего молока казахи готовят кумыс.[410] Для этого кобылу часто доят. Процеженное через сложенную в несколько слоев марлю молоко сливают в специальную емкость, добавляют закваску и взбивают мутовкой *пспек*, оставляют на ночь, и к утру напиток уже готов. В качестве первичной закваски используют айран, кусочки копченого конского мяса и сала. Лучшей закваской считается остаток прошлогоднего кумыса, который хранят в холодном месте в течение всей зимы. До нашего времени дошел старинный способ сохранения прошлогоднего кумыса в глиняной крынке, которую закапывают в пшеницу. Способ этот практиковался среди очень зажиточных казахов. Первичную закваску готовят также из коровьего и кобыльего молока, взятого в равных частях и выдержанного до закисания. Для последующего приготовления кумыса используют предыдущий напиток. Заквашивающим свойством обладает и осевшая на стенках сосуда творожистая масса *ериби*. Влитое в такой сосуд, молоко бродит без использования дополнительной закваски. Для праздничного события готовят особый кумыс. В свежее кобылье молоко вместо закваски добавляют сахар, который вызывает сильное брожение и быстрое усиление крепости напитка. Все вышеописанные традиционные молочные блюда и напитки характерны прежде всего для сельской местности. Лишь небольшая часть горожан имеет возможность держать скотину, большинство же их покупает молочные продукты в магазинах и на рынках.[411]

У казахов сохранилось понятие «ак ас» - белая еда. Это понятие по-разному интерпретируют. В частности, существует мнение, что «ак ас» называют только молочную пищу. До настоящего времени дошли отголоски запретов проливать молоко на пол, наступать на пролитое молоко. Так, есть, поверье, что кобыла или корова перестанет доиться. Женщине, черпающей кумыс, нельзя греметь посудой. Угощаемый кумысом, айраном не должен отказываться, иначе не будет дороги. После угощения кумысом следует поблагодарить хозяев и пожелать, чтобы кобыла давала им больше молока. Как видим, в понятие «ак ас» вкладывается сакральный смысл, что свидетельствует о глубокой древности вида пищи. Иногда подразумевается под «ак ас» любое угощение, преподнесенное от чистого сердца, при этом его соотносят с выражением «ак тлек» - чистым, идущим от сердца, пожеланием. В данном случае мы, видимо, сталкиваемся с процессом трансформации древнего понятия о благородстве и священности молочной пищи, в результате чего рамки понятия «ак ас» расширились и вместили другие виды пищи.

Главная роль в рационе казахов и по сей день отводится мясу. [412]

Наиболее почитаемым мясом являются конина и баранина. Их не только употребляют чаще, но и отдают им предпочтение при приеме гостей, на свадьбах и похоронах. Необходимо отметить, что в разных регионах Казахстана предпочтение отдается тем или иным видам мяса. В Мангыстау предпочитают мясо баранов и верблюдов, в Сарыарке, Западном и Восточном Казахстане предпочитают конину, баранину и говядину, на юге – в основном баранину.

Коров и коз называют кара мал – «черная скотина», видимо считая их второсортными животными. [413] Хотя объясняется это иначе, например, тем, что первые коровы у казахов были черного цвета. В действительности же мы тут сталкиваемся с сохранившимся традиционным делением скота кочевниками Центральной Азии на скот с горячим дыханием - овцы и лошади, мясо которых считалось более полезным для человека, и скот с холодным дыханием - верблюды, козы, крупный рогатый скот. [414]

При забое скота придерживаются определенного порядка: связывают ноги, валят на бок головой к Кобле (Кааба), просят извинения у животного произносят краткую формулу: «Бисмиллах, Аллах Акбар!» (Во имя Аллаха, Аллах велик!), перерезают горло, спускают кровь, отрезают голову. Сделав разрезы от горла вниз вдоль живота и конечностей, снимают шкуру и разделяют тушу крупного животного на земле или, подвесив за задние конечности, если забивают овцу или козу. Тушу разделяют по суставам, не разрубая кости. При этом получают части мяса, соответствующие кости.

При разделке туши барана получают следующие части: *жанбас* - тазовая кость; *ортан жилик* - бедренная кость; *асыкты жилик* - голень; *бельдеме* (или *бель-омыртка*) - поясничная часть позвоночника; *субе* - ребра, образующие подхрящевую область; *кабырга* - ложные ребра; *бугана* - ребра, находящиеся под лопаткой; *тос* - грудинка; *омыртка* - грудная часть позвоночника; *жаурын* - лопатка; *мыше* или *токпак жилик* - плечевая кость; *каре жилик* - предплечье; *моин* - шея; *бас* - голова. Отделяются также внутренности, состоящие из желудка - *асказан*, кишечника - *шек карын*, сердца - *журек*, почек - *бирек*, печени - *баур*, легких - *опке баур*.

Конская туша разделяется на такие же части, но с особенностями, обусловленными как размером, так и телосложением лошади. Жанбас делится на 4-8 частей, ортан жилик - на 2-4 части, но если животное забивают для тоя или пышных похорон, его не делят. Лошадь имеет длинный позвоночник, который подразделяют на хвостовую (*жся*), крестцовую (*коленден*), поясничную (*бельдеме*), грудную (*омыртка*) и шейную (*мойин омыртка*) части. Все отделы позвоночника, кроме шейного, считаются почетными, особенно омыртка, который делится на 16 частей из 8 больших и 8 маленьких позвонков. Бельдеме состоит из 6 позвонков и соответственно делится. В конской туше ребра имеют жировые отложения, которые со стороны живота выражены сильнее. Ближе к груди прослойка жира резко уменьшается. Реберные кости с салом со стороны грудины - кабырга. Каждое ребро делится

надвое. Всего получается 24 ребра. Иногда хозяин отделяет жир от реберных костей, тем самым увеличивая количество кабырга. У лошадей также отрезают почки, печень, язык, внутренности. Когда две-три семьи сообща покупают для забоя на зиму одну лошадь - *согым*, мясо делят согласно частям туши, не взвешивая. Разница при этом составляет всего несколько граммов.

Внутренности лошади, состоящие из толстой и тонкой кишок, живота тщательно промываются с солью. Толстую кишку выворачивают вовнутрь жиром и получают т.о. колбасу, наполненную жиром - *карта*. Длинную тонкую кишку делят на несколько частей и начиняют мелко нарезанным мясом и жиром, которые готовят заранее. Так делается конская колбаса *шужук*. *Карта*, *карын*, *шужук*, *жал* (продолговатое отложение жира под кожей верхней подгривенной части шеи) являются почетными частями внутренностей.[415] Одно гостевое блюдо включает в себя такие части конины, как *жанбас*, *жая*, *омыртка*, *казы*, *жилик*, *карта*, *карын*, *жал*, *шужук*, и *кесек ет* - куски мяса с мякоти, которые берут с задней части туши. Для особо дорогих гостей кладут язык, часть сердца, почки. [416]

В гостевое блюдо с мясом баранины входят такие части, как *бас*, *жанбас*, *ортан* или *асыкты жилик*, *омыртка*, *субе* и *кесек ет*. При приготовлении мяса опытные хозяйки часто взбалтывают воду (*сапыру*), чтобы бульон (*сорпа*) получился более наваристым. Мясо не должно быть жестким или сильно разваренным. Считается позором для хозяйки, если мясо сильно разваривается и отходит от костей. *Ет* (мясо) во всех торжественных случаях заправляется тонко раскатанным пресным тестом, которое называется *жайманан* или *салманан*. На блюдо сначала накладывают жайманан, а поверх него целые куски мяса с костью. Хозяин дома или кто-то из гостей режет мясо и распределяет куски по иерархической системе. Самому почетному или старшему по возрасту дают жанбас, следующему по рангу - *омыртка* в конине или *жилик* в баранине, зятю или невестке - *тос*. Конскую голову гостям не подают. В баранине голову продолжают еще считать почетной частью туши. Но старики от нее часто отказываются. Обычай «бас кыдырту», когда голову передавали по кругу, сохранился лишь в памяти старшего поколения. Голову предварительно обрабатывают огнем, выбивают зубы. Для гостей отваривают часть головы с верхней челюстью. Обычно мясо нарезается в общее блюдо. После этого блюдо поливают соусом - *туздык*, которое делают из густо посоленного бульона, приправленного луком, а иногда и тертой морковью, зеленью, перцем. В конце трапезы подают в пиалах бульон, в который может быть добавлен айрын или курт.

В недавнем прошлом среди казахских чабанов большой популярностью пользовалось старинное блюдо *шек*. В карын складывали куски мяса с костью - *мушелер*, закапывали под костер, где оно томилось до готовности. Способ приготовления этого блюда свидетельствует о его древности. В настоящее время некоторые хозяйки готовят подобное блюдо в кастрюле на плите, но в карын складывают кишки. В будние дни часто готовят суп с лапшой - *кеспе*.

Следует также отметить широкое употребление в пищу мяса домашней птицы: гусей, уток и кур. Их также используют для приготовления супов, тушат, жарят, запекают в духовке, из гусятины иногда готовят мясо по-казахски.

С наступлением весны оставшееся конское мясо коптят. Процесс этот долгий и проходит в три этапа. Сначала мясо солят. Для этого его складывают в одну посуду, сделав порезы на толстых кусках, натирают солью, накрывают сверху другой посудой под прессом и оставляют на 2-3 дня. Затем мясо в течение суток сушат на солнце или в сарае. И, наконец, на третьем этапе коптят. В непроветриваемом помещении или глубокой бочке разводят костер. Куски мяса развешивают на перекладине над костром, которому сначала дают разогреться, для образования тонкой корки на мясе, потом заливают огонь водой и 3-4 часа держат мясо на дыму, потом делают перерыв до следующего дня. Так продолжается 2-3 дня.

Большую роль в традиционной системе питания казахов играет растительная пища. Особое место в ней занимают блюда, приготовленные из муки [417].

Традиционным элементом питания хлеб, который покупают в магазине или пекут сами. Выпечка хлеба практикуется обычно в сельской местности. На ведро муки идет 1 стакан соли, 6 л кипяченой воды, 50 г дрожжей. Вечером ставят в теплое место опару из 1/4 ведра, утром ее перемешивают с оставшейся мукой, дают подняться и выпекают в печке в круглой сковородке - *таба*. Получается несколько булок. Из теста пекут разные лепешки: *жука нан*, *таба нан*, *шельпек*. Жука нан пекут в кипящем жиру на сковороде, из кислого или пресного теста. Таба нан выпекают из дрожжевого теста. Раскатывают лепешки, кладут в одну сковородку, накрывают другой и закапывают в горячие угли, поэтому их еще называют *комбенан*. Сейчас хозяйки готовят такие лепешки в духовке. Из пресного теста пекут в казане в кипящем жиру *шельпек*. Эти лепешки имеют ритуальное значение. Их положено замешивать на трех составах: воде, соли и муке, символизирующих основу человеческого организма. Но в будние дни шельпек замешивают с добавлением молока и яиц. Из традиционных видов мучной пищи большой популярностью пользуются *баурсаки* - пышки из кислого теста. Тесто либо скатывают в трубочку и нарезают шариками, либо раскатывают скалкой, октау, в тонкий сочень и разрезают на кубики. Баурсаки пекут в кипящем жиру в казане. Их принято подавать к чаю, принимая гостей [418].

В обычные дни часто пекут оладьи - *куймак*, пирожки - *бирек*, *сомса* (на юге Казахстана) с начинкой из картофеля, мяса с ливером, риса с яйцом, капустой, творогом и т.д. Маленькие пирожки с мясом и ливером, сомса, вошли в состав национальной кухни казахов южных областей республики относительно недавно, но заняли в ней особое место. Тесто для них замешивается из муки, воды и соли, затем его раскатывают в тонкий сочень и вырезают стаканом кружочки. Начинку делают из пропущенного через мясорубку вареного ливера, кладут ее в середину сочня, края его фигурно

защипывают. В начинку добавляют лук и другие специи. Пирожки жарят в кипящем жиру.

В пище казахов много заимствований из национальной кухни других народов. Очень популярны у них котлеты, манты, пельмени, плов, борщ, пироги, торты и т.д. Из татарской кухни заимствовано любимейшее казахам блюдо *балиш*. Его делают из пресного или кислого теста. Раскатывают две толстые лепешки, на одну из которых мелко нарезают сырое мясо, картошку, лук, солят, добавляют специи. Потом ее кладут на кастрюлю или раскатывают на сковороде так, чтобы края немного провисали. Сверху, накрывают другой лепешкой, прижимают края и пекут в духовке или в печи 1-2 часа. При приготовлении балиша используют разные виды мяса, в т.ч. гусей, уток, кроликов. Под влиянием славянского населения (на севере) и оседлого тюркского (уйгурского, узбекского – на юге) в быт казахов вошли огородничество и садоводство. Повсеместно выращивают картофель, который занял в их рационе одну из важных позиций. Его употребляют в пищу почти ежедневно в вареном, тушеном, жареном виде в качестве основного блюда, сопутствующего элемента или гарнира. На своих участках выращивают овощи, фрукты, ягоды. Обычным для стола казахов стали компоты из свежих и сухих фруктов, варенья, салаты из свежих овощей, соки, соусы, зимние салаты, квашеная капуста.

В степных аулах, где трудно с водой, огородничество получило распространение среди молодых семей в начале 1980-х гг., хотя картофель сажают издавна. Но жители чаще покупают овощи в магазине или в соседних русских деревнях (особенно на севере и востоке Казахстана). Среди сельчан особенной популярностью пользуются помидоры и огурцы своего посола и квашеная капуста, которую часто покупают у местного славянского населения или в магазине. Гостям и в сельской, и в городской местности к мясу подают различного рода соленья и салаты, *туздык* заправляют мелко нашинкованной морковью, луком и зеленью.

Если при совершении традиционных обрядов за стол принято сажать дважды: на мясо (ет) и чай, то при встрече гостей по случаю дня рождения или праздничных дат в календаре многие представители интеллигенции накрывают стол по европейским стандартам, начиная с холодных закусок, дважды подавая горячие блюда и завершая застолье чаем или кофе (по желанию присутствующих) с кондитерскими изделиями, вареньями и выпечкой. К холодным закускам и мясным блюдам подают спиртные напитки и безалкогольные напитки. Если в прошлом казахи почти не употребляли рыбу и грибы, то теперь эти продукты пользуются успехом у среднего и молодого поколения. Рыбу чаще жарят, иногда варят уху, изредка ее солят и сушат. Человек ест и пьет не только для удовлетворения физиологических потребностей. Роль пищи гораздо шире. С.А. Токарев отмечал, что пища имеет значение «формы, опосредствующей социальное общение людей... Совместные

трапезы на всех ступенях исторического развития были и остаются одной из важнейших форм бытового общения между людьми» [419].

В повседневной жизни казахов наряду с посудой промышленного производства используется и традиционная утварь домашнего изготовления. Для приготовления кумыса они используют кожаные бурдюки саба (мес), торсык. Их шьют из шкуры коровы или лошади (с которой предварительно удаляют шерсть) нитками, скрученными из шерсти и волоса. В течении недели бурдюк копят над дымом костра, после чего моют, и посуда готова к употреблению. Для хранения масла казахи выделывают бараний желудок, карын, или кишки. Их тщательно промывают с солью, солят, надувают, сушат на воздухе и дезинфицируют дымом костра.

Посуда, изготовленная из кожи и внутренностей животного, относится к наиболее древнему виду утвари. Более позднего происхождения деревянная утварь. Большой популярностью в сельской местности пользуются маслбойки *пспешелек*, или *майшелек*, в которых взбивают кумыс, масло, сметану. Подобную посуду для изготовления сметаны называют *купильбек*. Делают ее двумя способами: выдалбливают из целого куска дерева или тонкие дощечки вплотную пригоняют друг к другу и скрепляют вкруговую железными обручами. Первые имеют форму цилиндра или конуса и по времени появления предшествуют вторым. Вторые имеют вид конуса или узкой бочки.

Взбивали молоко при приготовлении кумыса, масла, сметаны специальной мутовкой *пспек*. *Пспек* представляет собой палку с округлым или крестообразным концом. Его вырезали из целого куска дерева, либо делали отдельно ручку и концевую насадку с отверстием посередине, куда и вставлялась ручка. До середины XX века казахи широко применяли деревянные *астау* - корытообразные блюда для мяса и *табак* - круглое блюдо для мяса. Их выдалбливали или вырезали из целого куска дерева. Обычно использовали березу, которую вначале долго вымачивали, чтобы посуда при употреблении не треснула. Сейчас *астау* используют при солении мяса или для кормления домашних животных.

Несмотря на широкое распространение унифицированных видов пищи традиционные блюда продолжают занимать важное место в системе питания казахов. Но в современных условиях они претерпевают некоторые изменения. Так с исчезновением из хозяйства верблюдов перестали широко употреблять верблюжье мясо, но оно бытует среди казахов Западного Казахстана. Почти прекратилось употребление овечьего молока. Индустриализация и урбанизация сказались на традиционной молочной пище, многие виды которой исчезли со стола горожан. В настоящее время *иримшик*, *айран*, *курт*, *коспу*, *кумыс* можно встретить в основном в аулах [420].

Ушли из практики древние способы приготовления мясо-молочных блюд в животе барана.[421].

Но еще сохраняется традиция хранить масло в карыне, готовить кумыс в кожаных бурдюках. Трансформируется и отношение к некоторым гостевым

частям туши, в частности к голове. Запрет есть голову детям и молодежи соблюдается не всеми. В конце трапезы хозяин дома или гость, режущий мясо, предлагают мозг рядом сидящим, независимо от возраста. Почетность гостевых частей стала в большей степени определяться количеством мяса на костях, нежели представлением о сакральности их значимости. По этой причине аксакалы стали отказываться от головы барана, которую по установившейся традиции продолжают подавать гостям, и обижаются, если им не предложат *жанбас*. Традиции, связанные с приготовлением обрядовой пищи, сохраняют силу, хотя и претерпевают некоторые изменения. Так, например, обряд кормить духов огня маслом трансформировался в приготовление ритуальных лепешек *шельпек*. Все вышесказанное подтверждает известный тезис о пище как наиболее консервативном элементе материальной культуры, для которого в то же время характерна и большая приспособляемость к существующим условиям.

Пища казахов различных регионов отличается локальной спецификой, определяемой сочетанием традиционной основы питания с иноэтничными заимствованиями. Необходимо отметить, что материальная культура (жилище, одежда, пища) представляет собой важный компонент традиционной культуры этноса. В современных условиях, с учетом процессов урбанизации, бытовой интернационализации, глобализации и т.д. в материальной культуре остается сравнительно мало элементов собственно традиционной культуры, поскольку она сильнее, чем духовная культура, подвержена модернизации и трансформации. Жилье становится более современным и комфортабельным, в одежде получают все большее распространение мировые стандарты, пища – чуть более консервативный элемент материальной культуры, но и она не остается без изменений, поскольку появляются новые виды продуктов, новые способы кулинарных технологий и т.д. В настоящее время традиционные черты в пище, утвари, жилище, одежде сосуществуют с современными элементами материальной культуры казахского населения различных регионов республики.

Духовная культура является одним из важных элементов социальной жизни этноса. В ней концентрируется многовековой опыт различных поколений народа, передающих эстафету от пожилых к молодым. Во внутреннюю структуру духовной культуры входят такие компоненты как религия, искусство, музыка, язык, литература и т.д.

В книге Е. Абиля «Этногенез казахов» отмечаются основные тенденции в духовной жизни казахского этноса в XX веке: «Попытки сохранить этническое единство привели к культурной автономизации и ориентированию народного сознания на исламские ценности. Казахи в начале XX века пытаются приобщиться к мусульманскому суперэтносу. Это проявляется... в культурной... сфере... события начала XX века показывают, что к этому времени этнос преодолел кризис и системные связи начали восстанавливаться» [422].

В настоящее время казахский этнос, в условиях развития национальной государственности, имеет значительные возможности для сохранения и развития своей духовной культуры.

Духовную жизнь и верования народа во многом отражают традиции и обычаи. Много исторически ценного имеется в социальной, юридической и хозяйственно-бытовой терминологии казахов, сохранившейся в исторических преданиях. В 1992 г. вышла книга А.К. Абилева «Материалы по истории Казахстана (с древнейших времен до XIII века)», в которой автор описывает этническую историю тюркских государств, хозяйство (скотоводство, земледелие, ремесло и т.д.), духовную культуру (язык, письменность, литературу, основу знаний, науку, верования) [423].

В этот период предки казахов перешли от тенгрианства и других традиционных верований к исламу, правда в специфической форме.

Хотя господствующей религией в Казахстане с IX-X вв. был ислам, среди казахов ислам глубоко не укоренился, народные массы еще были далеки от догматов ислама и по-прежнему выполняли обряды древней религии, согласованной на культе «танир» (поклонение небу). Уже в древнетюркское время она приобрела характер единобожия (бир танир). В XV—XVIII вв. культ «танир» еще соперничал с исламом. Вопреки предписаниям ислама казахи почитали культ предков, имели изображения своих отцов (буттенгри). Так, в курганах тюркского времени часто ставились каменные балбалы с восточной стороны на поверхности курганного насыпа. Однако, начиная с VIII-IX вв. н.э. в некоторых курганах в Меркенском районе Жамбылской области при раскопке были обнаружены каменные балбалы не на поверхности курганного насыпа, а на глубине 60-70 см положенные плашмя [424].

Вероятно, что это делалось для того, чтобы представители мусульманского мира не оскверняли каменные балбалы, так как они считались сакральным атрибутом погребального сооружения.

В мировоззрении народных масс в XV—XVII вв. господствовали анимистические представления и культ силы природы, сохранившие черты древней мифологии, в частности, признание борьбы двух начал: доброго (кие) и враждебного (кесир). Сущность анимизма заключалась в одухотворении природных явлений, представлении о том, что за каждым явлением природы скрывается дух, который управляет им. Казахская мифология запрещала рвать весеннюю зеленую траву, ибо в ней люди видели непрерывность жизни. Казахи почитали дух земли (жер-ана) и воды (су-ана). Сохранилось и древнейшее название священного огня — алас. По казахскому поверью, огонь — покровитель жилища домашнего очага. Невестка при вступлении в новую семью должна была поклониться огню в большом доме, принести жертву огню, поливая в него масло (отка май кую). У казахов сохранился древний обряд очищения огнем (аластау) от древнего слова «алас» — ночной свет, священный огонь. Этот обряд совершался при перекочевке с зимовки на джайлау. С древних времен сложилось поверье, что на зимних стойбищах люди часто

грешат, так как в жилищах водятся «нечистые силы», приносящие вред человеку. А джайлау чист, беспорочен и туда следует явиться очищенным, поэтому у начала кочевой дороги, ведущей на джайлау, разводили два больших костра, между которыми пропускали людей и отары овец. Лошади считались чистыми животными и не подлежали очищению.

Ж.К. Каракузов и М.Ш. Хасанов в монографии «Космос казахской культуры» на богатом и очень живом этнокультурном материале рассмотрели национальную культуру казахского этноса как сущностную основу созидательной деятельности человека. Им удалось реконструировать основополагающую модель единства человека и этноса с окружающим ландшафтом [425].

Основу казахского народного календаря составляли астрономические представления и знания звездного неба, накопленные веками. Большое практическое значение в хозяйственной жизни народа имели наблюдения за периодичностью явлений природы. Кочевое хозяйство требовало знания счета времени и понимания периодичности явлений природы. Казахи наблюдали за движением небесных светил. Постоянное передвижение в бескрайних степях научило их хорошо ориентироваться в сторонах света, находить по звездам дорогу, точно определять расположение урочищ, колодцев, пастбищ.

Среди народа существовали профессионалы-вычислители, занимавшиеся эмпирической метеорологией и счетом времени, — есепчи (счетчик). Их ремесло было наследственным и переходило от отца к сыну. Есепчи обладали опытом многих поколений, из года в год вели наблюдения, давали прогнозы погоды, определяли время сезонных работ, перекочевки с кыстау на джайлау и обратно, устанавливали високосные года казахского народного календаря и т. д. Особый интерес есепчи проявляли к звездному небу. Они хорошо знали все основные планеты, воспевали их в песнях, слагали о них легенды. Карту звездного неба казахи обычно открывают Полярной звездой игравшей важную роль в их жизни. Передвигаясь в ночное время, они ориентировались по ней. Созвездие Большой Медведицы в разные исторические эпохи носило разные названия: «Жетыген» (семерка), «Жеты карт» (семь старцев), «Жеты каракшы» (семь разбойников — Малой Медведицы — «Акбоз ат», «Кок-боз ат» (белый мерин, серый мерин). Названия этих созвездий связаны с пастушеским бытом, ночной охраной стада. Большую роль в жизни народа играл циклический календарь, унаследованный ими от предшествующей эпохи. Казахи считали время циклами в 12 лет — мушел. Каждый цикл назывался именем животного: мышь (тышкан), корова (сыйыр), тигр (барс), заяц (коян), дракон (углу), змея (жылан), лошадь (жылкы), овца (кой), обезьяна (мешин), курица (тауык), собака (ит), свинья (доныз) [426].

Начало года соответствовало весеннему равноденствию (ку тоги с) и начиналось с праздника «Навруз» или «Наурыз» (21 марта). Персидское слово «Навруз» означает «новый день». В этот день мужчины группами ходили из аула в аул, женщины занимались приготовлением традиционного «наурыз-

коже» (пшеничной похлебки) — символа изобилия и урожая. Старикам в праздники подавали отваренную голову быка и они произносили традиционные пожелания о росте поголовья скота, изобилии молочных продуктов. Неделя состояла из семи дней: сенби (суббота), жексенби (воскресенье), дюйсенби (понедельник), сейсенби (вторник), сэрсенби (среда), бейсенби (четверг), жума (пятница). Названия дней имеют персидское происхождение, за исключением арабского термина «жума».

Как отмечает Е. Ажигали: «Произошедшие в середине XIX в. важные изменения в системе традиционного скотоводческого поселения казахов имели достаточно серьезные культурно-исторические последствия.... В культурно-историческом масштабе этот процесс был вполне закономерным, позитивным, поскольку происходил нерезко, одноактно, но достаточно плавно, не разрушал устоев скотоводческого хозяйства и традиционно-бытовой культуры. Изменения в годичном цикле кочевания, увеличение рекреационного (восстановительного) периода, естественно, повлекло за собой развитие промыслов, ремесел, различных форм народного творчества казахов — декоративно-прикладного, музыкального искусства, устной поэзии что мы хорошо наблюдаем как раз-таки во 2-ой половине XIX в. именно к этой эпохе относится появление, творческий взлет многих корифеев традиционной казахской культуры — например, Курмангазы Сагырбайулы и др.» [427].

То есть, С.Е. Ажигали подчеркивает тесную связь между развитием материальной и духовной культуры этноса. Трансформации в материальной культуре этноса, в системе его хозяйствования, расселения и т.д. неизбежно влекут за собой изменения в духовной культуре.

Важным элементом этнической культуры казахов являются игры и развлечения. Игры и развлечения выполняли всегда общественные функции: воспитательные, военно-спортивные, ритуальные, зрелищно-эстетические, коммуникативные и другие. Часть игр и развлечений несли у казахов ритуальные и обрядовые функции, входящих в систему поминально-погребальных и свадебных обрядов. Многие из них впоследствии утратили свою первоначальную суть, развиваясь и перерождаясь. Примером могут служить *аламан байга*, *кокпар*, *сайыс*, *аударыспак*. *Аламан байга* — скачка на длинные и сверхдлинные дистанции (25, 50, 100 км), является одним из древних и популярных видов состязаний. Зарождение ее связано с кочевым бытом, необходимостью подготовки лошадей к длинным переходам, а также при уgone табунов.

В настоящее время проведение алман байга у казахов Чуйской степи полностью отсутствует; *сайыс* — единоборство всадников на пиках, представляет собой один из старинных военизированных игр, устраиваемых только на особо крупных торжествах; *аударыспак* — борьба на лошадях с целью сбросить соперника с седла. В силу кочевого уклада жизни казахов наибольшее распространение получили конные состязания и всевозможные игры на лошадях, развивающие в людях силу, ловкость, мужество. Почитание лошади и

любовь к конным играм стали традицией у казахов, сохранившихся до наших дней. Рассмотрим некоторые из них.

Байга – скачка на средние дистанции (3, 6, 9 км.) является одним из древних и популярных видов состязаний. Байга проводилась на всех праздниках и была доступна всем желающим. Казахская байга устраивалась на ровной местности по замкнутому кругу. Скачки проходили на следующие дистанции: от 1,2 до 2 км для лошадей не моложе 3-х лет (кунан байга), от 2,5 до 4,8 км для лошадей до 4-х лет (донен байга); от 5 до 8 км для лошадей в возрасте 5 лет и старше (собственно байга) [428].

Призы, в зависимости от количества наездников и материальных возможностей организаторов-спонсоров, были разными, в основном до 3–5 баранов.

В 1997 г. был выпущен сборник материалов к Летнему университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана, среди статей которого хотелось бы выделить такие интересные в историко-этнографическом отношении как: Масанов Н.Э. Особенности функционирования традиционного кочевого хозяйства казахов; Масанов Н.Э. Социально-экономические отношения в казахском кочевом обществе; Аргынбаев Х. Традиции народной бытовой и обрядовой культуры; Агелеуов Г.Е. Йол-Тенгри – божество древнетюркского пантеона (реконструкция). Х. Аргынбаев в своей статье отмечает такие традиции как: древний культ огня, культ неба (кок тенгри), вера в колдовство (жадылау), Наурыз и т.д.[429].

Ерназаров Ж.Т. в своей статье уделяет внимание обычаям и обрядам как символам культуры этноса: «Одной из наметившихся тенденций можно назвать проявление процесса “возрождения культуры”. Хотя сам термин ныне требует уточнения применительно ко времени. Поскольку под ним понимаются разные процессы: увеличение количества элементов традиционной культуры в современной обрядовой практике, восстановление забытых форм, поиск утраченных корней и идеалов общества, идентификация себя с понятиями “казах”, “казахское”» [430].

Как и все народы мира, казахи из поколения в поколение хранят и чтят свои национальные традиции, праздники, обряды и обычаи. Во времена Советской власти коммунистический режим всячески старался искоренить «пережитки прошлого», тем не менее, казахи исполняли свои обряды, отмечали традиционные праздники, тем самым, сохранив ценности национальной культуры.

В книге А. Кузембайулы и Е. Абиля «История Республики Казахстан» рассмотрены вопросы духовной культуры казахского этноса на протяжении многих веков. Авторы отмечают: «К духовной культуре мы относим продукты деятельности человека в сфере сознания. Это в первую очередь язык, письменность, устное творчество и литература, наука и искусство, религия. При этом мы считаем, что бытовавшие ранее в науке понятия о «высокой» и «низкой» духовной культуре народов, по крайней мере, некорректны. Эти

понятия остались в наследство от европоцентристских взглядов на мир, когда все непонятное и не вмещающееся в обычные представления называлось «диким», «отсталым». Мы утверждаем, что низкой или высокой культуры быть не может, культура каждого народа своеобразна и неповторима, достижения духовной культуры не могут быть измерены, взвешены или сравнены, чтобы выяснить, чья культура выше» [431].

В этом отношении авторы совершенно правы, поскольку невозможно определить какая этническая культура выше, а какая ниже, тем более что в определенных исторических условиях культурные реалии весьма изменчивы.

На мировоззрение и культуру казахов огромное влияние оказало ведение кочевого скотоводческого хозяйства. Постоянная взаимосвязь с природой определила бережное к ней отношение. В 1997 г. В.И. Тимошинов издал книгу «Культурология: Казахстан – Евразия – Восток – Запад». В ней автор изложил этнические и культурные процессы на территории Казахстана, этническую историю и этническую структуру казахского общества, традиционный хозяйственно-культурный уклад казахов, особенности номадической культуры, различные компоненты национальной культуры (верования, народные знания, обряды, обычаи, эпос), казахско-русские культурные связи и отношения, культуру различных этносов, населяющих Казахстан. В.И. Тимошинов отмечает, что «характерной чертой казахского этноса, обусловленной особенностями... образа жизни, является сложная и разветвленная внутриэтническая структура» [432].

В книге Ж. Артыкбаева «Этнология и этнография» значительное внимание уделено вопросам духовной культуры казахов. Рассмотрены такие ее аспекты как музыкальная культура, народные праздники и игры, народные знания, народная медицина, религиозные верования. Отмечая роль музыкальной культуры, Ж. Артыкбаев отмечает: «Традиционная музыка – неотъемлемая часть народного художественного творчества, бытие которой осуществляется, как правило, в устной (бесписьменной) форме и передается исполнительскими традициями лишь в живом процесс народного музицирования. В традиционной казахской музыкальной и материальной культуре значительное место занимают народные музыкальные инструменты. К ним относятся домбра, кобыз, сыбызгы, дауылпаз, ыскырык, камыс сырнай, бугышак, муюз сырнай, керей, шертер, жетиген, шанкауыз, дабыл, дангара, шын кепшик, асатаяк, конырау. Формирование и развитие инструментов казахов происходило в тесной связи с инструментами соседних тюркских народов. В прошлом в традиционном музыкальном быту, в особенности в кочевой среде казахов, широко бытовал инструмент – сыбызгы, изготавливаемый из полого стебелька зонтичного растения – курая. В сыбызговом искусстве существовало несколько исполнительских школ, среди которых можно выделить западноказахстанскую, восточноказахстанскую, Баян-Олгийскую (Монголия), а также некоторые районы Алтайского края» [433].

У казахов, как и у других народов, появление на свет ребенка было радостью. Ведь если родился сын, то это продолжатель рода, хозяин дома, будущий воин и защитник. Если на свет появилась дочь, то это помощница матери, будущая невеста, которая объединит в родственные узы две семьи, два рода. О рождении ребенка оповещались все родственники, друзья и соседи. Принесшему радостную весть человеку дарили подарки – суюнши. Устраивался праздник, который называется **шилдехана**. С момента появления на свет и до самой смерти в жизни человека бывают важные события. Отмечать эти события, сопровождать их празднествами является частью культуры казахов. Для казаха нет большей радости, чем появление на свет ребенка, продолжателя рода или будущей невесты, которая объединит два рода. Поэтому казахский народ особенно чтит праздники, связанные с рождением и становлением своего дитя.

По казахским традициям в честь роженицы в большом казане варилось мясо, бульон которого сначала давали матери новорожденного, чтобы она восполнила свои силы. Перед роженицей ставили много еды (т.н. *калжа*), и делалось это с пожеланием, чтобы мать и ребенок никогда не голодали и были удачливы. Если родственники ребенка, его дедушка и бабушка, родители матери младенца находились далеко, то к ним отправляли вестника. Вестника щедро одаривали подарками-суюнши. В честь новорожденного устраивался праздник - шилдехана. На мероприятии накрывался большой дастархан. Перед началом пира самый старший и почетный гость говорил ребенку слова напутствия в жизни, желая ему долгих лет, крепкого здоровья, богатства. Молодежь на празднике пела и танцевала, состязаясь в искусстве исполнения на национальных музыкальных инструментах. Честь наречь ребенка именем казахи предоставляют старшему и почетному человеку, приглашается мулла, который читает молитву-азан и называет имя ребенка. С ребенком связаны и другие обряды, сопровождаемые праздником, среди которых есть обряды бесиксалар, кыркыннан шыгару, тусау кесер, сундет той.

Бесиксалар - это обычай, когда младенца впервые клали на казахскую люльку-качалку, которая называлась *бесик*. На праздник обычно созывается женская половина рода. Бесик изготавливался из дерева, и специально оборудовался, чтобы ребенку было сухо, удобно и уютно. Право впервые положить младенца в люльку-качалку предоставлялось самой почетной женщине из родственников со стороны матери ребенка. Перед тем как проводился, обряд по казахскому обычаю через отверстие люльки бросают сладости, которые первым должна взять мать ребенка. Этот обряд делается для того, чтобы руки матери были для малыша желанными, и мать не брезговала мыть дитя. Затем в первую сорочку ребенка заворачивают разные сладости, этот сверток называется итжиде. Сверток привязывают на шею собаки, кто сможет догнать ее, снять и попробовать завернутые сладости в будущем будет также радоваться рождению своего ребенка. После обряда накрывается стол и начинается праздник *бесик той*. Когда младенцу исполняется сорок дней,

проводят обряд *кыркыннан шыгару*. По этому обычаю впервые стригут ребенку волосы и ногти. Обычно обряд кыркыннан шыгару проводится для младенца мужского пола после тридцати восьми дней с момента рождения. Это делается для того, чтобы, когда ребенок вырастет и вознамерится жениться, у него потребовали мало калыма. Для девочки кыркыннан шыгару проводится после прошествия сорока дней от роду. Это делается для того, чтобы она, когда станет невестой, получила большой калым.

По обычаям народа обряд проводит почетная женщина из соседей или родственников. Она стрижет волосы и ногти младенца, затем купает его в теплой соленой воде. В теплую воду еще наливают сорок ложек воды, на ложках должны быть монеты, чтобы малыш был богатым, или зерна кукурузы, чтобы род ребенка размножался.

Каждый гость приходит с подарком для малыша и его родителей. Обычай отмечается застольем, гостей угощают казахским мясом, как его называют европейцы бешбармак, бауырсаки - жареные на кипящем масле куски теста. В конце застолья подается чай. Застолье продолжается весельем, танцами, поются песни. Все взрослые не могут нарадоваться, когда ребенок говорит свое первое слово или делает первые шаги. Казахи отмечают значимость первых шагов ребенка в жизни. Существует казахский праздник, посвященный первым шагам своего чада. На праздник созываются гости, перед которыми произведут ритуал разрезания пут – *тусау кесар*.

Для разрезания пут выбирается уважаемый, авторитетный человек, который, к тому же, должен быстро бегать и ходить. В одних регионах Казахстана путы вяжут из двух веревок белого и черного цветов, в других же местностях веревку для пут делают из разного материала. Если желают ребенку, чтобы его род размножался как трава, веревку вяжут из травы. На путы привязывают монеты, полагается, что жизненный путь ребенка будет усыпан богатством. Перед разрезанием пут аксакал рода читает малышу напутствие. На ковер стелится белая материя, олицетворяющая собой жизненный путь, на которой и разрезают путы, как бы обозначая начало первых шагов ребенка по жизни. Бабушки бросают *шашу* - конфеты, печенье, другие сладости. Шашу - это казахский ритуал, когда на празднике бросают конфеты, печенье и другие сладости, олицетворяющие собой пожелания богатства и благополучия. Дети, и даже взрослые собирают шашу, чтобы к ним в дом пришел такой же праздник, и они смогли поделиться радостью с другими. По окончанию обряда гости усаживаются за дастарханом.

Среди казахских национальных праздников следует отметить также *тилашар тойы* - праздник, организуемый в честь дня, когда ребенок впервые идет в школу (раньше в мусульманскую школу - медресе). Основными гостями этого пира являются друзья и сверстники ребенка. Взрослые располагаются за отдельным столом, желают ребенку успехов в учебе. Так как основной целью праздника является воспитание, почтенные аксакалы говорят ребенку слова назидания, организовываются интеллектуальные и развлекательные игры.

Праздник *тилашар* - это начало праздников в честь окончания школы, поступления в высшее учебное заведение, службы в армии.

Создание семьи у казахского народа считается особым событием в жизни и сопровождается многими традиционными обрядами. Раньше отцы договаривались, что их дети после достижения совершеннолетия поженятся, и это называлось **атастыру**. В том случае, если молодые люди полюбили друг друга и решили создать семью, то родственники жениха ехали свататься – **куда тусу**. Сваты договаривались о количестве выкупа за невесту – калым, а также назначали день свадьбы. После того как молодые люди приняли решение о создании семьи, родственники жениха собираются на совет - *маслихат*. На совете обсуждаются все вопросы предстоящей свадьбы и избирают сватов, которые должны поехать свататься. Избранные на совете сваты, едут свататься к родителям девушки с подарками. Гостей встречают гостеприимно, для них накрывается дастархан. За столом будущие родственники знакомятся, договариваются о количестве калыма (*калын мал*) и назначают день свадьбы. Если сваты прибыли с калымом, то всем собравшимся родственникам девушки показывается калым. После этого проводится обряд *сырга салу*, когда будущей невесте вдевают в уши серьги. Это говорит о том, что девушка стала невестой. Родственники невесты провожали невесту – этот обряд называется **кыз узату**. Этот праздник родители невесты устраивают в день проводов дочери в дом жениха. На него собираются родственники девушки, а также приезжают сваты и сам жених. Во время застолья снохи невесты преподносят жениху грудинку барашка. По окончании трапезы дружка жениха должен положить в посуду, на которой принесли грудинку, деньги.

В тот же день проводится обряд *беташар* (открыть лицо, знакомство). Гости выходят во двор и становятся в круг, в центре которого стоит невеста с покрытым белой материей лицом. С двух сторон невесту поддерживают любимые снохи жениха. К концу материи привязывают палку, чтобы во время церемонии приоткрывать лицо молодой невесты. Честь держать палку предоставляется мальчику из числа родственников жениха. С народом девушку знакомит поэт-певец с национальным музыкальным инструментом - домброй. Песня его начинается со слов назидания невесте, ей дают советы, как вести себя в семейной жизни. Затем певец в песне знакомит невесту с родственниками жениха. Первым называется самый старший представитель рода, затем его братья, отец жениха, их жены и так далее до самых младших.

При каждой чередке имен невеста кланяется, названные люди кладут в приготовленную посуду деньги, которые предназначаются для певца и мальчика. Когда невеста кланяется, покрывало приоткрывают, чтобы собравшиеся могли увидеть лицо невесты. В конце церемонии лицо невесты полностью открывают, а снохи жениха дарят ей подарки (золотые украшения). Потом начинается веселье, молодые гости танцуют, поют и веселятся. Потом проводился обряд бракосочетания – **неке кию**. На следующий день после *беташар* проходит церемония бракосочетания. Обряд бракосочетания по

мусульманским обычаем проводит мулла. При бракосочетании собираются родственники с обеих сторон.

После подтверждения молодоженами своей принадлежности к мусульманам, мулла спрашивает у молодоженов по своей ли воле и любви они вступают в брак. Ответы молодоженов освидетельствуют три свидетеля. Мулла задает жениху вопрос, сколько денег или что он преподнесет своей невесте за то, что она связывает свою жизнь с ним. Жених принародно объявляет о своем подарке, невеста дает согласие принять этот подарок. После молодым дают выпить из чаши напитков - неке суы, читается совместная молитва. Бабушки бросают шашу (сладости и деньги) с пожеланиями благополучия. В современном Казахстане церемония регистрации брака проходит во Дворце бракосочетания. Собравшиеся на церемонию гости поздравляют молодоженов, дарят цветы. После церемонии молодожены и гости посещают святые и памятные места, достопримечательности той местности, где они живут. Дома гостей ждет богатый дастархан. В сельских местностях проводят в честь молодоженов конные соревнования, национальные игры, айтыс. В айтысе участвуют поэты-импровизаторы, которые состязаются в красноречии, острологии и поэзии. Во время свадьбы в честь молодоженов организовывались **байга, кокпар, кыз куу, курес, айтыс**. Накрывался дастархан, пели песни, танцевали, проводились различные состязания. В современной культуре казахов церемония бракосочетания проводится в Заге.

Вторым по значению событием в жизни семьи является рождение ребенка и связанные с ним обряды. Мы уже говорили о традиционном положении женщины в казахской семье, однако отношение к ней существенно меняется в период ее беременности. В это время все ее оберегают, освобождают от тяжелой работы, способствуют нормальному течению беременности и нормальным родам. Рождение ребенка - всегда праздник, но особенный праздник устраивается, если новорожденный - мальчик. В этом случае соответствующие обряды продолжаются до достижения ребенком семилетнего возраста. После родов к роженице приглашают двух-трех женщин (из числа соседей или родственников), чтобы, с одной стороны, поздравить ее, а с другой - помочь по хозяйству. На третий день после рождения ребенка устраивается пир для женщин аула - шильдехана, на котором женщины желают новорожденному долгой и счастливой жизни. Вечером и ночью молодежь собирается вместе, играет на домбрах и поет песни. Этот праздник продолжается в течение трех вечеров до достижения ребенком семидневного возраста. На сороковой день устраивают еще одну торжественную церемонию, опять же связанную с приглашением соседских женщин, которые приносят подарки новорожденному, в том числе: одежду, застежки, нитки жемчуга, а также совиное оперение.

Следующий обряд связан с первой посадкой на коня. Он осуществляется в день, когда ребенку исполняется 5 лет. В этот день на его голову одевают совиное оперение, усаживают на коня и отправляют с визитом ко всем

родственникам. Родственники должны одарить ребенка пищей и дать сбрую для его коня. С этого момента ребенок, имея собственную сбрую для коня, начинает ездить на двух-трехлетнем коне. Именно это обстоятельство позволяет многим авторам, писавших о казахах, называть их «нацией в седле». Наконец, завершает этот 7-летний цикл обрядов ритуал обрезания, который проводится в промежутке между пятью и семью годами. Перед обрезанием на голову и плечи ребенка надевают совиное оперение и снова отправляют с визитом к родственникам. Родственники должны дать ребенку сладости, а также, в зависимости от своего имущественного положения, преподнести совиное оперение, козленка (или тонкорунного ягненка), жеребенка, теленка. Подаренный ребенку жеребенок должен быть заклеимен особым клеймом на ухе и после того как он вырастет, его называют «обрезанный конь». Обрезание совершается муллой или хаджой.

Издrevле казахский народ отличался гостеприимством. Любого гостя встречали с распростертыми объятиями и угощали самой вкусной едой, которая была в доме – *конак-асы* (еда для гостя). Считается, что *конак-асы* - это неразделенное на части наследство казаха. В прежние времена казах, отправляющийся в дальний путь, не брал с собой провизию, зная, что в пути он в любом доме будет радушно принят и накормлен. Любой казах резал для гостя овцу, варил мясо (ет), накрывал большой дастархан.

Казахи до настоящего времени продолжают придерживаться целого комплекса обычаев и обрядов, особое значение в которых придается ритуальной пище [434]. Среди казахов бытует обычай приглашать гостей по случаю приезда ближних родственников, которые живут далеко и приезжают редко. В таких случаях обязательно режут барана или лошадь. В недалеком прошлом в честь отела коровы приглашали в гости с приготовлением ритуального блюда *уыз*. В настоящее время этот обычай трансформировался в обряд угощения родственников, друзей и соседей творогом, приготовленным из первого, после отела коровы, молока. К этой же категории относится традиция приглашать в гости близких родственников умершего, молодоженов и их братьев и сестер[435].

А. Абдакимов в книге «История Казахстана (с древнейших времен до наших дней)» дает важные методологические принципы изучения духовной культуры казахского этноса: «Видимо, настало время развеять сомнение в том, что такой отсталый в политико-экономическом плане казахский народ, смог бы пережить Ренессанс. Если при определении культурно-духовного потенциала того или иного этноса в течение какого-то исторического периода будем руководствоваться прежними методологическими указаниями, следовать лженаучным закономерностям развития общества или рассматривать способы производства как критерии определения уровня культуры, то, несомненно, останемся в плену серьезных ошибок. Такой путь особенно чреват недооценками при изучении общества кочевников»[436].

Традиции – это исторически сложившихся устойчивые и наиболее обобщённые нормы и принципы общественных отношений людей, передаваемые из поколения в поколение и охраняемые силой общественного мнения. Традиции также древни, как само человечество. Они носят исторический характер, ибо возникли и формировались в процессе трудовой и общественной деятельности людей, складываясь не по желанию отдельных лиц и групп, а имели под собой объективную основу. Традиции возникали как закономерное явление общественного развития и играли огромную роль в организации усилий рода и племени в борьбе с силами природы, в формировании лучших черт человеческой личности. Нарушение традиций в древние времена считалось недопустимым, и каралось неминуемым наказанием. Традиции и обычаи существуют у народов всего мира. В них отразились уклад жизни народа, его привычки, национальные особенности.

Не покинули казахстанскую землю и такие древние мусульманские традиции как *Ораза* и *Айт*, которые действуют в определенное время года и обязательны к соблюдению верующими-мусульманами. *Ораза* – при наступлении этого праздника в мечети дают листок с датой, оповещающей с какое по какое число нужно держать пост, в течение которого запрещается употребление алкоголя, игра в азартные игры, чрезмерное питание. Пока держишь пост кушаешь либо рано утром, либо поздно вечером. *Айт* – при его наступлении обязательно надо звать гостей и готовить праздничное блюдо – щельпек – тонкие лепешки. *Наурыз* – Новый год, который означает наступления кочевья и перехода аула на новое более плодородное место, где они живут до наступления следующего года [437].

Важным элементом народных традиций и обычаев являются народные игры и развлечения. Игры во все времена имели огромное общественное значение. Возникновение их относится к далекой древности и в своем развитии они прошли ряд последовательно сменявшихся форм, соответствовавших общественным отношениям и хозяйственной деятельности народа. Игры и развлечения выполняли всегда общественные функции: воспитательные, военно-спортивные, ритуальные, зрелищно-эстетические, коммуникативные и др. Большую роль в культурной жизни казахов играли народные празднества, посвященные важнейшим событиям жизни — свадьбе, рождению ребенка, поминкам (ас) и др. Некоторые из них носили религиозный характер. На праздниках устраивались игры: скачки (байге), борьба джигитов-силачей (курсе), борьба всадников. Для участников игр назначались ценные призы. День Нового года (наурыз) казахи праздновали как начало весны. Народные празднества сопровождались музыкой и состязаниями акынов-импровизаторов (айтыс). Байга – скачка на средние дистанции (3, 6, 9 км.) является одним из древних и популярных видов состязаний. Байга проводилась на всех праздниках и была доступна всем желающим. Казахская байга устраивалась на ровной местности по замкнутому кругу. Скачки проходили на следующие дистанции: от 1,2 до 2 км. для лошадей не моложе 3-х лет (кунан байга), от 2,5

до 4,8 км для лошадей до 4-х лет (донен байга); от 5 до 8 км для лошадей в возрасте 5 лет и старше (собственно байга).[438].

Призы, в зависимости от количества наездников и материальных возможностей организаторов-спонсоров, были разными, в основном до 3–5 всадников. Кокпар тарту, известный как козлодранье. Происхождение кокпара, видимо, имеет несколько истоков: 1) участники игры изображают степных волков, нападающих на стада и уничтожающих их баранов; 2) возможно, что таким способом убегали прежде с добычей, так, наверное, раньше тюркские воины спасали от плена раненого батыра; 3) связана с борьбой фратрий за тушу тотемного животного [439].

О. Сулейменов в книге «Язык письма» рассматривает такую важную часть духовной культуры этноса как устная и письменная речь. О. Сулейменов выдвигает интересное предположение о том, что Орхон не является тюркской прародиной: «Если за прошедшие тринадцать бурных веков тюркские языки не изменились, что могло им помешать оставаться такими же еще тринадцать столетий до Орхона, и еще, и еще по тринадцати счастливых и несчастных веков? Очевидно, что на создание такой сверхпрочной грамматически-лексической системы, какой предстает язык текстов Орхона, потребовалось не одно тысячелетие».[440].

Т.о., О. Сулейменов подчеркивает, что тюркская письменная традиция насчитывает много веков и является уникальным культурным феноменом.

Л. Тараков в статье «Национальные меньшинства Казахстана: состояние и перспективы» отмечал, что «гармонизация межнациональных отношений с первых дней независимости объявлена стержнем всей внутренней политики государства. Мы не стремимся к ассимиляции всех в некий унифицированный единый народ и отвергаем любые формы искусственного выдавливания некоренного населения. Мы за то, чтобы каждая нация жила полнокровной жизнью, возрождала свои традиции, культуру, язык, чтобы все казахстанцы имели равные права и возможности независимо от нации и языка, ощущали себя гражданами суверенного Казахстана и гордились этим. Сегодня опыт нашей республики в этом отношении поддерживается и изучается в целом ряде стран Содружества и дальнего зарубежья» [441].

Т.о., подчеркивается такая важная часть менталитета, духовного облика казахского этноса как его толерантность к духовным ценностям других этносов. В этом же сборнике И.В. Ерофеева описала возможные варианты этнокультурного поведения русскоязычного населения республики: «Перед русским сегментом регионального социума возникают четыре возможных стратегии поведения: дальнейшая эмиграция; самоорганизация и создание структур, способных влиять на политику государства в сфере межэтнических взаимоотношений; культурная ассимиляция; этнокультурная автаркия, самоизоляция («окукливание»), понимаемая как своего рода индивидуально-психологическая эмиграция посредством ухода в неконкурентные сферы трудовой занятости, личная отчужденность от общегосударственных

культурных мероприятий и праздничных ритуалов, сужение круга дружеского общения до лиц одной этнической принадлежности и т.д.» [442].

Следует отметить, что стратегии поведения нетитульного населения Казахстана в современных условиях, перечисленные И.В. Ерофеевой, не вполне полны. Например, не рассмотрен такой вариант как интеграция разноэтнических культур в единый полиэтничный казахстанский социум. По мнению этнологов, «необходимо четкое осознание того, что целостность многонационального государства, каким является Казахстан, возможна лишь в условиях создания и сохранения чувства территории, общегосударственных символов, понимания необходимости совместного проживания и сотрудничества в общем, едином государстве представителей различных этносов» [443].

В 2004 г. изданы «Труды Центрального музея» РК. [444]. В этом сборнике представлен целый ряд научных статей, посвященных тем или иным аспектам духовной культуры казахского этноса. В 2004 г. был издан сборник научных статей «Традиционная культура казахов» под редакцией М.Ш. Омирбековой [445].

Тематика сборника охватывает вопросы становления и развития традиционной казахской культуры в таких аспектах как изобразительное и декоративно-прикладное искусство, ораторское искусство, музыка, театр, архитектура, современное искусство.

Известный казахстанский этнограф Артыкбаев Ж.О. в своей солидной монографии «Казахское общество: традиции и инновации» характеризует занятия, образ жизни и быт кочевников, отмечая, что «Кочевники разводили преимущественно грубошерстную и курдючную овцу. Они обеспечивали кочевников одеждой и пищей, являлись меновой и торговой единицей и главным товаром всей степной торговли. Крупные овцы давали до двух пудов мяса, до 1,5 пудов сала и 3 – 4 фунтов шерсти. Не менее важную роль в хозяйстве казахов играло коневодство. Казахские породы лошадей отличаются большой выносливостью и легко переносят условия круглогодичного выпаса. Из молока кобылиц готовят очень целебный напиток – кумыс, а самое главное – лошадь представляет собой основное средство передвижения для кочевника. В начале XIX века в Семиречье, на склонах Каратау, по реке Чу, Талас, Сырдарья, а также местами в Центральном Казахстане издавна существовали очаги ирригационного земледелия» [446].

Кроме земледелия и скотоводства, в Казахстане более или менее получили развитие охота, рыболовство, домашние промыслы и ремесла и бахчеводство. Также в данной монографии Ж.О. Артыкбаева отмечено, что «существовало несколько видов охоты, с ловчими птицами, охота загоном, охота с борзыми собаками. Рыболовство в Казахстане играло незначительную роль. Ими занимались обедневшие бедняки, осевшие по берегам рек и озер. Кроме того, ученый абсолютно прав в том, что: «Основным видом материального производства в Казахстане вплоть до последних десятилетий XIX века было

скотоводство. Как земледелие для оседлых обществ, так и скотоводство для кочевников являлось главным источником благосостояния и богатства. Образ жизни, обычаи и нравы – словом, вся жизнь и деятельность кочевников – казахов было тесно связана с вечными переездами. Но не следует представлять перекочевки как беспорядочное блуждание по степи» [447].

В 2004 г. была принята Государственная программа «Культурное наследие» на 2004-2006 гг. Одной из приоритетных целей данной программы являлось создание целостной системы изучения культурного наследия казахского народа. В рамках осуществления данной цели запланировано решение целого ряда конкретных задач. Для изучения наследия выдающихся ученых мыслителей прошлого, а также для выявления и приобретения рукописей раритетных изданий, книг и архивных документов, имеющих историческое значение в культурном наследии казахского народа, были организованы научно-исследовательские экспедиции для проведения работы в архивах и библиотеках ближнего и дальнего зарубежья.

Предусматривается проведение прикладных научных исследований историко-культурных, архитектурных и археологических памятников, имеющих особое значение для национальной культуры, в том числе в зонах заповедников - музеев, в целях их сохранения и музеефикации. В целях сохранения уникальных образцов документального наследия, а также для обеспечения возможности свободного доступа к ним необходимо продолжить изучение наследия выдающихся ученых, мыслителей прошлого, в т.ч. аль-Фараби, Ю. Баласагуна, М. Кашгари, С. Бакыргани, А. Югнеки, М. Дулати, К. Жалаири, З. Бабура и других. Также необходимо продолжить выявление, приобретение или изготовление копий рукописей, раритетных изданий и книг, среди которых: «Кодекс Куманикус», «Китаби Дедем Коркуд» (находятся в городах Дрездене и Ватикане), «Огуз-наме» (находится в Париже), «Бабыр-наме», «Мухаббат-наме» (находятся в Лондоне), «Кутадгу біліг» Ю. Баласагуна (г. Каир), и других памятников рукописи, имеющих историческое значение в культурном наследии казахского народа. Для обеспечения сохранности древних рукописей, книг и других источников необходимо создать Центр по выявлению и приобретению национальных книжных раритетов, а также реставрации книг и древних рукописей при Республиканской национальной библиотеке.

В целом духовная культура казахского этноса и Казахстана после обретения республикой государственной независимости получила значительные импульсы для своего развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенные нами аналитические изыскания истории становления и развития этнографической науки в Казахстане позволяют выделить главным образом ряд важнейших периодов.

1. Исторические истоки этнографической науки в Казахстане восходят к эпохе средневековья, когда в масштабе среднеазиатско - казахстанской территории начали развиваться общие научные представления о духовном мире, традициях и культурах народов этого региона. Для насельников Казахстана важным элементом духовной жизни всегда являлся народный фольклор. Устное народнопоэтическое творчество казахов, уходящее своими корнями в глубокую древность, в этническую историю народа, представлено различными жанрами: героическими сказаниями, лирико-эпическими поэмами, преданиями, легендами, созданными преимущественно на основе пережитых народом исторических событий. Они отражают исторические судьбы народа, его мудрость, отношение ко всему окружающему миру. Казахский фольклор уникален, он включает в себя свыше сорока жанровых разновидностей, значительная часть которых характерна только для казахского устного народного творчества.

Роль устного творчества определяется и тем немаловажным обстоятельством, что значительная часть имевших место ранее этнографических реалий (явлений материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта и т.д.), со временем перестают существовать как факт объективной действительности, но еще сравнительно долгое время продолжают отражаться в устном народном фольклоре. Именно это обуславливает его место и значение как ценного этнографического источника. То есть, мы должны подчеркнуть, что устное фольклорно- мифологическое творчество казахского народа не только является специфическим выражением всей глубины и богатства духовной культуры данного этноса, но также выступает как ценный и незаменимый историко-этнографический источник. Наряду с устным народным творчеством на территории Казахстана бытовала письменная литература в виде поэзии. К великому сожалению, волны завоеваний, уничтожали культурные ценности, обрекая людей на историческое беспомыслие.

Сохранившиеся памятники пиктографического картинно-синкретического письма, идеограмм, древнетюркской рунической письменности требуют досконального изучения. После принятия мусульманства на территории Казахстана распространяется арабская письменность. Сохранившиеся памятники пиктографического картинно-синкретического письма, идеограмм, древнетюркской рунической письменности требуют досконального изучения. Находки такой письменности

на черепках глиняной посуды в виде изречений из Корана, благопожелательных надписей на керамических и бронзовых сосудах были сделаны при раскопках средневековых городов.

Одним из центров оседлой цивилизации Центральной Азии был город Отрар (Фараб) давший миру целую плеяду замечательных мыслителей, ученых, литераторов, общественных деятелей. Среди них такие крупные фигуры как Абу Наср аль-Фараби, Аббас Джаухури, Исмаил Джаухури, Иссах аль-Фараби и др, широко известные как непосредственно в регионе Центральной Азии, так и далеко за её пределами. Среди тех, кто оставил первые значительные сведения по этнографии казахского народа следует назвать такого мыслителя средневековья как Кадыргали Хошум Жалаир (Жалаири), который написал свою версию известного труда по истории восточных народов как «Джами ат-таварих».

В XVI-XVII вв. сведения по этнографии казахского народа щедро разбросаны по таким известным ныне источникам как «Бабур-намэ» (1520), «Хабиб-ас-сийар» (1523), «Джахан-ара» (1564), «Тарих-и-Рашиди» (1541-1547), «Шайбани-намэ» (XVI в.), «Тарих-и-Хайдари» (1611), «Абдаллах-намэ» (начало XVII в.), «Шаджара-и-турк» (1660) и т.д. Их изучение послужило делу развитию этнографии казахов.

То есть, письменные источники истории Центральной Азии наглядно показывают всю сложность и неоднозначность этносоциальных и этнокультурных процессов в регионе в эпоху развитого средневековья. В данных источниках отражаются те этнографические сведения, которые помогают восстановить истоки этнокультурной традиции региона. Следует отметить, что письменное наследие Центральной Азии еще необходимо исследовать и извлекать из него ценные сведения по истории, культуре, этнографии народов регионального масштаба.

2. Развитие национальной этнографии в качестве самостоятельного раздела науки охватывают период с 1940 до начала 1990 гг.

К началу 1940-ых гг. общее число Институтов Казахского филиала Академии наук СССР выросло с одного до пятнадцати. С началом Великой Отечественной войны развитие этнографии казахского народа несколько замедлилось, но не прекратилось. В 1946 г. было организовано ведущее этнографическое научное учреждение Казахстана – Институт истории, археологии и этнографии в системе Академии наук Казахстана. Уже в самом названии Института истории и этнографии была обозначена одна из главных его научных задач – изучение этнографии, то есть хозяйства, быта, материальной и духовной культуры, как казахского этноса, так и других этносов и этнических групп, населяющих республику.

В целом период 1940-1980-х гг. для казахской этнографии был характерен тем, что в это период сложились все основные научные направления, по которым были изданы научные труды – фундаментальные монографии, брошюры, много научных статей в сборниках и журналах. В 1990 г. в Алма-Ате

состоялась традиционная Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988-1989 гг. На ней собрался весь цвет этнографической науки всего бывшего СССР: Москва, Ленинград, все союзные республики, зарубежные гости. Работали секции по этногенезу, этническим процессам, материальной и духовной культуре, и даже секция «Этнические конфликты и оперативная этнология».

Так уж получилось, что данная этнографическая сессия подвела своеобразный итог советскому периоду развитию этнологической науки в Казахстане, как и на всем пространстве бывшего СССР. Начинался принципиально новый этап развития казахской этнологии – науки периода национальной независимости.

3. Начиная с 1990-х годов этнография Казахстана становится полноценной этнологией казахского народа (1991-2011 гг.). Независимость Казахстана – это историческое достижение, благодаря которому стали развиваться многие стороны общественной жизни, в том числе – наука. В особенности это касается сферы гуманитарных наук, изучающих различные аспекты духовной жизни общества, его историю, культуру, самосознание. В этом ряду большое место принадлежит этнологии во всех ее аспектах – изучении этногенеза и этнической истории, материальной и духовной культуры казахского народа. В целом следует отметить, что период с 1991г явился периодом очень бурного и многогранного развития казахской этнологической науки. Современная этнологическая наука Казахстана находится на этапе подъема. По-прежнему её ведущим центром остается Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, но этнологическая наука развивается и в региональных центрах. В целом, роль Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, в подготовке высококвалифицированных кадров ученых-этнографов Казахстана трудно переоценить. Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова продолжает сохранять свой научный вес и авторитет, как в Казахстане, так и на международной арене именно как один из ведущих центров подготовки кадров высшей квалификации- кандидатов и докторов наук.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тишков В.А. Этнология и политика. Статьи 1989-2004 годов. - М.: Наука, 2005. Изд. 2-е, доп. – С. 22.
2. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. - М.: Высшая школа. - 1978 - С. 6.
3. Валиханов.Ч.Ч. Собр соч. в 5-ти т. -Алма-Ата: Наука, 1961. - Т. 1. – 777 с.
4. Потанин Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина. - Пг., 1917. – 220 с.
5. Казахская народная поэзия. Из образцов, собранных и записанных А.А. Диваевым. - Алма-Ата: Наука, 1964. – 225 с.
6. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. - Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.
7. Джаныбеков У. Эхо. По следам легенды о золотой домбре. – Алматы: Онер, 1991. - 301с.
8. Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. - Алматы: Дайк-Пресс, 2001. - 172 с.
9. Преображенский П. Курс этнологии. - М.-Л.: Госиздат, 1929. – 214 с.; Основы этнографии. - М.: Госиздат, 1968. – 318 с.; Итс Р.Ф. Введение в этнографию. - Л.: Наука, 1974. – 160 с.; Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. – 1977. - № 1. – С. 20-24;
- 10.Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. - Л.: ЛУ, 1925. – 318 с.
- 11.Соколовский С. Парадигмы этнологических знаний // Этнографическое обозрение. - 1994. - № 2. – С. 3-17; Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Республика, 1994. – 528 с.Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков. Размышления и поиски. Алматы, 2000. Том 1. и Том 2.
12. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство в 3-х томах. Алматы, 1986. – т. 1. - 176 с.; 1987. – т. 2. - 211 с.; 1994. – т. 3. - 193 с.
- 13.Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966. - 336 с.
- 14.Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза Алма-Ата, 1974. - 200 с.
- 15.Исмагулов О. Этническая антропология Казахстана. Алма-Ата, 1982. - 211 с.
16. Шалекенов У.Х. Элем халыктарының этнографиясы. – Алматы: Санат, 1994. – 207 б.; Муканов М.С., Аргынбаев Х., Козыбаев М.К. Казахи. Историко-этнологическое исследование. – Алматы: Қазақстан, 1995. - 350 с.; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. – Алматы-Москва: Социнвест горизонт, 1995. - 320 с.; Абель Е.А. Этногенез казахов. Опыт системного подхода. – Алматы, 1998. – 180 с. и т.д.
- 17.Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата: Наука, 1966. - 322 с.

18. Очерки общей этнографии Азиатской части СССР. - М.: Наука, 1960. - С. 252.
19. Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. - Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 162.
20. Н.Ильминский Очерки киргизского наречия. Ташкент, 1909. С.3.
21. Фалев П.А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. - Ташкент, 1922. - С. 10-11.
22. Там же. С. 12-13.
23. Муканов М.С. Образование и деятельность Отдела Этнологии (Этнографии) // ЦГА РУз. Ф-2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 234.
24. Балапанова А.С. Проблемы истории и культуры казахов по материалам героического эпоса: историко-статистический анализ (на примере эпоса «Кобланды - батыр» и др.): Автореф. дисс. ... к.и.н.- Алматы, 1999. - С. 3.
25. Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. - Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 5.
26. Там же. С. 18.
27. Маргулан А.Х. Собр. соч. в пяти томах. - Алма-Ата: Наука, 1984. - Т.1. - С. 61.
28. Маргулан А.Х. О характере исторической обусловленности казахского эпоса // Изв. Казахского филиала АН СССР. – Сер. историческая. - 1946. - № 2. - С. 75.
29. Маргулан Алькей Хаканович. Материалы к биобиблиографии ученых Казахстана. - Павлодар, 2004. - С. 46.
30. Там же. - С. 47.
31. Там же. - С. 53.
32. Марғулан Ә.Х. Ежелгі жыр аңыздары. –Алматы: Жазушы, 1985. – 220 б.
33. ЦГА РУз. Ф-34. Описание 1. Дело 421. Л. 64.
34. Очерки общей этнографии Азиатской части СССР. - М.: Наука, 1960. - С. 252.
35. Каскабасов С.А. Некоторые особенности казахской волшебной сказки // Известия АН КазССР. - Серия общественная. - 1967. - № 5. - С. 79.
36. Там же. С. 80.
37. Там же. С.81.
38. Веселовский А. Собр. соч. - М.: Наука, 1913. - Т. 1. - С. 37.
39. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы: Атамура, 1996. - Т.1. - С. 320.
40. Сәдібеков З. Қазақ шежіресі. – Ташкент: Өзбекстан, 1994. - С. 84.
41. Мадуанов С., Шалекенов М.У. История взаимоотношений народов Туркестана в XVIII – начале XX вв. - Туркестан, 2000. - С. 215-216.
42. Молдобаев И.Б. Изучение истории духовной культуры киргизского народа // Чокан Валиханов и современность. Сборник материалов научной конференции «Маргулановские чтения». - Алма-Ата: Наука, 1988. - С. 163-164.

43. Сатпаева Ш.К. Изучение восточных связей казахской литературы
// Литературоведение и история. Тезисы докладов и сообщений.
– Ташкент: Фан, 1980. - С.11.
44. Тулеубаева С.А. К вопросу о сказочной традиции казахов и арабов (на примере сюжетов казахского фольклора, заимствованных из «1001 ночи»)
// Шығыс. - 2004. - № 1. - С. 268.
45. Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление.
- Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 11.
46. ЦГА РУз. Ф. 2231 (личный фонд Н.Г. Маллицкого), оп. 1, д. 49, л. 59.
47. Каскабасов С. К. Казахская волшебная сказка. - Алма-Ата: Наука, 1972. - С. 188.
48. Шалекенов М.У. Социально-экономическая и культурная жизнь Южного Казахстана во второй половине XIX–начале XX вв.: Автореф. дис. ... к.и.н. - Фрунзе, 1987. - С. 19-20.
49. Мадуанов С., Шалекенов М.У. История взаимоотношений народов Туркестана в XVIII – начале XX вв. - Туркестан, 2000. - С. 215-216.
50. Жирмунский В.М. Вопросы изучения эпоса народов СССР. - М.: Наука, 1958. - С. 36.
51. Там же. - С. 37.
52. Шалекенов М.У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII–XIX вв. – Алматы: Ғылым, 1995. - С. 149.
53. ЦГА РУз. Ф. 2231 (личный фонд Н.Г. Маллицкого), опись 1, д. 49, л. 59.
54. Там же. Опись 1, д. 49, л. 60.
55. Досмұхамедұлы Х. Таңдамалы шығармалар. – Алматы: Ана тілі, 1998. - С. 114.
56. Там же. - С. 115.
57. Тугушева Л.Ю. Поэтические памятники древних уйгуров
// Тюркологический сборник. - 1972. - М.: Наука, 1973. - С. 236-237.
58. Очерки общей этнографии Азиатской части СССР. - М.: Наука, 1960. - С. 252.
59. Народы Средней Азии и Казахстана. - М.: Наука, 1963. - Т.2. - С. 477-478.
60. Казахская литература. Героический эпос. - Алма-Ата: Наука, 1987.
– С. 44.
61. Там же. С. 46.
62. Мадуанов С., Шалекенов М.У. История взаимоотношений народов Туркестана в XVIII – начале XX вв. - Туркестан, 2000. - С. 216.
63. Народы Средней Азии и Казахстана. - М.: Наука, 1963. - Т.2. - С. 477.
64. Там же. С. 478.
65. Масальский В.И. Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. - СПб., 1913. - Т. 19.
- С. 369-370.
66. Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров.
– Алматы: Дайкпресс, 2005. - С. 10.

67. Там же. С. 297
68. Токтабай А.У. Культ коня у казахов. – Алматы: Казиздат -КТ, 2004. - С. 31.
69. Джаленов К. Киргизские школы // Наука и просвещение. - Ташкент, 1922. - № 2. - С. 27.
70. Радлов В. Из Сибири.- М., 1989. - С. 332.
71. Там же. С. 333.
72. Какишев Т. О роли народной эстетики в зарождении критики // Литературоведение и история. Тезисы докладов и сообщений. – Ташкент: Фан, 1980. - С. 36.
73. Калыбекова А. Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. – Алматы: Баур, 2005. – 350 с.
74. Алимбаев Н. А. Теоретическая оценка работ Ч.Валиханова по этнической культуре казахов // Чокан Валиханов и современность. Сборник материалов научной конференции «Маргулановские чтения». - Алма-Ата: Наука, 1988. - С. 201.
75. Валиханов Ч.Ч. Собр соч. в 5-ти т. -Алма-Ата: Наука, 1961. - Т. 1. – С. 347.
76. Курылев В.П. Чокан Валиханов – этнограф // Чокан Валиханов и современность. Сборник материалов научной конференции «Маргулановские чтения». - Алма-Ата: Наука, 1988. - С. 54.
77. Кыдырбаева Р. Значение работ Чокана Валиханова для развития киргизской фольклористики // Чокан Валиханов и современность. «Маргулановские чтения». - Алма-Ата: Наука, 1988. - С. 164.
78. Валиханов Ч.Ч. Собр соч. в 5-ти т. -Алма-Ата: Наука, 1961. - Т. 1. – С. 388.
79. Кыз-Жибек // Казахский эпос. / Под ред. И. Сельвинского. - Алма-Ата: Наука, 1958. – 212 с.; Кыз-Жибек //Тексты и переводы. Под ред. Н.С. Смирновой, М.Г. Гумаровой. - Алма-Ата: Наука, 1963.-260 с.
80. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. - СПб., 1895. - С. 483.
81. Шалекенов М.У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII–XIX вв. – Алматы: Ғылым, 1995. - С. 150.
82. Турсунов Е.Д. Акыны и баксы – древнейшие из фольклорных типов // Рух-Мирас. - 2004. - № 1. - С. 46-51.
83. Очерки общей этнографии Азиатской части СССР. - М.: Наука, 1960. - С. 252-254.
84. Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. - Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 18.
85. Дербисалин А. К истокам жанра толгау // Литературоведение и история. Тезисы докладов и сообщений. - Ташкент, 1980. - С.103.
86. Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. - Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 19.
87. Бес ғасыр жырылайды. - Алматы: Жазушы, 1989. - Т. I. - С. 384.

88. Мың бір маржан (Қара өлең табиғаты) / Ғылыми түсініктемесін жазып, қара өлең нұсқаларын жинап, құрастырған. А. Сейдімбеков. - Алматы: Өнер, 1989. – Б. 5-35.
89. Досмұхамедұлы Х. Таңдамалы шығармалар. – Алматы: Ана тілі, 1998. - С. 133.
90. Каскабасов С. Архаика в быту и фольклоре казахов // Труды Центрального музея. - Алматы, 2004. - Т. 1. - С. 161.
91. Бердыбаев Р. Мухтар Ауэзов – фольклорист // Литературоведение и история. Тезисы докладов и сообщений. – Ташкент: Фан, 1980. - С. 140.
92. Ильясова Г.С. Из истории фольклорного наследия казахского народа // Материалы Международной научно-теоретической конференции «Валихановские чтения - 10». - Кокшетау, 2005. - Т.1. - С. 130.
93. Әуезов М. Әдебиет туралы. – Алматы: Санат, 1997. - С.5.
94. Мусабаев Г., Махмутов А., Айдаров Г. Эпиграфика Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1971. - Выпуск 1. - 172 с; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. - М.: Наука, 1964. - 210 с. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М.: Изд-во восточная литература, 1961. - 205 с
96. Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. – Ташкент: Фан, 2003. - С. 13.
97. Иностранцев К. Коркыт в истории и легенде // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. - СПб, 1912. -Т. 20. - С. 40.
98. Косанбаев С.К. О казахской нации: историко-этнографический аспект // Вестник МКТУ им. А. Яссави. - 2003. - № 3. - С. 104-106.
99. Аль-Фараби. Философские трактаты. - Алма-Ата: Наука, 1972. - С. 156.
100. Там же. С. - С. 109-110.
101. Григорьев В.В. Об арабском путешественнике X в. Абу-Долеф и странствовании его по Средней Азии. - СПб., 1872. - С. 30-31.
102. Там же. С. 35.
103. Об исследованиях Н. Н. Балкашина касательно Киргизской орды // Известия РГО. - СПб., 1882. – Том.18. - Вып. 4. - С. 255.
104. Алексеенко Н.В. Хранители памяти. -Алма-Ата: Қазақстан, 1988. -210 с.
105. Шаниязов К. Этнографические материалы в трудах Беруни / Беруни и гуманитарные науки. Сб. ст. - Ташкент, 1972. - С. 119.
106. Там же. С. 120.
107. Там же. С. 122.
108. Абу Райхан Беруни. Памятники минувших поколений / Беруни. Избранные произведения. - Ташкент, 1957. - Т.1. - С. 257.
109. Шаниязов К. Этнографические материалы в трудах Беруни / Беруни и гуманитарные науки. Сб. ст. - Ташкент, 1972. - С. 124.

110. Абу Райхан Беруни. Памятники минувших поколений / Беруни. Избранные произведения. - Ташкент, 1957. - Т.1. - С. 228
111. Там же. С. 229.
112. Шаниязов К. Этнографические материалы в трудах Беруни / Беруни и гуманитарные науки. Сб. ст. - Ташкент, 1972. - С. 124.
113. Мұстафина Р. Тасаттық // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. – Алматы: Арыс, 2005. - I том 234б.
114. Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса «Манас» / Киргизский героический эпос «Манас». - М.: Наука, 1961. - С. 169-170.
115. Махмуд Кашгари. Девони луготит турк. – Ташкент: Фан, 1963. - Т.3. - С. 458-459.
116. Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1960. - Т. 6. - С.84
117. Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1960. - Т. 6. - С.84.
118. Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1960. - Т. 6.
119. Махмуд Кашгари. Девони луготит турк. – Ташкент: Фан, 1963. - Т.3. - С. 460.
120. Там же. - С. 461.
121. Там же. С. 463.
122. Там же. С. 465.
123. Ахмедов Б.А. Значение письменных источников в изучении этнической истории народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - М.: ИЭ АН СССР. - 1990. - Вып. 1. История и археология. - С. 63-73.
124. Шәлекенов У.Х. Түріктердің отырықшы өркениеті. – Алматы: Жібек жолы, 2002. - С. 162.
125. Шәлекенов У.Х. V-XIII ғасырлардығы Баласағұн қаласы. - Алматы: Жібек жолы, 2006.
126. Баласагунский Ю. Наука быть счастливым / Перевод Н. Гребнева. - М.: Наука, 1971. - 182 с.
127. Баласагуни Ю. Кутадгу билиг. / Перевод К. Керимова. – Ташкент: Фан, 1996. - 185 с.
128. Баласагунский Ю. Благодатное знание. / Перевод С.Н. Иванова. - М.: Наука, 1983. - 200 с.
129. Баласагын Ж. Кутадгу билик. / Перевод А. Егеубаева. - Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 616 с.
130. Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. – Ташкент: Фан, 2003. - С. 45-46.
131. Там же. С. 47.
132. Там же. С. 48.
133. Там же. С. 56.

134. Там же. С. 58.
135. Там же. С. 59.
136. Там же. С. 60.
137. Там же. С. 96.
138. Там же. С. 98.
139. Там же. С. 99.
140. Там же. С. 100.
141. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. – Москва: Наука, 1982. – С. 26.
142. Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий: к вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии / Казахстан в эпоху феодализма. – Алма-Ата: Наука, 1981. - С. 63-78.
143. Абрамзон С.М., Потапов Л.Н. Народная этногония как один источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) // Советская этнография. - 1975. - № 6. – С. 107.
144. Мухаммед Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. – Алматы: Санат, 1999. - С. 627-628.
145. Абрамзон С.М., Потапов Л.Н. Народная этногония как один источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) // Советская этнография. - 1975. - № 6. – С. 107.
146. Абрамзон С.М. Предметы культа казахов, киргизов и каракалпаков // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - Л., 1978. - Сб. МАЭ. - Вып. 34. - С.31.
146. Там же. С.45.
147. Там же. С. 47.
148. Кадыргали Хошум Жалаири. Сборник летописей. / Изд. И.Н. Березина. Библиотека восточных историков. - Казань, 1854. - Т.2. - Ч.1. - 550 с.
149. Валиханов.Ч.Ч. Собр соч. в 5-ти т. -Алма-Ата: Наука, 1961. - Т. 1. – С. 216-217.
150. Поэты пяти веков. Казахская поэзия XV–начала XX веков. - Алматы, 1993. - С. 66.
151. Юсупова Д.Ю. Жизнь и труды Хондамира. – Ташкент: Фан, 2006. - С. 217.
152. ЦГА РУз. Ф. 2678. Оп.1. Д. 594. Л. 17-18.
153. Дербісалиев Ә. Қазақ даласының жұлдыздары. – Алматы: Рауан, 1992. – 240 б.
154. Биобиблиография обществоведов Казахстана. - Алма-Ата, 1986. – С. 175.
155. Захарова И.В. Этнографические работы в Казахстане в 1920-1950-х годах // ЦГА РУЗ. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 205.
156. Муканов М.С. Образование и деятельность Отдела Этнологии (Этнографии) // ЦГА РУЗ. Ф-2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 217.

157. Там же. Л. 218.
158. Там же. Л. 219.
159. Чебоксаров Н.Н. Комплексная антрополого-этнографическая экспедиция в Казахстане // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. - М., 1949. - Вып VI.
160. Жиренчин А.М. Проблема этнографии и задачи музеев Казахстана // Вестник АН КазССР. - 1949, № 11; Жиренчин А.М. Работа научной экспедиции Центрального музея Казахстана в 1947 г. // Вестник АН КазССР. - 1948. - № 2.
161. Муканов М.С. Образование и деятельность Отдела Этнологии (Этнографии) // ЦГА РУЗ. Ф-2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 220.
162. Сабитов Н.С. Об этнографической экспедиции 1949-1950 гг. по изучению культуры и быта казахского колхозного аула // Известия АН КазССР. - Серия историческая. - Алма-Ата, 1949. - Вып. 5. - С. 73.
163. Захарова И.В. Материальная культура уйгуров Советского Союза: Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1952. - 25 с.
164. Муканов М.С. Образование и деятельность Отдела Этнологии (Этнографии) // ЦГА РУЗ. Ф-2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 219.
165. Корбе О.А., Махова Е.И. Декоративное искусство колхозников Казахстана // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. - М., 1950. - Вып. 9. - С. 44-59.
166. Ходжаева Р.Д. Общественный и домашний быт уйгурской женщины Казахстана: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Л., 1953. - 28 с.
167. Востров В.В. Культура и быт казахского колхозного аула (По материалам Джаныбекского района Западно-Казахстанской области Казахской ССР): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Л., 1953. - 23 с.
168. Косанбаев С.К. История изучения этнологии казахов (XVIII-1940-х гг. XX в.). - Ташкент, 2002. - С.162.
169. Валиханов Г.Н. Современный быт казахского колхозного аула: Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1952.
170. Там же. С. 7.
171. Шалекенов У.Х. Библиографический указатель - Алматы, 2004. - С. 21-22.
172. Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношения народов Каракалпакстана в XVIII – XX вв. - Ташкент: Фан, 1966. - 336 с.
173. Шалекенов У.Х. Жилище каракалпакского колхозного крестьянства // КСИЭ АН СССР. - М., 1958. - Т. 28. - С. 47.
174. Там же. С. 48.
175. Шалекенов У.Х. Быт каракалпакского крестьянства в Чимбайском районе в прошлом и настоящем // Труды ХАЭЭ. - М., 1958. - Т. 3. - С. 269-370.

176. Шалекенов У.Х. Библиографический указатель - Алматы, 2004. – С. 22-23.
177. Муканов М.С. Образование и деятельность Отдела Этнологии (Этнографии) // ЦГА РУЗ. Ф-2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 223.
178. Масанов Э.А. Домашние промыслы и ремесла казахского народа в конце XIX-начале XX вв. (По материалам Северных областей Казахстана): Автореферат дисс. ... к.и.н. - М., 1958.
179. Захарова И.В. Этнографическая работа в Казахстане в 1920-1950-х годах // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий: Сб. научных трудов. - Омск, 1998. - С. 17.
180. Жданко Т.А. Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. - М. - Л.: Наука, 1961. - С. 12.
181. Востров В.В. К истории развития оседлого жилища у казахов // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. - М. – Л.: Наука, 1961. - С. 182.
182. Андрианов Б.В. Карта народов Средней Азии и Казахстана // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. - М. – Л.: Наука, 1961. - С. 19.
183. Андрианов Б.В. Раздел «Земледелие и ирригация» в историко-этнографическом атласе Средней Азии и Казахстана // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. – М.– Л.: Наука, 1961. - С. 139.
184. Васильева Г.П., Махова Е.И. Программа сбора материала по жилищу сельского населения Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа // Материалы к историко- этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. - М. – Л.: Наука, 1961. - С. 128-130.
185. Махова Е.И., Русяйкина С.П. Программа сбора материала по одежде народов Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа // Материалы к историко- этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. - М. – Л.: Наука, 1961. - С. 103-108.
186. Шалекенов У.Х. К вопросу о взаимоотношениях казахских племен с оседлым и полuosедлым населением Хорезма в XVIII-XIX вв. - М.: Наука, 1964. - С. 8.
187. Маргулан А.Х. Казахская юрта и её убранство. - М. Наука, 1964. - С. 1.
188. Масанов Э.А. Из истории этнографического изучения казахского народа в России (XV – XVII вв.). - М.: Наука. - 1964. - С. 9.
189. Исмагулов О. Процесс становления антропологического типа казахов в связи с проблемами этногенеза. - М., 1964. - С. 1.
190. Там же. С. 6.
191. Исмагулов О. Академик К.И. Сатпаев и антропология Казахстана // Краеведение (Павлодар). - 2004. - № 2. - С. 40.

192. Исмагулов О. Проблемы формирования антропологического типа казахов по данным краниологии древнего и современного населения Казахстана: Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1965. – 28 с.
193. Толеубаев А. Пережитки домусульманских верований и обрядов в семейном быту казахов конца XIX – начала XX века (по материалам Восточного Казахстана): Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1979. -30 с.
194. Там же. С. 27.
195. Исмагулов О. Этническая антропология Казахстана: Соматологическое исследование: Автореф. дисс. ... д.и.н. - М., 1982. – 50 с.
196. Исмагулов О. Этническая антропология Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1982. – 211 с.
197. Исмагулов О. Характеристика локальных типов южносибирской расы на основе антропологических материалов по казахам // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. - М., 1985. - С.140-144.
198. Мансурова Ж.Ю. Хозяйство казахов Малого и Среднего жуза во второй половине XVIII – начале XIX вв.: Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1984. – С. 4.
199. Там же. С. 15.
200. Мансурова Ж.Ю. Хозяйство казахов Малого и Среднего жуза во второй половине XVIII – начале XIX вв.: Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1984. – С. 23
201. Тохтабаева Ш.З. Казахские народные женские ювелирные украшения XVIII- XX вв.: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Л., 1984. - С. 3.
202. Там же. С. 22.
203. Проваторова О.М. Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Л., 1986. - С. 14.
204. 70 лет Казахскому Национальному университету им. Аль-Фараби. - Алматы, 2004. - С. 84-85.
205. Шаханова Н.Ж. Традиционная пища казахов как историко-этнографический источник (по материалам кочевых и полукочевых групп): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Л., 1987. – С. 2.
206. Муканов М.С. Женские художественные промыслы казахов (Историко-этнографическое исследование): Автореф. дисс. ... д.и.н. - М., 1987. - С. 3.
207. Там же. С. 42.
208. Сихымбаева К.Б. Одонтологические и дерматоглифические исследования казахов Западного Казахстана: Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1988.
209. Ажигалиев С.И. Традиционные погребально-культовые сооружения Западного Казахстана как историко-этнографический источник: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Л., 1989. - С. 21.
210. Калышев А.Б. Культура и быт современного сельского населения Павлодарского Прииртышья: Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1989. - С. 23.

211. Есмагамбетов К.Л. Историко-этнографическое исследование дореволюционного Казахстана в Англии и США: Дисс. в форме научного доклада. - М., 1990. - С. 25.
212. Там же. С. 7-8.
213. Мустафина Р.М. Особенности бытового ислама у казахов Южного Казахстана (конец XIX – начало XX века): Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1990. - С. 25.
214. Басилов В.И. Исламизированное шаманство народов Средней Азии и Казахстана: Автореф. дисс. ... д.и.н. - М., 1991. - С. 6.
215. Там же. С. 8.
216. Масанов Н.Э. Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические проблемы номадизма: Автореф. дисс. ... д.и.н. - М., 1991. – 47 с.
217. Там же. С. 4.
218. Наумова О.Б. Современные этнокультурные процессы у казахов в многонациональных районах Казахстана: Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1991. -24 с.
219. Там же. С. 25.
220. Джанибеков У. Проблемы традиционного искусства казахов в историко-этнографическом аспекте: Автореф. дисс. ... к.и.н. - М., 1991. – 25 с.
221. Маргулан Алькей Хаканович. Материалы к биобиблиографии ученых Казахстана. - Павлодар, 2004. - С. 40.
222. Муканов М.С. Образование и деятельность Отдела Этнологии (Этнографии) // ЦГА РУз. Ф-2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 215.
223. Исмагулов О. Академик К.И. Сатпаев и антропология Казахстана // Краеведение (Павлодар). - 2004. - № 2. - С. 38.
224. Сатпаев К.И. Академия наук Казахстана к сорокалетию Великого Октября // Наука в Казахстане за сорок лет Советской власти. - Алма-Ата, 1957.
225. ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 225.
226. Там же. Л. 223.
227. Там же. Л. 224.
228. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата: Наука, 1966. - С. 307.
229. ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 225об.
230. Сабитов Н.С. Об итогах работы этнографической экспедиции 1946 г. Сектора этнографии // Известия АН КазССР. - Серия историческая. – 1948. - Вып. 4; Сабитов Н.С. Некоторые итоги этнографического изучения восточных и юго-восточных областей Казахстана // Вестник АН КазССР. – 1949. - № 8.
231. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Востоковедение в Казахстане // Востоковедные центры в СССР. - М.: Наука, 1989. – С. 75.

232. Косанбаев С.К. История изучения этнологии казахов (XVIII-1940-х гг. XX в.). - Ташкент, 2002. - С.163.
233. ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 228.
234. Там же. Л. 229
235. Там же . Л. 229 об.
236. ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 230.
237. ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 230 об.
238. Задачи краеведческих музеев Казахстана. - Алма-Ата, 1950.
239. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Востоковедение в Казахстане // Востоковедные центры в СССР. - М.: Наука, 1989. – С. 76.
240. Киреев Ф., Зимин Н.К. История торговых и дипломатических взаимоотношений дореволюционного Казахстана с другими странами (Обзор архивов) // Известия Казфилиала АН СССР. - Серия историческая. – 1946. - № 27.
241. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата: Наука, 1966. - С. 311.
242. ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 231.
243. Маргулан Алькей Хаканович. Материалы к биобиблиографии ученых Казахстана. – Павлодар, 2004. - С. 51.
244. Муканов М.С. Труды Чокана Валиханова в исследованиях А.Х. Маргулана // Чокан Валиханов и современность. - Алма-Ата, 1988. - С. 208.
245. Жизнь, посвященная мечте. Методико – библиографическое пособие, посвященное Алькею Хакановичу Маргулану. - Алматы, 2005. – 75 с.
246. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Востоковедение в Казахстане // Востоковедные центры в СССР. - М.: Наука, 1989. – С. 76.
247. Шахматов В.Ф. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане // Вестник АН КазССР. – 1951. - № 7; Шахматов В.Ф. О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX в. // Вестник АН КазССР. - 1951. - № 11; Васильева Г.П., Жданко Т.А. Актуальные вопросы дооктябрьской истории народов Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. – 1954. - № 2; Толыбеков С.Е. О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов // Вестник АН КазССР. -1955. - № 8 (77); Толыбеков С.Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // Вопросы истории. - 1955. - № 1;
248. Зиманов С.З., Еренов А. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане // Труды Алма-Атинского юридического института. - Алма-Ата, 1955. - Т.1.; Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. - Ташкент, 1955. Жданко Т.А. Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. - 1955.- № 3.

249. ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 233.
250. Там же. Л. 234.
251. Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. - М., 1961. – 198 с.
252. ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 235.
253. Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Состояние и задачи изучения этнографии Казахстана // Советская этнография. - 1960. - № 2. - С. 180.
254. Масанов Э.А. Некоторые итоги этнографических экспедиций 1959-1960 гг. // Известия АН КазССР. - 1961. - Вып. 2. С. 124.
255. Исмагулов О.С. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). - Алма-Ата, 1970 и др. Исмагулов О. Взаимоотношение между народами Средней Азии и Казахстана по данным серологии // Вестник АН КазССР. - 1970. № 3.
256. Исмагулов О. Этническая география Казахстана (серологические исследования). - Алма-Ата, 1977. – 160 с. 256.
257. Исмагулов О. Антропологическая характеристика усуней Семиречья // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. - 1962. - Т. 16; Исмагулов О.С. Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии // Труды Института этнографии АН СССР. - Новая серия. - М., 1963. - Т. 82;
258. Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношения народов Каракалпакстана в XVIII – XX вв. - Ташкент: Фан, 1966. – 336 с.
259. Шалекенов У.Х. Быт каракалпакского крестьянства в Чимбайском районе в прошлом и настоящем // Труды ХАЭЭ. - М., 1958. - Т. 3. - С. 269-370.
260. Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. - Алма-Ата, 1972. – 23 с.
261. Там же. С. 34.
262. Там же. С. 38.
263. Там же. С. 43.
264. Там же. С. 56.
265. Арғынбаев Х. Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи-этнографиялық шолу). - Алматы, 1973. – 128 б.
266. ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 227.
267. Махмутов А. Как возник древнетюркский алфавит // Исследования по тюркологии. - Алма-Ата, 1969. – 156 с.
268. Кауанова Х.А. Материальная культура, семья и семейный быт казахских рабочих Карагандинского угольного бассейна: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алма-Ата, 1971. - С. 31.
269. Муқанов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алма-Ата, 1972. - С. 24-25.

270. Акатаев С.-К.Н. Культ предков у казахов и его этногенетические и историко-культурные истоки (из истории народной духовной культуры казахов): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алма-Ата, 1973. - С. 3.
271. Там же. С. 33.
272. ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 231.
273. Аргынбаев Х.А. Семья и брак у казахов: Автореф. дисс. ... д.и.н. - Алма-Ата, 1975. - С. 124.
274. Кыдыралин У.С. Культура и быт казахов дореволюционного Мангышлака: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алма-Ата, 1975. - С. 35.
275. Муканов М.С. Образование и деятельность Отдела Этнологии (Этнографии) // ЦГА РУз. Ф-2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 232.
276. Казахские ювелирные украшения / Предисловие Тохтабаевой Ш. - Алма-Ата: Наука, 1985. – 183 с.
277. Исмагулов О., Сихимбаева К.Б. Этническая одонтология Казахстана. - Алма-Ата, 1989. - 240 с.
278. Артыкбаев Ж.О. Этносоциальная структура казахов Северного и Центрального Казахстана во второй половине XIX века: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алма-Ата, 1989. - С. 22.
279. Токтабаев А. Коневодство казахов в XIX–начале XX вв. (историко-этнографическое исследование): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алма-Ата, 1992. -19 с.
280. Там же. С. 20.
281. Там же. С. 21.
282. Там же. С. 22.
283. Толеубаев А. Реликты доисламских верований казахов: Автореф. дисс. ... д.и.н. - Алма-Ата, 1992. – С. 9-10.
284. Там же. С. 13.
285. Абилев Е.А. Применение принципов системного подхода в изучении этнических процессов на территории Казахстана в древности и средневековье: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алма-Ата, 1996. – 30 с.
286. Там же. С. 18.
287. Аджигалиев С.И. Генезис мемориально-культовой архитектуры кочевников Арало-Каспия II тыс. н.э.: Автореф. дисс. ... д.и.н. - Алматы, 1997. – 55 с.
288. Артыкбаев Ж.О. Этносоциальная структура казахского общества в XVIII в.: Автореф. дисс. ... д.и.н. - Алматы, 1997. – 54 с.
289. Кыдыралин У. Қазан төңкерісіне дейінгі Манғыстау қазақтары (Тарихи-этнографиялық зерттеу): Автореф. дисс. ... д.и.н. - Алматы, 1997. – 55 с.
290. Аргынбаев Х. Традиции народной бытовой и обрядовой культуры // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. - Алматы, 1997. - С. 25-29.

291. Абдулина А.Т. Современные этнокультурные процессы в среде сельского населения Жетысу: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алматы, 1998. - С. 3.
292. Тотенай Б.У. Казахские национальные игры (историко-этнографическое исследование): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алматы, 1999. - С. 45.
293. Бекназаров Р.А. Традиционное камнерезное искусство казахов: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алматы, 1998. - С.21.
294. Галимова А.К. Современная семья казахов Северного Казахстана (этносоциологическое исследование): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алматы, 2000. - С. 3.
295. Ерназаров Ж.Т. Этнознаковые функции семейной обрядности казахов (этнолого-культурологические аспекты): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алматы, 2001. - С. 25.
296. Жакин М.С. Функциональное значение принципа родства и родовой структуры в этносистеме кочевой цивилизации казахов (по материалам XVIII-XIX вв.): Автореф. дисс. .. к.и.н. – Алматы, 2001. - С. 11.
297. Кульсариева С.П. Этнография детства и социализация подростков у казахов в 1950-1980-е гг. (на материалах Кызылординской и Алматинской областей): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алматы, 2001. - С. 25.
298. Шалгинбаева С.Х. Семейные традиции и социокультурный облик казахов городов Алматы и Тараза (этносоциологическое исследование): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алматы, 2002. - С.3.
299. Байгабатова Н.К. Казахи Жетысу во второй половине XIX – начале XX вв. (историко-этнографическое исследование): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алматы, 2004. - С. 4.
300. Жанисов А.Т. Роль коневодства в хозяйственно-культурной жизни казахов Сарыарки в XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дисс. ... к.и.н. - Алматы, 2004. – 25 с.
301. Тохтабаева Ш.Ж. Художественный металл казахов XVIII-XX вв. (историко-этнографическое исследование). - Алматы, 2005. - С. 4.
302. Мустафина Р.М. Бытовой ислам у казахов (XIX – XX вв.) (историко-этнографическое исследование): Автореф. дисс. ... д.и.н. - Алматы, 2006. - С. 46.
303. Архив ИИЭ МОН РК. Отчет по теме фундаментального исследования Искусство кочевников как историко-культурный феномен (этнологическое исследование традиционного казахского искусства. - Алматы, 2002. – 80 с.
304. Козыбаев М.К. История и современность. – Алматы, 1991.
305. Муканов М.С. Этническая территория казахского народа в XVIII-XX вв. - Алматы, 1991.
306. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. - Алматы, 1991.
307. Джаныбеков У. Эхо. По следам легенды о золотой домбре. – Алматы: Онер, 1991.

308. Муканов М.С. Этническая территория казахского народа в XVIII-XX вв. - Алматы, 1991. – 62 с.
309. Джаныбеков У. Эхо. По следам легенды о золотой домбре. – Алматы: Өнер, 1991. – С. 301.
310. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. - Алматы, 1991. – 214 с.
311. Там же. С. 149.
312. Кузембайулы А. История дореволюционного Казахстана. - Алматы, 1992. – 268 с.
313. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы: Атамұра, 1993. - С. 118-143.
314. Исмагулов О., Сихимбаева К.Т., Исмагулова А.О. Антропологические аспекты происхождения казахского народа // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 1993. - № 1. - С. 18-34.
315. Мырзақанұлы Ж. Қазақ шежіресінің жазба тарихи деректерімен байланысы жөнінде // Известия НАН РК. - Серия общественных наук. – 1993. - № 1. - С. 35.
316. Козыбаев М.К. Ата тарихы туралы сыр // Известия НАН РК. - Серия обществен. наук. – 1993. - № 1; Козыбаев М. К. Откуда «есть – пошла» казахская земля // Мысль. - 1994. - № 1; и др.
317. Козыбаев М.К. Откуда «есть – пошла» казахская земля // Мысль. - 1994. - № 1. - С. 80.
318. Бабакумаров Е., Галиев А.Б., Жансугурова Ж., Перуашев А. Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики. - Алматы, 1994. - С. 16.
319. Артыкбаев Ж.О. Қазақ этнографиясы: этнос және қоғам. – Қарағанды, 1995.
320. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. - Алматы, 1995.
321. Кыдыралин У. Культура и быт казахов Мангыстау. - Алматы, 1995.
322. Мадуанов С. Взаимоотношения казахов с другими соседними народами Центральной Азии в XVIII-начале XX вв. - Алматы, 1995.
323. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. - Алматы, 1995.
324. Муканов М.С., Аргынбаев Х., Козыбаев М.К. Казахи. Историко-этнологическое исследование. - Алматы, 1995.
325. Тохтабаева Ш.Ж. Символические ориентации казахов, связанные с кузнечным и ювелирным делом // Культура кочевников на рубеже XIX-XX вв. Проблема генезиса и трансформации. - Алматы, 1995;
326. Шалекенов М.У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII-XIX вв. - Алматы, 1995.
327. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Гылым, 1995. – 296 с.

328. Шалекенов М.У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII–XIX вв. – Алматы: Ғылым, 1995. - С. 73-75.
329. Мендикулова Г.М. Казахская ирредента в России (история и современность // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. - 1995. - № 8. - С. 70.
330. Масанов Н.Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. - 1996. - № 1 (2). - С. 46.
331. Там же. С. 60.
332. Мендикулова Г. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. – Алматы: Ғылым, 1997. - 264 с.
333. Масанов Н.Э. Взаимодействие миграционных систем Казахстана, России, Китая и Средней Азии // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. - М., 1998. - С. 66.
334. Садовская Е.Ю. Некоторые политические аспекты эмиграции русскоязычного населения из Казахстана // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. - М., 1998. - С. 93.
335. Аренов М.М. Калмыков С.К. Этносоциальная действительность Казахстана // Социологические исследования. - 1998. - № 4. - С. 54.
336. Смағұлұлы О., Қожаев М., Оразаққызы А. Абылай хан. Тарихи антропологиялық зерттеу. – Алматы: Атамұра, 1999. – 169-б.
337. Ажигали С.Е. Очерк этнической истории аридной зоны Арало-Каспия (в свете проблем этногенеза) // История и культура Арало-Каспия. - Алматы, 2001. - С. 32.
338. Артыкбаев Ж.О. Этнология и этнография. – Астана: Фолиант, 2001. – 304 с.
339. Там же. С. 168.
340. Ажигали С.Е. Мемориальные камнерезные памятники кочевников Арало-Каспия как историко-этнографический источник // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. - Нальчик; - Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. - С. 246-250.
341. Ажигали С.Е. Мемориальные камнерезные памятники кочевников Арало-Каспия как историко-этнографический источник // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. - Нальчик; - Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. - С. 250.
342. Там же. С. 251.
343. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). - Алматы, 2002. - С. 440.
344. Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы // Материалы международной конференции. - Алматы, 2004. – 220 с.

345. Кумеков Б.Е. Степная и городская культура кимеков // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. - Алматы, 2004. - С. 107.
346. Нурсан Алимбай. Евразийское кочевничество как общинный тип социальности (введение в проблематику) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. - Алматы, 2004. - С. 188.
347. Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Абат-Байтак – жемчужина Казахской степи. - Алматы, 2004. - С. 7- 22.
348. Токтабай А.У. Культ коня у казахов. – Алматы: Казиздат -КТ, 2004. - С. 3.
349. Там же. - С. 31.
350. Токтабай А., Сейтқұлова Ж. Төрт түліктің қасиеті. – Алматы: Қазбаспа-КТ, 2005. - 192 б.
351. Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. – Алматы: Дайкпресс, 2005. - С. 8.
352. Абдухаимов Е. Некоторые проблемы хозяйствования и расселения казахских племен и родов в конце XIX – начале XX века (на примере Чимкентского уезда Сырдарьинской области) // Узбекистонда этнодемографик жараёнлар. - Ташкент, 2005. - Ч. 1. - С. 132.
353. Гаркавец А.Н. Великая степь в античных и византийских источниках. – Алматы: Кітап, 2005. - С. 5- 6.
354. Артыкбаев Ж.О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). - СПб: Мажор, 2005. – С. 8.
355. Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. - Алматы: Арыс, 2005. - Т. 1. – 328 с.
356. Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. - Алматы: Арыс, 2006. - Т. 2. – 416 с.
357. Токтабай А. Түркі халықтарының этномәдениеті. – Алматы: Қазбаспа-КТ 2006. - 328 б.
358. Исмагулов О., Сихымбаева К.Б., Исмагулова А.О. Этническая дерматоглифика казахов. - Алматы: ИИЭ МОН РК, 2007. – С. 31.
359. Махова Е.И., Русаякина С.П. Программа сбора материала по одежде народов Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. - М. – Л.: Наука, 1961. - С. 103-108; Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. - Алма-Ата, 1972.
360. Оразбаев А.М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды Института Истории, археологии и этнографии АН КазССР. - 1959. - Т. 7. - С. 187.
361. Шалекенов У.Х., Шалекенов М.У. История и этнология народов Амударьи и Сырдарьи в XVIII-XX вв. – Алматы: қазақ университеті, 2003. - С. 238.

362. Там же. С. 240.
363. Там же. С. 242.
364. Ажигали С.Е. Образ юрты в архитектуре // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб. научных трудов. - Алматы-Омск, 2004. - С. 110.
365. Там же. С. 117.
366. Артыкбаев Ж. Казахское общество: традиции и инновации. –Астана: Парасат әлемі, 2003. - С. 219.
367. Ажигали С.Е. Эпоха культурно-исторического перелома в казахской степи: середина XIX в. // Труды Центрального музея. - Алматы, 2004. - Вып. 1. - С. 67-68.
368. Там же. С. 69.
369. Калыбекова А. Одежда казахов // Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. – Алматы: Баур, 2005. - С. 146.
370. Там же. С. 147.
371. Артыкбаев Ж.О. Этнология и этнография. – Астана: Фолиант, 2001. С. 98.
372. Калыбекова А. Одежда казахов // Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. – Алматы: Баур, 2005. - С. 146-168.
373. Традиционная культура казахов. Сб.ст. – Алматы: Зиятпресс, 2004. - С. 100-102.
374. Казахские ювелирные украшения / Предисловие Тохтабаевой Ш. - Алма-Ата: Наука, 1985.
375. Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. - Алма-Ата, 1972.
376. Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии: К вопросу об экологических основах формирования модели питания // Советская этнография. - 1979. - № 5. - С. 65.
377. Калыбекова А. Пища казахов // Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. - С. 205.
378. Там же. С. 207.
379. Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношения народов Каракалпакстана в XVIII – XX вв. - Ташкент: Фан, 1966. – С. 76.
380. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиномадного общества. – Алматы-Москва: Социнвест Горизонт, 1995. – С. 135-136.
381. Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношения народов Каракалпакстана в XVIII – XX вв. - Ташкент: Фан, 1966. – С. 113.
382. Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов. - Алматы, 1998. - 180с; Каракузов Ж.К., Хасанов М.Ш. Космос казахской культуры // Евразия. - 2001. - № 2; Тургунбаева Ш.С. Элементы фольклористики в материальной

- культуре казахов // Казахская цивилизация. - Алматы, 2002. - № 2-3;
- Тюлепов Р. Юрта как феномен кочевой культуры // Урбанизация и
номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. - Алматы, 2004 и т.д.
383. Маргулан А.Х. Казахская юрта и её убранство. - М. Наука, 1964. - С. 5.
384. Там же. - С. 8.
385. Кадырбаев А., Султанов Т. Умельцы и мудрецы казахских степей // Этносфера. - 2001. - № 6. - С. 36-37.
386. История и культура Арало-Каспия. - Алматы, 2001.
387. Тохтабаева Ш.Ж. Формально-типологические особенности и вопросы генезиса традиционных ювелирных изделий Западного Казахстана // История и культура Арало-Каспия. - Алматы, 2001. - Вып. 1. - С. 130.
388. Тохтабаева Ш.Ж. Формально-типологические особенности и вопросы генезиса традиционных ювелирных изделий Западного Казахстана // История и культура Арало-Каспия. - Алматы, 2001. - Вып. 1. - С. 142.
389. Ажигали С.Е. Памятники Северного Приаралья // История и культура Арало-Каспия. - Алматы, 2001. - Вып. 1. - С. 150.
390. Там же. С. 152.
391. Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов. – Алматы: Қазақстан, 1998. - С. 25.
392. Там же. С. 27.
393. Тургунбаева Ш.С. Элементы фольклористики в материальной культуре казахов // Казахская цивилизация. - Алматы, 2002. - № 2-3. - С. 94.
394. Тюлепов Р. Юрта как феномен кочевой культуры // Урбанизация и
номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. - Алматы, 2004. - С. 315-316.
395. Артыкбаев Ж.О. Этнология и этнография. – Астана: Фолиант, 2001. – С. 190.
396. Каргабекова Р.И. Развитие современного искусства художественного войлока Казахстана второй половины XX века // Традиционная культура казахов. Сб. ст. - Алматы, 2004. - С. 103.
397. Аязбекова У. Некоторые особенности построения пространственной композиции в казахских войлочных коврах – текеметах// Традиционная культура казахов. Сб. ст. - Алматы, 2004. - С. 92.
398. Марданов К. Современные казахи: память номадизма и печать урбанизации // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. - Алматы, 2004. - С. 432.
399. Там же. С. 437.
400. Шалекенов У.Х., Шалекенов М.У. История и этнология народов Амударьи и Сырдарьи в XVIII- XX вв. – Алматы: қазақ университеті, 2003. - С. 264-267.
401. Шаханова Н.Ж. Традиционная пища казахов как историко-этнографический источник (по материалам кочевых и полукочевых групп): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Л., 1987. – С. 3.

402. Артыкбаев Ж.О. Этнология и этнография. – Астана: Фолиант, 2001. – С. 203.
403. Шаханова Н.Ж. Традиционная пища казахов как историко-этнографический источник (по материалам кочевых и полукочевых групп): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Л., 1987. – С. 6.
404. Кумыс и шубат. – Алматы: Ғылым, 1996. - С. 31-36.
405. Калыбекова А. Пища казахов // Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. - С. 205-216.
406. Шаханова Н.Ж. Традиционная пища казахов как историко-этнографический источник (по материалам кочевых и полукочевых групп): Автореф. дисс. ... к.и.н. - Л., 1987. – С. 7.
407. Там же. С. 9.
408. Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. - Алма-Ата, 1972.
409. Аргынбаев Х.А. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX веков: По материалам Восточного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии. - Алма-Ата, 1959. - Т. 6. Этнография. - С. 77; Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая. - Алма-Ата, 1986. – 141 с.
410. Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х.А. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы: Ғылым, 1998.
411. Хатран Д., Бейсенов А. Элементы традиционной культуры питания народов Центральной Азии // Труды Центрального музея. - Алматы, 2004. - Вып. 1. - С. 181.
412. Артыкбаев Ж. Этнология и этнография. – Астана: Фолиант, 2001. - С. 201-203.; Бизаков С. Ветви одного могучего дерева. – Алматы: Білім, 2002. - С. 40-41.
413. Ахинжанов С.М., и др. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. – Алматы: Ғылым, 1992. – 217 с.
414. Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии: К вопросу об экологических основах формирования модели питания // Советская этнография. - 1979. - № 5. - С. 65.
414. Артыкбаев Ж.О. Этнология и этнография. – Астана: Фолиант, 2001. – С. 202.
415. Хатран Д., Бейсенов А. Элементы традиционной культуры питания народов Центральной Азии // Труды Центрального музея. - Алматы, 2004. - Вып. 1. - С. 181.
416. Шалекенов У.Х., Шалекенов М.У. История и этнология народов Амударья и Сырдарья в XVIII- XX вв. – Алматы: қазақ университеті, 2003. – С. 264-265.
417. Артыкбаев Ж.О. Этнология и этнография. – Астана: Фолиант, 2001. – С. 221.

418. Там же.
419. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская Этнография. -1970. -№ 4. - С. 5.
420. Алимбай Н., Муқанов М.С., Аргынбаев Х.А. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы: Ғылым, 1998. – 234 с.
421. Калыбекова А. Пища казахов // Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. - С. 205-216.
422. Абиль Е. Этногенез казахов. Опыт системного подхода. – Кустанай, 1997. - С. 91.
423. Абилев А.К. Материалы по истории Казахстана (с древнейших времен до XIII века). – Алматы: Наука, 1992. - С. 99-104.
424. Досымбаева А. Западный тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы: Комплекс, 2006. - С. 40-41.
425. Каракузов Ж.К., Хасанов М.Ш. Космос казахской культуры. - Алматы, 1993. – 80 с.
426. Артыкбаев Ж.О. Этнология и этнография. – Астана: Фолиант, 2001. – С. 211-212.
427. Ажигали С.Е. Эпоха культурно-исторического перелома в казахской степи: середина XIX в. // Труды Центрального музея. - Алматы, 2004. - Вып. 1. - С. 70.
428. Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. – Алматы: Баур, 2005. - С. 200.
429. Аргынбаев Х. Традиции народной бытовой и обрядовой культуры // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. - Алматы, 1997. - С. 25-29.
430. Ерназаров Ж.Т. «Символы культуры» в практике семейной обрядности казахов в 90-е годы XX века // Историко-культурное наследие Центрально-азиатского региона. - С. 26.
431. Кузембайулы А., Абиль Е. История Республики Казахстан. – Алматы: Ғылым, 1998. - С. 83.
432. Тимошинов В.И. Культурология: Казахстан – Евразия – Восток – Запад. – Алматы: Ғылым, 1997. - С. 40.
433. Артыкбаев Ж.О. Этнология и этнография. – Астана: Фолиант, 2001. – С. 206.
434. Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов. – Алматы: Қазақстан, 1998. - С. 25.
435. Аргынбаев Х.А. Обычай и поверья казахов, связанные со скотоводством // Хозяйство казахов на рубеже XIX – XX вв. - Алма-Ата: Наука, 1980. - С. 132.
436. Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). – Алматы: Қазақстан, 2003. - С. 181.

437. Калыбекова А. Наурыз // Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. - Алматы, 2005. - С. 258-266.
438. Артыкбаев Ж. Казахское общество: традиции и инновации. –Астана: Парасат әлемі, 2003.
439. Муканов М.С., Аргынбаев Х., Козыбаев М.К. Казахи. Историко-этнологическое исследование. - Алматы: Казахстан, 1995. – С. 200.
440. Сулейменов О.О. Язык письма. - Алматы – Рим, 1998. - С. 228.
441. Тараков Л. Национальные меньшинства Казахстана: состояние и перспективы // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. - М., 1998. - С. 71.
442. Ерофеева И.В. Роль новых учебников и современной системы образования в формировании миграционной ситуации в Казахстане // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. - М., 1998. - С. 133.
443. Культура и история Центральной Азии и Казахстана. - Алматы, 1997. - С. 23.
444. Труды Центрального музея. – Алматы, 2004. - Выпуск 1. – 394 с.
445. Традиционная культура казахов. Сб. ст. / Под редакцией Омирбековой М.Ш. –Алматы: Зиятпресс, 2004. - 168 с.
446. Ж.О.Артыкбаев Казахское общество: традиции и инновации. Астана, 2003. – С. 204-205.
447. Там же. – С. 210.

АЛИБЕК СЕЙДЕХАН НУРМАХАНОВИЧ
КОСАНБАЕВ САКЕН КУРБАНБЕКОВИЧ
БЕГАЛИЕВА АЙША КАРЫПЖАНОВНА

Этнология Казахстана: история и современность

МОНОГРАФИЯ

Подписано в печать 21. 12. 2017

Формат

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем 8 п.л. Тираж 1000.

типография

Заказ № , ул.